

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ДОНБАССКАЯ АССОЦИАЦИЯ РУСИСТОВ ДАР
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА
ИМЕНИ Е. С. ОТИНА**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»**

Материалы II Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
памяти проф. Е. С. Отина

Донецк – 2017

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ДОНБАССКАЯ АССОЦИАЦИЯ РУСИСТОВ ДАР
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА
ИМЕНИ Е. С. ОТИНА**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ»**

Материалы II Международной научной конференции
студентов и молодых учёных
памяти проф. Е. С. Отина

Донецк – 2017

Актуальные проблемы изучения славянских языков: Материалы II Международной научной конференции студентов и молодых учёных памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 25 января 2017 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2017. – Вып. 2. – 209 с.

В сборнике опубликованы представленные в оргкомитет II Международной научной конференции студентов и молодых учёных «Актуальные проблемы изучения славянских языков» памяти проф. Е. С. Отина статьи студентов и молодых ученых, посвященные проблемам славянской филологии. Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется филологическими науками.

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

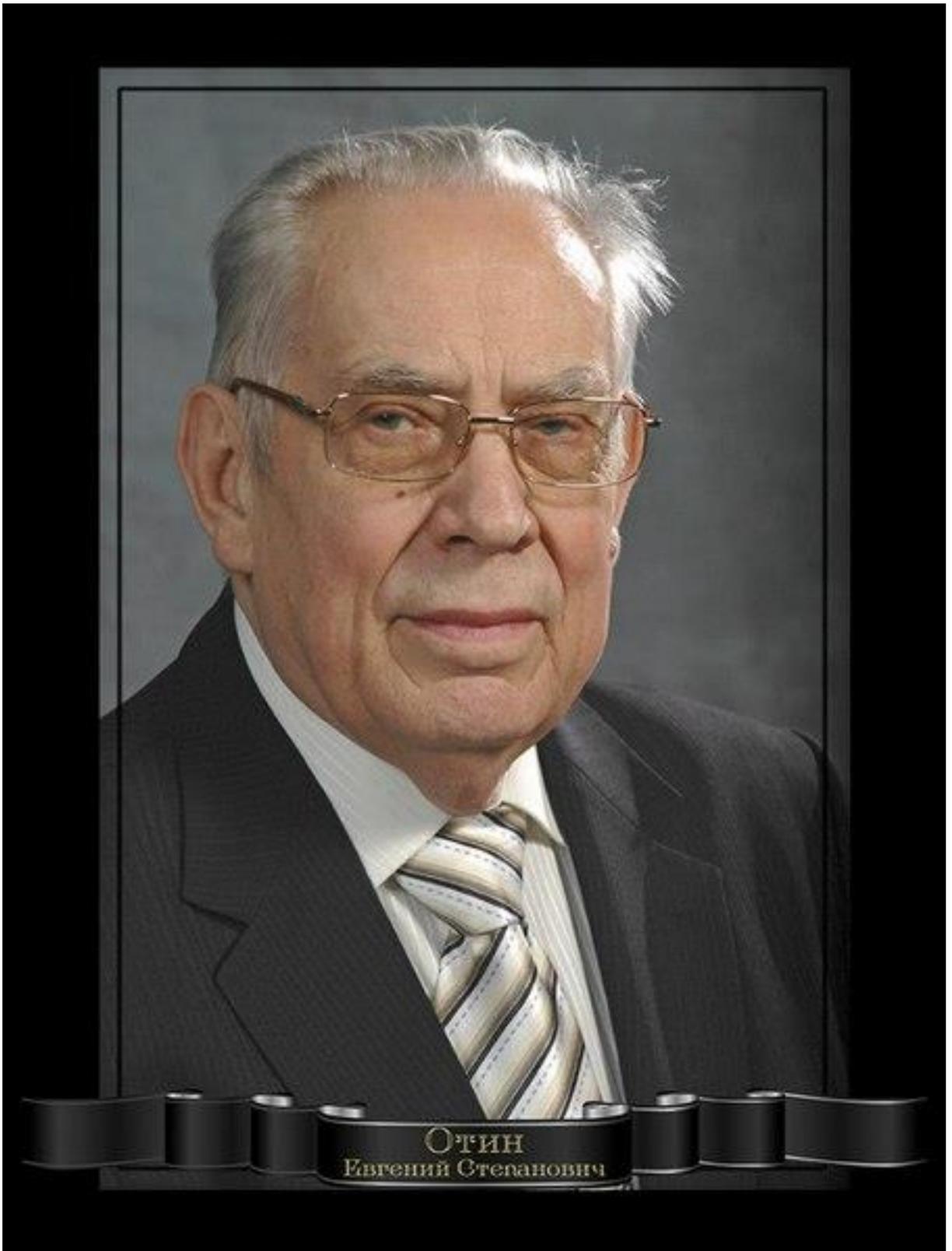
Редколлегия: Н. А. Ярошенко, канд. филол. наук, доц. (отв. ред); А. В. Емельяненко, канд. филол. н., доц. (отв. секретарь); В. И. Теркулов, д-р филол. наук, проф.; В. М. Калинин, д-р филол. наук, проф.; В. В. Фёдоров, д-р филол. н., проф.; И. А. Герасименко, д-р филол. наук, доц.; Л. П. Борисова, канд. филол. наук, доц.; Н. Е. Касьяненко, канд. филол. наук, доц.; К. В. Першина, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты: д-р филол. н., проф. А. В. Петров;
д-р филол. н., проф. В. И. Супрун.

*Рекомендовано к печати
учёным советом филологического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Протокол № 6 от 21 февраля 2017 г.)*

© Коллектив авторов, 2017

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017

ОТИН
Евгений Степанович

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Е. С. ОТИНА

13 апреля 2017 г. исполняется **85 лет со дня рождения** выдающегося учёного — доктора филологических наук, профессора, действительного члена Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), заслуженного деятеля науки и техники Украины, заслуженного профессора Донецкого национального университета **Евгения Степановича Отина**.

Евгений Степанович родился в Днепропетровске в семье служащих Отина Степана Ивановича и Отиной Анны Михайловны. Детство его прошло в пригороде Днепропетровска – Старых Кайдаках, расположенных на тогда еще живописных берегах Днепра с его цветущими плавнями. В 1954 г. окончил филологический факультет Днепропетровского государственного университета. В студенческие годы Евгений Степанович увлекался поэзией, русской литературой, делал первые удачные попытки в научной работе. Именно в студенческие годы зародилась дружба Е. С. Отина с О. Н. Трубачевым, с которым теплые дружеские и товарищеские отношения Евгений Степанович поддерживал до самой смерти академика О. Н. Трубачева. После окончания университета Е. С. Отин вместе со своей женой-однокурсницей Нинелью Витальевной Максимовой по собственному желанию отправился в одну из целинных областей Северного Казахстана, где работал учителем русского языка и литературы в Мамлютской средней школе. Потом несколько лет работал преподавателем русского языка и литературы в школах рабочей молодежи в г. Жданове (сейчас г. Мариуполь).

В 1957 г., выдержав трудные конкурсные экзамены, поступил в заочную аспирантуру Московского областного педагогического института им Н. К. Крупской.

В 1960 г. состоялось знакомство Евгения Степановича с доцентом Г. И. Рихтером, зав. кафедрой русского и общего языкознания Сталинского педагогического института. Прочитав первые публикации молодого учёного и оценив его научные способности, Г. И. Рихтер приглашает Евгения Степановича на работу в качестве ассистента.

В 1963 г. Е. С. Отин защитил кандидатскую диссертацию по проблемам исторического синтаксиса в спецсовете Днепропетровского государственного университета, в 1974 г. – докторскую диссертацию по гидронимии Юго-Восточной Украины в спецсовете при Отделении общественных наук АН Украины.

С 1961 г. работал в Донецком национальном университете (до 1965 г. — педагогическом институте), где прошёл путь от ассистента до профессора. С 1976 г. почти 40 лет заведовал кафедрой общего языкознания и истории языка, которая сейчас носит его имя.

В течение 27 лет, с 1986 по 2013 г., Е. С. Отин был деканом филологического факультета Донецкого национального университета. За годы работы Евгения Степановича в должности декана филологический факультет претерпел ряд существенных качественных изменений.

Евгений Степанович был невероятно скромным человеком, несмотря на наличие многочисленных званий и наград высочайшего уровня. Так, в 1993 г. Е. С. Отин был избран членом Академии высшей школы Украины, в 1998 г. – академиком Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Заслуженный деятель науки и техники Украины (1992 г.). Заслуженный профессор Донецкого национального университета (2001 г.). Награжден почётным знаком «Отличник народного образования УССР» (1990 г.), медалью «За заслуги в области образования и педагогической науки» им. А. С. Макаренко (1991 г.), медалью А. С. Пушкина МАПРЯЛ «За большие заслуги в распространении русского языка» (2010 г.), грамотой Верховного Совета Украины за заслуги перед Украинским народом (2012 г.), орденом «За заслуги» III степени (2013 г.).

Биография Евгения Степановича неоднократно публиковалась в международном справочнике «Who is who».

Евгений Степанович Отин – основатель широко известной во всем мире Донецкой ономастической школы, лингвист с мировым именем. Главные отрасли и направления научной деятельности: история русского и украинского языков, этимология, топонимика Украины и России, словарь коннотативной онимной лексики, историко-этимологический словарь жаргонных слов и выражений русского языка, составление лингвистических каталогов гидронимов Северного Приазовья и бассейна р. Дон, теоретические проблемы ономастики. Им изучено происхождение многих топонимов, принадлежащих территории Левобережной Украины и южной России, составлен полный свод названий рек Северного Приазовья, а также историко-этимологический словарь урумских и румейских топонимов приазовских греков.

Е. С. Отин – автор более 300 научных трудов, в том числе таких монографий и словарей: «Гідроніми Східної України» (1977), «Избранные работы» (1997), «Избранные труды по языкознанию. II» (1999), «Труды по языкознанию» (2005), «Гидронимия Дона. Т. 1. Верхний и Средний Дон» (2011), «Гидронимия Дона. Т. 2. Нижний Дон» (2012), «Гидронимия Северного Приазовья» (2012), «Топонимия Донетчины» (2013), «Происхождение географических названий Донбасса» (2014), «Словник гідронімів України» (1979, в соавторстве), «Русская ономастика и ономастика России» (1994, в соавторстве), «Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий)» (три издания: 2000, 2002, 2004), «Словарь коннотативных собственных имен» (три издания: 2004, 2006, 2010), «Историко-этимологический словарь жаргонных слов и выражений» (два издания: 2006, 2010), «Словарь русского языка X — XVIII веков» (2014), «Частотный словарь «Жития протопопа Аввакума»» (2014).

Подготовил более 40 кандидатов наук, 3 докторов наук.

В течение многих лет был ответственным редактором «Вестника Донецкого национального университета. Сер. Б. Гуманитарные науки», научного журнала «Логос ономастики», ежегодника «Востоčnoукраинский лингвистический сборник».

Судьба распорядилась так, что жизнь Евгения Степановича оказалась обрамлённой двумя войнами. Он часто вспоминал тот сложный период, когда семья жила в оккупированном немецкими захватчиками Днепропетровске. Евгений Степанович с особой теплотой всегда говорил о своей матери, Анне Михайловне, которая фактически спасла семью от голодной смерти. Не суждено было им погибнуть и от разрыва бомб. Однажды немецкий снаряд, пробив крышу дома, попал прямо в комнату, где находилась вся семья, но, к счастью, не взорвался. Последние месяцы жизни Евгения Степановича вновь, как и в детстве, были омрачены войной. Он остался в Донецке вместе со своей кафедрой, своим факультетом и университетом, продолжая честно выполнять свой долг – долг Учителя, Преподавателя, Учёного, показывая личный пример мужества, стойкости духа, высокого профессионализма

Следует сказать, что в своё последнее лето 2014 года (военное лето!!!) он, уже тяжелобольной, закончил работу над двумя уникальными словарями и успел издать их, вложив в это собственные средства: «Словарь русского языка X-XVIII веков» (2014 г.) и «Частотный словарь “Жития” протопопа Аввакума» (2014 г.). Евгений Степанович верил, что это только начало для подготовки творческого научного наследия нам, его нынешним ученикам, а также тем студентам, которые еще будут учиться на филологическом факультете. Правильно заметил однажды профессор В. М. Калинин: профессор Отин ещё не достиг своей научной вершины, он был в пути, только приближаясь к ней. Жаль, что этот путь так трагически прервался ...

В год празднования 50-летия кафедры общего языкознания и истории языка и 80-летия Донецкого университета мы вновь и вновь обращаемся

к страницам их истории и понимаем, какое место в жизни коллектива занимал этот учёный и Человек. Мы стараемся сохранить память о нём у тех, кому не повезло общаться с Евгением Степановичем при его жизни. Мы рассказываем о нём тем, кто знал профессора только по его работам в области ономастики, общего языкознания и истории русского языка. Имя Евгения Степановича звучит в аудиториях, где слушают лекции первокурсники, которые впервые слышат об этом человеке. Начиная с 2015 года имя профессора Е. С. Отина носят кафедра общего языкознания и истории языка, которую он возглавлял почти 40 лет, а также ежегодные встречи учёных в формате Международных (Святогорских) ономастических чтений, инициатором которых в 2007 г. выступил Евгений Степанович. Так, юбилейные II Международные (X Святогорские) ономастические чтения имени Е. С. Отина прошли на филологическом факультете ДонНУ 22–23 октября 2016 г. Уже традиционной стала Международная научная конференция студентов и молодых учёных «Актуальные проблемы изучения славянских языков» памяти проф. Е. С. Отина (г. Донецк, 13 апреля 2016 г. и 25 января 2017 г.). По итогам этой конференции выходит сборник научных трудов, в котором публикуются результаты исследований студентов и молодых учёных вузов ДНР, ЛНР, Приднестровской Молдавской Республики, Российской Федерации.

13 апреля 2017 г. на филологическом факультете пройдёт ряд мероприятий, посвящённых 85-летию со дня рождения профессора Евгения Степановича Отина.

Так, кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина совместно с директором музея истории ДонНУ В. С. Шатуновым на 13 апреля 2017 г. запланирован показ слайд-фильма, посвящённого жизненному и научному пути проф. Е. С. Отина. В апреле научной библиотекой ДонНУ (читальный зал № 2 гуманитарных наук) совместно с кафедрой ОЯИЯ будет организована выставка научных трудов проф. Е. С. Отина. На выставке будут представлены монографии и словари

Е. С. Отина, а также научные журналы и ежегодники, редактором которых он являлся. В день 85-летия со дня рождения Евгения Степановича на филологическом факультете по инициативе кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина состоится открытие мемориальной аудитории имени доктора филологических наук, профессора Евгения Степановича Отина. Мемориальной аудиторией имени профессора Е. С. Отина станет учебная аудитория 337 первого корпуса ДонНУ. В этой аудитории 13 апреля 2017 года пройдёт работа круглого стола «Научное наследие Е. С. Отина: к 85-летию со дня рождения», в котором примут участие учёные из вузов ДНР и Российской Федерации. Работа круглого стола будет посвящена осмыслению научного наследия Е. С. Отина в области теоретической и прикладной ономастики, лексикологии, дериватологии, лексикографии.

Человек жив до тех пор, пока жива память о нём. Евгений Степанович живёт в памяти его коллег, учеников, родственников, живёт в своих бессмертных трудах, ставших достоянием мировой лингвистики. Главная же задача нас, учеников Отина, – чтить традиции, помнить Учителя и не покладая рук стремиться к новым вершинам на благо родной альма-матер!

Вечная память гению, лингвисту-первопроходцу, человеку с горящим сердцем, человеку-эпохе Евгению Степановичу Отину!

*Зав. кафедрой общего языкознания и
истории языка имени Е.С. Отина,
канд. филол. наук, доцент Н. А. Ярошенко*

О. В. Агафонова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. Т. Н. Колокольцева)

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ
В КОММЕНТАРИЯХ К БЛОГАМ ПОЛИТИКОВ**

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В Глобальной сети Интернет все более значимое место занимает категория диалогичности. Интернет-общение по большей части диалогизированно. Категория диалогичности может встречаться не только в диалогических, но и в монологических текстах, если они учитывают фактор адресата, и возникать между сообщением и реакцией на него комментарием.

Вопрос об определении сущности категории диалогичности активно обсуждается лингвистами во многих работах (см. труды М. М. Бахтина, А. А. Волкова, Л. Р. Дускаевой, М. Н. Кожинной, Т. Н. Колокольцевой, О. А. Прохвятиловой и др.). Однако данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным в связи с неоднозначностью имеющих трактовок диалогичности.

Так, например, М. Н. Кожина определяет диалогичность как «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [4, с. 36].

О. А. Прохвятилова характеризует диалогичность как «свойство текста (высказывания), отражающего отношения говорящего и слушающего, субъекта и адресата речи, отношение «я»-сферы и «ты»-сферы модуса высказывания» [5, с. 109].

Под диалогичностью, вслед за Т. Н. Колокольцевой, мы понимаем «учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной

ориентации при помощи определенных языковых средств» [3, с. 129].

Категория диалогичности проявляет себя в таких жанрах Интернета, как форумы, чаты, блоги, всевозможные социальные сети. Следует отметить интерактивное взаимодействие текста интернет-пользователя с другими текстами электронной коммуникации.

Для коммуникации в сети Интернет, в частности в блоге, характерна направленность на общение автора блога со своими читателями. Воздействуя на адресатов для достижения тех или иных целей, адресант прибегает к фигурам диалогизма (предупреждение, ответственность, сообщение, заимословие, цитата, аллюзия, риторический вопрос, риторическое восклицание, вопросно-ответные структуры) или иным показателям диалогичности (глагольные и местоименные формы 1-2 лица, вопросно-ответные единства, обращения, императивные конструкции и другие), которые облегчают взаимопонимание коммуникантов. Ответ пользователей на заметку автора в блоге во многом зависит от того, насколько удачной будет подача информации в сообщении. Так, в диалогах между автором микроблога Твиттер и его читателями было замечено, что интерес посетителей вызывает использование риторического вопроса, риторического восклицания, вопросно-ответной структуры в высказывании адресанта.

Языковой материал, привлеченный для анализа в данной статье, представлял собой тексты электронных дневников политиков В. В. Жириновского, И. В. Лебедева, Г. А. Явлинского и политолога Г. О. Павловского, размещенные в микроблоге Твиттер. С точки зрения диалогичности пост автора блога может быть рассмотрен как реплика-стимул, а конкретный комментарий читателя – как реплика-реакция. Комментарии пользователей по отношению к друг другу представляют собой полилог, который мы понимаем как разновидность диалога.

Популярность Твиттера обусловлена действием тенденции к быстрой коммуникации между пользователями сети Интернет. В рамках блога

общение между людьми происходит в режиме офлайн (англ. *offline* – «не на линии, отключенный от Сети») и отличительной чертой является возможность для пользователей в любой момент обратиться к интересующей информации.

Особенностью блогов является возможность комментирования записей адресанта. Как справедливо отмечает Т. В. Синенко, комментарии помогают «оценить степень воздействия на читателя, определить успешность поставленных целей...» [7]. Вследствие этого «реакция адресата крайне важна для отправителя сообщения», на что обращает внимание Н. Н. Казнова [2].

Перейдем к рассмотрению типов ответных реплик в электронных сообщениях с использованием показателей диалогичности.

Риторическое восклицание

Вслед за А. А. Волковым мы понимаем риторическое восклицание как «высказывание в восклицательной форме, обращенное ритором как бы к себе самому» [1].

В блогосфере с помощью данной риторической фигуры субъект речи может выразить свое отношение к информации, приводимой в блоге, создавая при этом эффект разговора с читателем, например:

(1) @**Russian1972** 26.10.2016

Ременя им! Проблема «золотой молодежи» – проблема древняя и не только российская. Всегда существовали «барчуки», которым «все можно», которых папенька защитит от политики, от закона. Которых телохранители оберегут от гнева «простолюдинов».

@**kireevny** 26.10.2016

@**Russian1972** *может по закону, а ремня на усмотрение родителей?)*

В примере (1), используя риторическое восклицание в своей записи о проблеме «золотой молодежи» в России, политик придает своему высказыванию дополнительную выразительность. В ответной реплике пользователя Russian1972 предложено решение проблемы в правовом

поле, а использование эмодикона снимает напряжение, вызванное провокационным сообщением адресанта.

Риторический вопрос

А.А. Волков отмечает, что риторический вопрос – «утвердительное высказывание, которое не предполагает ответа» [1]. Например:

(1) @GlebPavlovsky 23.10.2016

И кто тут русофоб, скажи на милость? <http://fb.me/88GQWzNeb>

[Дается отсылка к записи А. В. Запесоцкого на сайте социальной сети Facebook. – Примечание наше. О. А.].

@NikolayBranko 23.10.2016

@GlebPavlovsky да хоть бы голубя мира взяли бы эмблемой, суть не в том. В стране кризис, и этот пресловутый мундиаль – пир во время чумы.

@ReginaTolstobr1 24.10.2016

@GlebPavlovsky да какая разница, пусть будет волк. Волки, между прочим, очень умные животные.

В примере (1) дан вторичный комментарий автора записи на заметку А. В. Запесоцкого, ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, по поводу выбора талисмана чемпионата мира по футболу 2018 года. Вопрос политолога отличается повышенной эмоциональностью, которая создается за счет использования восклицательных и вопросительных предложений и позволяет привлечь внимание читателей.

Вопросно-ответная форма

Вопросно-ответная форма придает тексту большую выразительность, акцентирует внимание читателей.

(1) @yavlinsky 9.06.2016

Почему закрывают особые экономические зоны? Наверное, там такая коррупция, что их можно превратить просто в зоны.

<http://bit.ly/1U9z2> [Ссылка на собственную заметку на сайте социальной сети Facebook. – Примечание наше. О. А.].

@SlesareffSerge 19.06.2016

@yavlinsky Григорий Алексеевич... золотые слова.

@SamBuchanich 10.06.2016

@yavlinsky можно не закрывать, просто обнести колючей проволокой.

@vladdjan 09.06.2016

@yavlinsky Возможно.

В примере (1) вопросно-ответная структура помогает Г. А. Явлинскому донести до читателей ту мысль, которую он хотел выразить в своем сообщении. Согласие пользователей с мнением политика говорит о совпадении взглядов адресанта и адресатов и позволяет вызвать доверие электората.

Анализ показал, что наибольшее число ответных реплик приходится на заведомо эпатажные сообщения или записи, затрагивающие актуальные для общества вопросы. В качестве средств активизации внимания политики выбирают такие фигуры диалогизма, как риторические вопросы, риторические восклицания или вопросно-ответные формы. В рамках блогов пост представляет собой реплику-стимул, а комментарии к нему рассматриваются как реплики-реакции. Автор сообщений в репликах-стимулах ориентирован на дальнейшую коммуникацию. Реакция адресата может представлять собой вопрос к адресанту, согласие или не согласие с мнением автора записи. Комментарии зачастую проникнуты эмоциональностью, требующей от политика активных действий в решении проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А. А. Слог и стиль [Электронный ресурс] / А. А. Волков. – Режим доступа : [http : // portal-slovo.ru/philology/37428.php?ELEMENT_ID=37428&SHOWALL_1=1](http://portal-slovo.ru/philology/37428.php?ELEMENT_ID=37428&SHOWALL_1=1) (Дата обращения : 07.12. 2016).
2. Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] / К. Н. Казнова. – Режим доступа : [http : // www.psu.ru/psu2/files/0504/Kaznova_20_10_11.pdf](http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Kaznova_20_10_11.pdf) (Дата обращения : 07.12. 2016).
3. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : ВГУ, 2011. – 261 с.

4. Кожина М. Н. Диалогичность письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 91 с.
5. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. – Волгоград, 1999. – 362 с.
6. Рогачева Н. Б. Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога / Н. Б. Рогачева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Вып. 5. Жанр и культура. – Саратов, 2007. – С. 111–127.
7. Синенко Т. В. Жанровая специфика сетевой полемики [Электронный ресурс] / Т. В. Синенко. – Режим доступа : [http : // www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2008/01/sinenko.pdf](http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2008/01/sinenko.pdf) (Дата обращения : 07.12. 2016).

Е. И. Анисимова

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. Е. Касьяненко)

**ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН
В ПОВЕСТИ В. С. ЗАБИРКО «ВАРИАНТ ПАТА»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

На сегодняшний день изучение собственных имен в художественных текстах, в частности в фантастических, находится на стадии развития. Среди исследователей ономастических наименований в фантастических произведениях можно выделить Е. Ю. Карпенко [4], А. П. Миньян-Белоручеву и А. В. Плотникову [5], А. А. Новичкова [6] и др. Стоит отметить, что при этом региональная фантастика, прежде всего Донбасса, является в этом отношении слабо изученной.

В данной статье исследуются особенности выбора и употребления собственных имен в научной фантастике. Спецификой произведений этого жанра является наличие допущений фантастического характера, не выходящих за рамки научного восприятия действительности. Фабульной основой научно-фантастических текстов предстают чаще всего изобре-

ния, исследования, такие, как космические путешествия, перемещения во времени, новые открытия, а также изменение человека и окружающего его мира под влиянием этих открытий. Имена собственные в семантической структуре научно-фантастического текста служат своеобразным «ключом» в раскрытии художественного замысла писателя. Особенности жанра научной фантастики таковы, что он предоставляет работающим в его рамках писателям больше свободы в подборе личных имен, чем это возможно, например, в реалистической прозе. Ономастиконы научной фантастики, наряду с содержащимися в научно-фантастических произведениях новообразованиями, несут на себе печать не только стиля литературного направления, но и идиостиля отдельных авторов.

В **задачи** настоящей статьи, учитывая вышесказанное, входит выявление особенностей собственных имен в произведении научной фантастики и демонстрация того, что они выполняют необходимую художественную роль. **Материалом исследования** послужила научно-фантастическая повесть В. С. Забирко «Вариант Пата». В. С. Забирко – известный донецкий писатель-фантаст, член Национального Союза Писателей Украины и Союза Писателей России. Его первый научно-фантастический рассказ «Сторожевой пес» получил гран-при на международном конкурсе «71-РОБОТ-72». Писатель известен такими фантастическими произведениями, как повести «Войнуха» (1972) и «Побег» (1974), романами «Все пули мимо» (1998), «Операция «Карантин» (2000), «Антропогенный фактор» (2005) и др. Творчество В. С. Забирко удостоено нескольких наград, среди которых престижная премия «Чумацкий шлях» (1992) за лучшее украинское научно-фантастическое произведение (повесть «Войнуха»). Заметной на этом фоне является научно-фантастическая повесть-предостережение «Вариант Пата» (1984).

Название повести – топоним *Великий Пат*, функционирующий в качестве официального именованя города, имеет несколько вариаций: сокращенное наименование *Пат* и *Славный Город*. Семантические

признаки в наименованиях *Славный Город* и *Великий Пат* проявляются в лексических значениях лексем, участвующих в образовании топонимов (от качественных прилагательных). Само название города – *Пат* – создано от имени его основателя *Патек*, о чем есть упоминание в тексте. Однако в вымышленном топониме прослеживается и логическая связь с шахматным термином (пат – положение в шахматной партии, при котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все ее фигуры и пешки лишены возможности сделать ход). Иначе говоря, в повести земные коммуникаторы, которые имеют возможность вмешаться в историю города и ускорить его развитие, не имеют права это сделать: *«Работа больше не приносила удовлетворения, каждое свое действие он невольно расценивал теперь как бесполезный патовый ход, ведущий в тупик»*. Собственное имя-топоним *Великий Пат* приобретает, таким образом, многосмысленность и, находясь в сильной позиции заглавия, обуславливает внутреннюю заданность текста, выполняет текстообразующую функцию.

В тексте повести функционирует более 160 собственных имен: 90 **антропонимических единиц** (*Бортник, Гелюций Крон, Лонадика*), 42 топонима, в том числе **хоронимы** (провинции *Табрия, Килона, Севрия, Ипаласская роца, Северное предместье Пата, область Паралузия*, земля *Мегалия*), **астионимы** (*Асилон, Великий Пат*), **гидроним** (река *Любс*), **оронимы** (*Амалийское плато, гора Стигн*), **гелонимы** (*Цинтийские болота, Сухое болото*), **ойконимы** (*Коронпо, Таберия, Кортубо*), **урбонимы** (*Триумфальная аллея, форпост Пиклон, форт Лидеб, Сабаторийский храм, Театруум*), **дромонимы** (*Тритская дорога, Туборова дорога*), **пелагоним** (*Аринтийское море*), **годоним** (*Карпарийская улица*). Кроме того, можно выделить 2 **астронима** (*Луна, Земля*), названия газеты, учебника и журнала (*«Сенатский вестник», «Астрофизика», «Журнал практической истории Проблемного института по контактам с внеземными цивилизациями»*).

Говоря об антропонимах, следует отметить, прежде всего, личные имена, которые представлены, в основном, однословными моделями: *Тагула* – (ср. Калигула), *Срест*, *Петроний*, *Бурстий*, *Пильния*, *Гирон*, *Страдон*, *Требоний*, *Кикена*, *Ниркон*, *Дартога*, *Керт*, *Калеция*, *Валург*, *Атран*, *Галанта*, *Кланта*, *Лонадика*, *Варулиния*, *Ана*, *Гинева*); и двухсловными: (*Сейк Аппон*, *Палий Артодат*, *Труций Кальтар*, *Гелюций Крон*, *Ясет Бурх*, *Лекотий Бран*, *Дистроха Кробулла*, *Вербоний Сатур*, *Лют Конта*, *Сипр Сипол*, *Иклон Болита*, *Дальций Колорон*). Вместе с тем отмечены и трехчленные наименования (*Гай Саллюстрий Крисп*, *Тист Класт Дартага*, *Гарун-аль-Рашид*).

В повести представлены две цивилизации – земная и инопланетная, во второй прослеживаются намеки автора на Древний Рим. Они «просматриваются» и в модели государственного устройства (наличие Сената, военных легионов), и в названиях государственных должностей, характерных для Древнего Рима (сенаторы, преторы, аргентарии, посадники, казначеи), и в «римской» одежде (патская тога). Упомянув Гая Саллюстия Криспа, древнеримского историка, реформатора античной историографии, один из героев повести цитирует его, сравнивая фантастический город Великий Пат с Древним Римом: – «*Продажный город, – неожиданно процитировал он, – обречённый на скорую гибель, если только найдёт себе покупателя!*». Иными словами, автор дает еще один намек на схожесть двух государств.

В основном, персонажи повести – это жители другой цивилизации, что обуславливает ономастические трансформации – писателю приходится придумывать что-то особенное, отличное от земной антропонимики. Появляются такие имена, как *Кикена*, *Осика*, *Лют Конта*, *Алоза*, *Аурелика Крон*, *Атран* и другие. Но эти новообразования опираются на действующие модели онимической системы, а именно на римскую модель. К примеру, в тексте произведения встречается полное трехчленное именование – *Тист Класт Дартага*. В классическое время полное римское мужское имя состояло из трех компонентов: личного имени, или прено-

мена (*praenomen*), родового имени, или номена (*nomen*), и индивидуального прозвища или названия ветви рода, когномена (*cognomen*).

Представители земной цивилизации имеют реальные имена людей разных национальностей. *Гейнц Крапиновски, Ежи Червински* – фамилии с польскими окончаниями, *Серджио Турелли* – именование, построенное по итальянской модели, *Арвид Штамм, Отто Бештлиц, Бабен Ковит* – немецкие фамилии, *Андрей Прошин* – русская фамилия.

В повести «Вариант Пата» В. С. Забирко использует имена собственные-аллюзии на известные исторические лица (*Архимед, Апулей, Гай Саллюстрий Крисп, Нерон, Спартак, Боккаччо*). В художественном тексте имена исторических деятелей становятся компонентами литературной ономастики и начинают «говорить». Сравнивая, в частности, некоторых своих героев с *Апулеем* (древнеримским поэтом и философом), *Ксенофаном* (древнегреческим поэтом и философом), *Боккаччо* (итальянским писателем и поэтом эпохи Возрождения), автор дает представления о поэтических способностях некоторых героев в романе (поэзия Солара сравнивается с поэзией Ксенофана). При упоминании *Герона Александрийского* и *Архимеда* возникают ассоциации на основании созданных ими изобретений. Герон Александрийский – математик, написавший сочинения по механике и сделавший некоторые изобретения, в том числе первую паровую машину [5], о чем упоминается в тексте повести для проведения параллели между Героном Александрийским и Гироном, местным изобретателем в Пате. Стоит отметить схожесть имен: Герон – Гирон. Имена *Нерон, Гарун аль-Рашид, Спартак* дают представления об особенностях характера и военных достижениях персонажей *Кикены, Гелюция Крона*. Так, Спартак – пленный фракиец, ставший гладиатором в городе Капуе, в Италии, и сумевший поднять восстание большого количества гладиаторов и рабов против своих эксплуататоров [5]. В повести «Вариант Пата» восстание под предводительством Спартака сравнивается с бунтом рабов в Пате, что дает представление о большом количестве мятежников и об их

военных успехах. Таким образом, использование имен исторических личностей способствует более цельному пониманию персонажа, указывает на неотъемлемые и исключительные черты его характера.

Встречаются в повести и имена с полным отсутствием аналогов в общенациональной онимической системе: *Баухраиштахраи*, *Врадшиекрогсотн*, *Крипчтрипрат*. Их носители являются нумерийцами, т. е. жителями иноземного государства *Нумерии*, что автор и подчеркивает с помощью искусственных, сложно произносимых имен. Это как раз тот случай, когда при наименовании своих персонажей писатель уходит от «существующих в языке словообразовательных моделей и норм звукосочетания, чтобы для читателя не осталось никаких структурных или фонетических подсказок» [4].

Герои, названные труднопроизносимыми звуковыми комплексами, имеют несколько названий, являющихся либо сокращенным вариантом основного имени, либо функционирующих как параллельное наименование. К примеру, один из персонажей носит труднопроизносимое имя *Врадшиекрогсотн*. В качестве сокращения используются части слова *Врад* и *Шекро*. Еще один герой *Крипчтрипрат* имеет прозвище *Дизайн*. Он назван так по профессиональному признаку – раб являлся садоводом-дизайнером.

Внутренняя форма имени может сообщать об определенных чертах характера и роде деятельности персонажа. Имя *Тихоня-Кровопуск* является в некотором роде «говорящим»: «С год назад сенатор Страдон подкупил разбойничью шайку Тихони-Кровопуска для покушения на Крона».

Стоит заметить, что при именовании монархов В. С. Забирко в некоторых случаях использует ономастические единицы, образованные с учетом места правления персонажа, т. е. имена являются «местными» (*Асибран III*, *Асикрахт II*, *Асиновет V*, от провинции *Асилон*). На это намекает повторяющийся в начале слова компонент *Аси-*.

Обращает на себя внимание и образование **теонимов**. Так, *Горели* – покровительница домашнего очага. Имя является явно вымышленным, однако здесь, вероятно, прослеживается связь с глаголом «гореть». Слова

имеют общий корень «гор». Глагол «гореть» также мог быть использован по семантическому признаку, т. к. связующее звено здесь – слово «очаг». *Верхат* – бог справедливости. В именовании улавливается общее с глаголом «вершить» (вершить правосудие). *Ферт* – бог торговли. Вероятно, здесь возможна близость со славянским словом *Фертъ*, которое имеет несколько значений: 1) неподкупность, непорочность; 2) *встать Фертом* – уверенно и гордо выразить свою мудрость, волю, силу духа. *Горс* – бог солнца. Имя тождественно с существующим в пантеоне древних египтян *Гором* – богом неба, царственности и солнца. Проводится параллель *Гебы* – богини плодородия с древнегреческой Гебой – богиней вечной молодости, а также с древнеегипетским Гебом – богом земли и плодородия. *Потула* – богиня победы. В самом тексте произведения указана связь с существующим именем древнеримской богини Фортуны: «*Без тени смущения Крон произвольно заменил у Петрония Фортуна на Потулу и фалерн (сорт вина в Древнем Риме) на картрет*».

Среди **топонимов** повести встречаются реальные (*Древней Рим, Рим*), но большей частью вымышленные, например, **хоронимы** *Паралузия* (ср. Андалузия), *Нумерия* и *Мегалия*. А. В. Суперанская отмечает, что «названия многих государств, областей и провинций, образованные от названий народов, оформляются в русском языке формантом *-ия*: Россия, Грузия, Моравия... Это новолатинская традиция, возникшая в позднем Средневековье в языке ученых Западной Европы, основным средством общения которых был латинский язык» [8, с. 40]. В русле отмеченной традиции созданы и вышеназванные наименования территорий.

Топоним *Бадазунские острова*, **пелагоним** *Аринтийское море*, **ороним** *Амалийское плато*, **гелоним** *Цинтийские болота* созданы по одному принципу. С помощью русского суффикса *-ск-(ий)* обычно образуется топоним от топонима [8, с. 40]. Наименование гелонима *Сухое болото* создано по принципу описательного названия.

Однако стоит отметить и фонетический принцип в образовании нескольких топонимов: *Асилон* – ср. Вавилон, *Аринтийское море* – ср. Аргентинское море, *Амалийское плато* – ср. Сомалийское плато. Вымышленные географические названия возникли по созвучию и ассоциации с реальными топонимическими образованиями.

Топонимы в научно-фантастическом тексте выполняют также и текстообразующую функцию. С одной стороны, автор таким образом конкретизирует описываемые события, приближая описываемый мир к действительности, делая его замкнутым пространством, а с другой стороны, топоним является свернутым «текстом в тексте», являясь в данном случае знаком фантастического мира.

В. С. Забирко использует **хороним** *Севрская кампания*. При этом возникает аллюзия на Севрский мирный договор или Севрский мир (один из договоров **Версальско-Вашингтонской системы**, создание которой ознаменовало завершение **Первой мировой войны**).

В рамках ономастики представляют интерес и наименования букв в повести: *Литера Аль*, *Литера Бис*, *Литера Гем*, *Литера Дель*, *Литера Эпси*, которые напоминают греческие *альфа*, *бета*, *гамма*, *дельта*, *эпсилон*. Производными от наименований букв являются и дни декады: «альдень», «бидень», «гемдень», «дельдень», «эпсидень», «дзедень» (от греч. дзета), «этидень» (от греч. эта), «тетидень» (от греч. тета), «капдень» (от греч. каппа).

Итак, подводя итоги сказанному, можно заключить, что в научно-фантастической повести «Вариант Пата» собственные имена ориентированы на современные онимические системы. Исходя из содержания произведения, В. С. Забирко создавал имена своих героев по римской модели, при этом часть онимов имеет аналоги с реальными наименованиями. Это способствует созданию иллюзии сближения фантастического мира с реальным, ощущаемым миром, дает возможность лучше узнать героев, в том числе через сравнение с известными именами. Однако, вводя

в текст абсолютно вымышленные имена с полным отсутствием аналогов в общенациональной онимической системе, В. С. Забирко таким образом напоминает о фантастическом жанре своего произведения. Большое значение в тексте приобретают аллюзивные имена, указывающие на неотделимую черту характера, отличительное свойство персонажа. Используя их, автору удается создать в сознании читателя образ-стереотип, что способствует более полному пониманию текста. Собственные имена играют большую роль в художественной логике повести В. С. Забирко, являются активным художественным приёмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтухова О. Н. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина) : Дисс. канд. филол. наук / О. Н. Алтухова. – Волгоград, 2004. – 176 с.
2. Забирко В. С. Вариант Пата [Электронный ресурс] / В. С. Забирко. – Режим доступа : [http : // www.litmir.co/br/?b=45430&p=1](http://www.litmir.co/br/?b=45430&p=1) (Дата обращения : 17.12. 2016).
3. Калинин В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Карпенко О. Ю. Екзотичність як неодмінна риса власних назв у науково-фантастичному творі / О. Ю. Карпенко // Записки з ономастики. – № 1. – 1999. – С. 79–85.
5. Корш М. Краткий словарь античности [Электронный ресурс] / М. Корш – Режим доступа : [http : //bookre.org/reader?file=351600](http://bookre.org/reader?file=351600) (Дата обращения : 17.12. 2016).
6. Миньян-Белоручева А. П., Плотникова А. В. Имена в романе Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» / А. П. Миньян-Белоручева, А. В. Плотникова // Вестник ЮУрГУ. – № 15. – Вып. 5. Сер. «Лингвистика». – С. 30–37.
7. Новичков А. А. Ономастическое пространство англоязычных произведений фэнтези и способы его передачи на русский язык [Электронный

- ресурс] / А. А. Новичков – Режим доступа : [http : // cheloveknauka.com/v/374368/d?#?page=1](http://cheloveknauka.com/v/374368/d?#?page=1) (Дата обращения : 17.12. 2016).
8. Суперанская А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская / Из истории географических названий; отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд. 2-е. – М. : Либроком, 2010. – 175 с.
9. Юшкова Е. А. Имя собственное в контексте художественного произведения [Электронный ресурс] / Е. А. Юшкова, Н. В. Лабунец. – Режим доступа : [http : // www.imena.org/namefant.html/](http://www.imena.org/namefant.html/) (Дата обращения : 17.12. 2016).

Н. А. Анушкина

(научн. рук. – доктор филол. наук, доц. И. А. Герасименко)

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

ИДИОСТИЛЯ В. ПЛАТОВОЙ

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Виктория Евгеньевна Платова (Соломатина) пишет в жанре детектива, воплощая в главных героях типажи неудачников, которым в жизни дается шанс вырваться из привычного круга. Её проза легко идентифицируется именно по стилю, а не по сюжету.

Анализ авторского идиостиля представлен многими подходами. Основными являются: семантико-стилистический (работы В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Н. А. Купиной и др.), лингво-поэтический (исследования М. Л. Гаспарова, Н. А. Фатеевой и др.), системно-структурный (в трудах Ю. М. Лотмана, А. К. Жолковского и др.), коммуникативный, представленный работами Н. С. Болотновой, А. А. Васильевой и др.

Авторский стиль создается языковыми средствами на всех уровнях: фонетическом, графическом, орфографическом, пунктуационном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, а также культурными отсылками, очень характерными для современного дискурса. К стилистическим маркерам, вслед за М. Н. Макеевой и Е. Н. Лучинской, мы относим

тропы (метафору, эпитеты, сравнения и пр.) [8]. Тропы, активно присутствующие в прозе В. Платовой, влияют на способ восприятия текста адресатом, придают ему новые смыслы. В данной работе представляется важным отметить, что метафора (в данном случае развернутая авторская метафора) является доминирующим средством речевой конструкции художественных текстов писателя. Ср.: *за окном валялась в грязном снегу Москва* [3, с. 13]; *запахи...немного терпкие, замешанные на южном городе* [3, с. 31]; *слишком долго я прожила в коконе собственной безликости, в тени других людей* [3, с. 88]; *мое лицо – лицо смилившейся со всем фарфоровой куклы* [3, с. 89]; *перстень на мизинце, вдруг заполнивший весь коридор* [3, с. 113]; *парус чуть заметно трепетал от приснившегося ему ветра* [5, с. 21]; *Пацюк весь остаток воскресенья посвятил просмотру ладно скроенных и крепко сшитых страшилок про маньяков* [2, с. 117]. Вследствие ярко выраженного авторского почерка филологи художественную метафору как феномен сознательных эстетических исканий автора именуют метафорой поэтической, художественной, индивидуальной, индивидуально-авторской, тропеической, творческой, речевой, окказиональной (неповторимой) метафорой стиля [7].

Следующий рассматриваемый троп – эпитет. Эпитет – определение, не просто отмечающее то или иное свойство, особенность явления, а дающее возможность индивидуально характеризовать явление или свойство. Авторами художественных текстов эпитет используется для придания оттенка иронии и для создания подтекста. Следует отметить, что современному языку художественных текстов В. Платовой характерны авторские, индивидуализированные эпитеты, обрисовывающие предмет или явление в его неповторимости и своеобразии. Ср.: *стёртая подруга главных героинь* [3, с. 7]; *термоядерная документалистка* [3, с. 6]; *забубённый сценарист* [3, с. 7]; *судорожная зависть курса* [3, с. 11]; *твое циничное тельце и мой циничный умишко* [3, с. 10]; *утлая мысль* [3, с. 12]; *венценосная Эдита [Пьеха]* [5, с. 54]; *заскучавшие кулаки* [5, с. 308];

лапотная невинность [2, с. 50]; *широкая приземистая спина моста* [5, с. 214]; *дикорастущий фанатизм* [5, с. 267]. Как видно из примеров, эпитеты дают богатство аналогий, разнообразие переживаний.

Качественные характеристики персонажей и объектов в прозе автора актуализуются с помощью такого художественного приема, как сравнение, т. е. сопоставления одного предмета (явления) с другим с целью более точного и образного описания первого. Среди языковых приемов сравнение несет возможности оценочной соположенности явлений и предметов, что позволяет автору текста проявлять известную гибкость в художественном конструировании образа. У В. Платовой сравнение как прием насыщения текста новыми смыслами имеет ряд индивидуальных особенностей и принадлежит в основном к сравнениям сходства: *ты сейчас напоминаешь мне раскорячившуюся лягушку семейства Голиаф* [3, с. 9]; *[она] была афористична, как Бернард Шоу, и в меру цинична, как Берт Дэвис на излете карьеры* [3, с. 123]; *теперь голова ее тускло блестела, как панцирь броненосца* [6, с. 412]. К маркерам лексико-стилистической группы, принадлежат каламбуры и оксюморон. Эти приемы обеспечивают игровой характер текста: *червей бояться – в гроб не сходить* [3, с. 13] (прием переосмысления афоризма *Волков бояться – в лес не ходить*); *он был обычный маньячок: убьет – и сразу на бочок!* [3, с. 37] (объединение сходных по звучанию слов); *малина эксгибиционистов в законе* [3, с. 38] (добавление компонента в устойчивое словосочетание). Благодаря каламбуру обеспечивается комический эффект или новый смысл. Оксюморон как стилистический приём объединения взаимоисключающих понятий также присутствует в текстах В. Платовой: *сейчас мы были как никогда похожи друг на друга – все трое, все живые и все мертвые* [3, с. 29]; *если мертвому Ивану вдруг придет шальная мысль вернуться в этот мир* [3, с. 49]; *проклятая благословенная пятница* [5, с. 88]; *коммунальный рай с корытами и лоханками* [6, с. 61]; *только мертвые знают больше, чем живые* [4, с. 336].

Выводы: Идиостиль как система формальных и содержательных лингвистических характеристик, свойственных произведениям конкретного автора, делает уникальным и узнаваемым воплощенный авторский способ языковой реализации. Языковые средства лексико-стилистического арсенала В. Платовой обширны и органичны; в зависимости от своих эстетических предпочтений она широко использует тропы, особенно развернутую метафору, привнося неповторимые черты, продиктованные авторским стилем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Метликина Л. Оказиональные сравнения в прозе Б. Пильняка / Л. Метликина // Вестник Адыгейского национального университета. – 2009. – № 2. – С. 47–56.
2. Платова В. Е. Битва божьих коровок / В. Е. Платова. – М. : АСТ, 2006. – 444 с.
3. Платова В. Е. В тихом омуте / В. Е. Платова. – М. : Астрель, 2005. – 572 с.
4. Платова В. Е. Купель дьявола / В. Е. Платова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 432 с.
5. Платова В. Е. Попутный ветер, ясный день. Кн. 1 / В. Е. Платова. – М. : Эксмо. – 320 с.
6. Платова В. Е. Смерть на кончике хвоста / В. Е. Платова. – М. : Аст, 2006. – 475 с.
7. Русинова Л. В. Авторская метафора в прозе В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой / Л. В. Русинова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 1. – Т. 1. – 99–112.
8. Самарская Т. Б. Языковые средства создания идиостиля [Электронный ресурс] / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева. – Режим доступа : [http : // cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-sozdaniya-idiostilya](http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-sozdaniya-idiostilya) (Дата обращения : 21.12. 2016).

А. В. Баранов

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМЫ «ЛУНА»

В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского»

Лексема *луна* входит в основной словарный фонд русского языка и важна для всей восточнославянской языковой подгруппы. В результате исследования мы определили, что основным значением лексемы *месяц* в русском языке второй половины XX–XXI вв. является ‘промежуток времени’, вторичным – ‘спутник Земли’. За лексической единицей *луна* закрепилось значение ‘спутник Земли’ как основное. Это является следствием перегруппировки значений между лексемами, происходящей на протяжении XX в., так как ранее *луна* могла обозначать как отрезок времени, так и спутника Земли, а *месяц* неоднократно был приоритетным наименованием космического тела. Языковая конкуренция между лексемами продолжается и сегодня [1, с. 169].

Цель статьи – исследовать семантическую структуру лексемы *луна* и сопутствующих ей лексических единиц в украинском языке XX в.

В украинском языке толкования слова *луна* значительно отличаются от русского. В «Словнику української мови в 11 томах» (далее – СУМ) *луна* определяется следующим образом: «Луна, и, ж. 1. Відбиття звукових коливань від перешкод, коли вони сприймаються роздільно від первісних коливань» [6, т. 4, с. 555] («луна – отражение звуковых колебаний от препятствий, когда они воспринимаются отдельно от первичных колебаний. *Перевод мой.* – А. Б.). Иными словами, рассматриваемой лексемой обозначается русское *эхо*. Подтверждением выступает формулировка из «Словаря современного русского литературного языка» (далее – БАС): «Эхо, а, ср. *Только ед.* Отражение звука от удалённых препятствий, а также сам отражённый звук...» [4, т. 17, ст. 1965]. Слова *эхо* или *ехо* в

украинском языке не существует. Вторым значением «луни» СУМ даёт следующее: «перен., розмов., те саме, що слава. *У колгоспі машина молотить – луна по всьому світу котить...*». Чтобы понять причину синонимизации луни со славой, приведём одно из переносных значений первой лексемы из того же словаря: «перен. Про те, що є відгуком на що-небудь». Семантический признак ‘що-небудь’ является определяющим для сопоставления лексем: славу тоже можно рассматривать как *відгук (отзвук)* в социальном пространстве на то или иное значимое действие, событие. Однозначной коннотацией лексема «слава» не наделена, что позволяет ей сближаться с явлениями, не подвергающимися оценочным категориям. В СУМе «слава» имеет четыре толкования: «1. Широка популярність... *якщо добре працюватимеш – честь и славу матимеш, заслужено линула по околициніх країнах слава про хоробрих русичів.* 2. Загальна думка про кого-, що-небудь; репутація. *Далеко їде добра слава, а худая ще дальше* // Погана думка про чийсь дії, вчинки. *Слава про злодійкувату Явдошку.* 3. Перев. у сполуч. із сл. – *ходити, піти, розпускати*; // Поговір, пересуди, розмови. 4. Вигук, який виражає схвалення...» [6, т. 9, с. 344-345]. Как видно из словарных статей, семантический признак ‘що-небудь’ является интегральным и для слави и для луни. В иллюстрациях первого значения мы фиксируем взаимодействие лексической единицы с лексемой *линута*: «*Заслужено линула... слава*». Лексема *линута* трактуется как «плавно, легко летіти...» [6, т. 4, с. 487]. В рамках поэтического мышления любые звуковые явления, в том числе и луна, летят по воздуху. Лексема слава наделена таким же свойством. В иллюстрации ко второму значению лексической единицы слава обозначено, что она «умеет» ходить и может быть разной: «*Далеко їде хороша слава, а худая ще дальше...*». Подробнее способы её передвижения освещены в первой части третьего значения, его вторая часть говорит о том, что, помимо дурной и доброй репутации, лексема может передавать сплетни, молву. Различные способы распространения неотъемлемы от самого концепта «слава», потому, в определённом

смысле, она и есть распространение в коммуникационном пространстве информации о чём-либо, чаще – выдающемся поступке, человеке, событии.

В русском языке тоже актуализируется как положительное её понимание, проявляющееся, например, в словосочетании *славный человек*, в понятии «славословие» (из ц.-слав. *восхваление*), так и отрицательные: *дурная слава* (*дурна слава*), церковно-славянское *злославный*. Аналогична ситуация и в русской народной речи: «как кто слывёт, прослыл в людях; молва, общее мнение... *о нём добрая, плохая слава ходит... про него слава на весь свет стоит*» [2, т. 4, ст. 217]. Здесь *слава* тоже может «ходить» и даже «стоять», то есть не исчезать, а оставаться после распространения себя, подобно дыму или туману.

Необходимо выяснить, такой же была семантическая структура лексемы *луна* в украинском языке с начала XX века или имела явные отличия? «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко объясняет лексему следующим образом: «Луна, -ни, ж. 1. Отражение света, отблеск, зарево... 2. Отражение звука, эхо, отголосок» [5, т. 2, с. 381]. Исходным лексикограф представляет значение, упоминания о котором в предыдущем источнике не было. Для двух значений общим элементом является ‘отражение’, в случае света и в случае звука речь идёт об одном и том же явлении. «Отблеск» и «отголосок» («отзвук») обозначают вторичное распространение световых и звуковых волн после их взаимодействия с отражателями. Украинские эквиваленты («відблиск», «відсвіт») соответствуют русским, о чём свидетельствует их толкование в рассматриваемом словаре [5, т. 1, с. 209, 228]. Таким образом, носители языка дифференцируют явления природы на звуковую, слуховую и др. сферы, а язык объединяет их в одном слове.

Подтверждает наше мнение словарь Б. Д. Гринченко и «Етимологічний словник української мови» в 7 т. О. С. Мельничука: «...значення ‘відгомін’ могло виникнути внаслідок давнього перенесення значення із зорової сфери на звукову...» [3, т. 3, с. 304]. Объясняет лексему словарь в первую очередь как ‘отзвук’, вторым значением подаётся ‘отблеск’: «луна: 1. Відгомін, відголосок, [лун, луно, лунь], [лунуть] ударити, хлопнути, вистрілити». 2. Відблиск, заграва...» [3, т. 3, с. 304].

Семы 'ударити', 'хлопнути', 'вистрілити', относящиеся к первому значению слова «лунуть», тесно связаны с семантическими признаками 'резкий', 'быстрый', 'громкий', что сближает лексему *луна* со словами *блищати*, *блиск*, *відблиск*. Для понимания перехода света в звук изучим семантическую структуру лексемы *відблиск*. В «Украинско-русском словаре» И. М. Кириченко данное слово переводится как «отсвет, отблеск» [7, т. 1, с. 218]. «Відблискати» объясняется как 'отблестеть', а «відблискотіти» – как 'отсверкать, отблестеть', «відблищати» – 'отблестеть, отблистать, отсверкать'. Сема 'отсвет' в толковании глаголов и однокоренных слов отсутствует. Актуализируются семантические компоненты, связанные с 'отблеском' и 'сверканием'. Несмотря на то, что автор словаря перечислил семы 'отсвет' и 'отблеск', *блиск* (*отблеск*) имеет ряд характерных признаков и отличий от *света* (*отсвета*). В БАСе у слова *блиск* первичным является следующее значение: «яркий свет, сверкание, сияние. *Блеск луны отражался всюду, играл на листьях деревьев*» [4, т. 1, ст. 506-507]. В качестве иллюстрации составители приводят словосочетание *блиск луны*, который «отражался всюду», то есть распространял отблески, называемые в украинском языке начала XX в. *луна*. В данной словарной статье для нас актуально то, что в русском языке рассматриваемое наименование толкуется как 'яркий свет', а также 'сверкание' и 'сияние'. Две последние семы соединены между собой посредством признаков прерывистости и яркости. В. И. Даль объясняет *блиск* как «яркое сосредоточение или отражение света...» [2, т. 1, ст. 96]. Слово *отблещивать* лексикограф трактует как «отражать лучи...» [2, т. 2, ст. 711]. Вследствие этого семантикой, привносимой префиксом *от-*, «заражается» беспрефиксная лексема. Важно отметить, что сема 'яркость' неотделима от лексемы *блиск*. Контексты, приводимые для иллюстрирования лексической единицы *блестеть*, дополняют семантическую структуру слова такими признаками, как 'кратковременность' и 'единичность': «огонёк блеснул и скрылся... раз-другой блеснуть...» [2, т. 1, ст. 96]. Обратимся к СУМу: «Блиск: 1. Яскраве сяяння...» [6, т. 1, с. 199].

Сема ‘яркость’ выделяется и здесь. В словаре Б. Д. Гринченко представлены два необразных значения лексической единицы: «1. Свет. 2. Блескъ... *аж блиск до неї б'є...*» [5, т. 1, с. 74]. Из этого следует, что в украинском языке наблюдается разделение семантической структуры слова *блиск* на свет и на яркий свет с рядом дополнительных признаков (русск. *блеск*). Иллюстрация ко второму значению «*блиск б'є*» доказывает, что семантика лексической единицы *лунуть* возникла вследствие переложения на звуковую плоскость *луни* именно как *відблиска*. Лексемы *блиск* (в значении ‘блеск’) и *блеск* в русском и в украинском близкородственных языках наделены такими общими признаками, как ‘насыщенность’, ‘яркость’, ‘скорость’, ‘прерывистость’.

Выводы

1. Лексическая единица *луна* в русском и украинском языках трактуется различно. Если в русском языке середины XX–XXI вв. она – ‘спутник Земли’, ‘небесное тело’, то в украинском языке того же времени она – звуковое явление, эхо (‘*відбиття звукових коливань*’).

2. В украинском языке *луна* может обозначать ‘славу’. Сближение произошло на ассоциативном уровне, так как *слава* является информационным эхом какого-либо события, поступка, действия, и чем значительнее они, тем дальше расходится эхо.

3. В начале XX в. у рассматриваемого слова было два значения – ‘*відзвук*’ и ‘*відблиск*’. Мы считаем, что второе значение является первичным, а ‘*відзвук*’ – следствие перенесения «луны» со зрительной сферы на звуковую. Понимание «луны» как светового явления пришло из польского языка, где *luna* до сих пор – ‘зареве, отблеск’, а исконно – ‘отблеск яркого света’.

4. Исследуя семантику лексической единицы *блиск* и однокоренных слов, мы зафиксировали, что в начале XX века лексема трактовалась и как ‘свет’, и как русское *блеск* (‘яркий, сверкающий свет’).

5. В результате перенесения первого значения на звуковую сферу приобрели известный нам сегодня смысл такие слова, как *лунає*, *лунання*, объединённые продлённым и размеренным распространением звука. Во

втором значении русск. *блеск* семантические признаки ‘яркость’ и ‘прерывистость’ перешли в ‘громкость’ и ‘резкость’, что отобразилось в семантике лексемы *лунуть*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров А. В. Лексема «месяц» в лексикографических источниках русского языка и её конкуренция с лексической единицей «луна» / А. В. Петров, А. В. Баранов // Региональная картина мира в языковой концептуализации : динамика культурных смыслов : сборник статей / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 168–173.

СЛОВАРИ

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с., Т. 2. – 779 с.
3. Етимологічний словник української мови : у 7-ми т. – К. : Наук. думка, 1982. – Т. 3. – 552 с.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. – М.–Л. : Академия наук СССР. – Т. 6. 1957. – 730 с. – Т. 17. 1965. – 1063 с.
5. Словарь української мови Б. Д. Грінченка : у 5-ти т. – К. : Видавництво Академії наук Української РСР, 1907. – Т. 2. – 573 с.
6. Словник української мови : у 11-ти т. – К. : Наукова думка, 1970. – Т. 4. – 840 с. – Т. 9. – 916 с.
7. Українсько-російський словник І. М. Кириченка : у 6-ти т. – К. : Вид-во Академії наук Української РСР, 1953. – Т. 1. – 506 с.

О. И. Барнет

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
РАННЕГО В. МАЯКОВСКОГО И РУССКИЙ ФУТУРИЗМ**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Творчество раннего Владимира Маяковского, как правило, воспринимается нами в рамках такой литературной парадигмы, как футуризм (от лат. *futurum* – будущее), – одного из авангардных направлений в искусстве и литературе XX века. Несмотря на то, что само понятие зарождается в итальянском контексте (звучит впервые, как мы знаем, из уст итальянца Ф. Маринетти), футуризм – явление уникальное. В «Обосновании и манифесте футуризма» он писал: «Нет шедевра без агрессивности: мы хотим прославить войну – единственную гигиену мира – милитаризм; разрушить музеи, библиотеки и сражаться с морализмом, феминизмом, всякими низостями» [4]. Однако в русском культурном пространстве наши отечественные писатели и поэты, увлечённые поэтикой футуризма, никогда не были милитаристами. Это становится очевидным и на примере творчества Владимира Маяковского, который стремился «сквозь строй, сквозь грохот пронести любовь к живому», отрицая войну и считая её величайшим преступлением против человечества. Преклонение авангардистов перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией выразилось, прежде всего, в лаконичности и «быстроте», «живости», экспрессивности их стиля: *Сразу – люди, лошади, фонари, дома и моя казарма толпами по сто ринулись на улицу / Скажите Москве – пусть удержится! Не надо! Пусть не трясётся! / Идите, сумасшедшие, из России и Польши. Сегодня я – Наполеон! Я полководец и больше / За мной, изъеденные бессонницей! Выше! В костёр лица! / Что теперь? Один заорал, толпу растя. Второму прибавился третий, четвёртый. Смяли старушонку. Она, крестясь, что-то кричала про чёрта.* Эти примеры мы

находим в дореволюционных стихотворениях В. Маяковского, для которого каждое слово должно было стать новшеством. Воздействуя на читателя (слушателя), оно оказалось самодостаточным, «самовитым». Поэт, отстаивая приёмы футуристов, создал неподражаемые окказиональные словесные формы: Весёлостью *песей* закружат созвездия «Магги»/ За экипажем крикливо тянется толпа созвездий *пестрополосая*/ Нас – двое, *ораненных*, загнанных ланями, вздыбилось ржание оседланных смертью коней/ мутью *озлобив* глаза догнивающих в ливнях огней/ Рыжие дьяволы *вдымались* автомобилями/ ночь *излюбилась*, похабна и пьяна/ Вы все на бабочку *поэтиного* сердца взгромоздитесь/ у меня из-под пиджака *развеерился* хвостик/ хлеба нужней, воды *изжажданной* и др., используя способы образования слов, утверждённые традицией, сдвигая слово «с мёртвой точки». Такие стилистические приёмы служили важной цели – сделать язык литературного произведения средством передачи активной, бурной жизни, сделать возможным «схватить всё, что есть ускользающего и неуловимого в материи» [4], и отразить это в поэтическом слого.

Впервые понятие *футуризм* зазвучало из уст Игоря Северянина, который называл его *эгофутуризмом* (эго – «вселенский»). «Я – будущее», – провозгласил он, и впервые это понятие закрепилось в заглавии сборника этого поэта: «Пролог. Эгофутуризм. Поэза грандос. Апофеозная тетрадь третьего тома». Сходные ощущения тесноты, невозможности вырваться из оков собственного «Я», страстное нежелание мириться с земной предопределённостью были присущи и раннему В. Маяковскому, который чувствовал, что «я» – для него мало: «Кто-то из меня вырывается упрямо», – писал он в поэме «Облако в штанах». Поэт намеренно обращается к формам, которые придавали слову особенно напряженный, предельно надрывный характер (*вздыбилось ржанье оседланных смертью коней/ рыжие дьяволы, вдымались автомобили/ оцетинит ножки стоглавая вошь/ Пусть земля кричит, в покое*

обабившись/ я брошу солнцу, нагло ослабившись). Он стремится придать «новой стихии языка» максимально экспрессивный характер.

Вторая ветвь футуризма, которая пришла на русскую почву, реализовалась в контексте группы «Мезонин поэзии» (В. Шершеневич), ставшей впоследствии (в 1920-е гг.) группой имажинистов (А. Мариенгоф, Р. Ивнев, С. Есенин), а третья ветвь была представлена группой «Центрифуга» (изначально – «Лирика»), в числе которых были Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Бобров. В. Маяковский был вовлечён в группу под названием «Гилея», куда, кроме него, входили В. Хлебников, братья Бурлюки, Б. Лившиц, Е. Гуро, А. Кручёных, В. Каменский и др. Именно эта команда молодых бунтарей оказалась в центре авангарда и определила ту линию поведения, которая, в какой-то степени, стала прообразом многих современных субкультур. Всё то, что мы рассматриваем сегодня как некую авангардную тенденцию, на самом деле своими корнями уходит в те революционные поэтические провокации эпатажного типа, которые ранее предлагали футуристы. Любовь буржуазной публики к эпатажу явно видна уже в заглавии первого изданного этими поэтами сборника – «Пощёчина общественному вкусу» (1912 г.). Это самая скандальная книга в истории русской литературы того времени, в которой В. Маяковский впервые публикует свои стихи («Ночь», «Утро»). «Футуристы стали первыми, кто вынес поэзию из интимных кабинетов в многотысячные залы, эпатажным и даже подчас вульгарным поведением раздавая «пощёчины общественному вкусу» [3]. Их стремление всегда быть в обществе, в центре внимания привлекало В. Маяковского, поскольку он не выносил одиночества: *Нет людей. Понимаете, крик тысячедневных мук? Душа не хочет немая идти, а сказать кому?* – вопрошает поэт. Однако за внешним шокированием поэтики футуристов нередко скрывались и глубина мысли, и сила творческих порывов, и личная трагедия поэтов, в том числе и Владимира Маяковского.

Появление этой глубоко новаторской реалии, порождённой революционным временем, происходило по ряду причин, одна из которых заключалась в очевидном нежелании поэтов-авангардистов находиться во власти условных штампов классической литературной традиции, что давало им право на «увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами» [6]. Эксперименты поэта на лексическом уровне воплотились во впечатляющих и поражающих воображение читателя развёрнутых метафорических образах: *По мостовой моей души изъезженной шага помешанных вьют жёстких фраз пяты/ В бульварах я тону, тоской песков оваян: ведь это же дочь – моя песня в чулке ажурном у кофеен! / Если станет жалко мне вазы вашей муки, сбитой каблуками облачного танца, - кто же изласкает золотые руки, вывеской заломленные у витрин Аванцо?/ Это душа моя ключьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни!/ Не потому ли, что небо голубо, а земля мне любовница в этой праздничной чистке, я дарю вам стихи, весёлые, как би-ба-бо, и острые и нужные, как зубочистки!/ И бог заплачет над моею книжкой! Не слова – судороги, слипшиеся комом; и побежит по небу с моими стихами под мышкой и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.* В. Маяковский создаёт не просто объёмную, завершённую картину, но и демонстрирует читателю колоссальную амплитуду личных, интимных чувств, воздействуя на адресата, заставляет его мыслить ассоциативно. Новые методы и приёмы построения поэтических текстов с использованием лингвистических экспериментов над «изнасилованным словом» привели, в конечном итоге, к изобретению языка нового типа, в том числе и «уличного языка». Желание разрушить старое («Долой ваши любовь, искусство, религию, строй!») и построить новое стало приговором для прежних традиций построения поэтического слога, о чём точно написала в стихотворении «Маяковский в 1913 году» А. Ахматова: *Всё, чего касался ты, казалось// Не таким, как было до тех пор, // То, что разрушал ты, – разрушалось// В каждом слове бился приговор* [1, с. 381].

В ранней лирике В. Маяковского мы находим подтверждение сильного влияния на язык молодого поэта поэтики авангардистов, для которых, среди прочего, приоритетным было построение художественных образов на парадоксальных (оксюморонных) аналогиях: *Если б был я маленький, как Великий Океан, – на цыпочки б волн встал, приливом ласкался к луне бы. О, если б я нищ был! Как миллиардер! О, если б был я тихий, как гром, – ныл бы, дрожью объял бы земли одряхлевший скит. О, если б был я тусклый, как солнце!* («Себе, любимому, посвящает эти строки автор», 1916). Подобные факты совмещения парадоксальных элементов в языке раннего В. Маяковского говорят не просто о новизне и необычности, а обладают безусловной экспрессией и несут на себе отпечаток авторского речевого стиля. Сущностью его является алогичность, не соответствие принятой норме, непредсказуемость при построении образа, основанного, как замечал Р. Якобсон, на эффекте «обманутого ожидания»: *Выжженный квартал надел на голову, как рыжий парик/ Ах, закройте, закройте глаза газет! / трамвай с разбега взметнул зрачки/ полночь промокшими пальцами щупала меня и забитый забор/ выбелена грива от уличного газа/, хитона оветренный край целовала, плача, слякоть/ слов исступлённых вонзаю кинжал в небо распухшего мякоть/ дымом волос над пожарами глаз из олова дай обовью я впалые груди болот/ слезя золотые глаза костёлов, пальцы улиц ломала Ковна/ Нас ли сжалит пули оса? / Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев покрою умную морду трамвая* («Надоело», 1916).

Языковая игра (далее – ЯИ) использовалась футуристами и для необычного звучания стихотворного фрагмента. В. Маяковский писал: *И подошвами сжатая жалость визжала; И на площадь, мрачно очерченную чернью, багровой крови пролилась струя* («Война объявлена», 1914); *Сейчас притащили израненный вечер. Крепился долго, кургузый, шершавый* («Мама и убитый немцами вечер», 1914); *Если ударами ядр тысячи Реймсов разбить удалось бы* («Гимн обеду», 1915);

В промозглой казарме суровый трезвый молился Волынский полк; Кровь разжигалась, висками жилилась, руки в железо сжимались злобой; Рассыпав дома в пулемётном треске, город грохочет. Город горит («Революции», 1917). Представленная в данном фрагменте ЯИ построена на обыгрывании лексической полисемии и ассонансном звучании слов. Она активизирует внимание читателя (слушателя) к восприятию языковой формы, к особенностям её структурных элементов. Как и образам, построенным на парадоксальных аналогиях, ЯИ присуща ситуация неожиданности, которая является следствием нарушения в игровом контексте языковых норм и разрушении привычных стереотипов.

Словесное обновление, как считали авангардисты, достигалось в использовании антиэстетических образов, в употреблении пейоративной лексики, основой которой служили слова и словосочетания, выражающие негативную оценку, неодобрение, порицание, иронию или презрение в адрес кого-либо или чего-либо. Приведём некоторые примеры: *Река – сладострастье, растёкшееся в слюни* («А всё-таки», 1914); *А у бульвара цветники истекают кровью, как сердце, изодранное пальцами пуль; Тревога жиреет и жиреет, жрёт зачерствевший разум; Красным копытом грохнув о площадь, въезжает по трунам крыши* («Я и Наполеон», 1915); *Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?!* («Вам!», 1915).

Ярким языковым приёмом в поэтическом слого В. Маяковского было заимствованное у футуристов создание окказиональных языковых форм, проблемных для раскодирования и дальнейшего осмысления их содержания: *По морям, играя, носится с миноносцем миноносица* («Военно-морская любовь», 1915); *сияньем пробивая пыль, образ возрос. Горит. Рдеется* («Революция», 1917); *Дней бык пег. Медленна лет арба. Наш бог бег. Сердце наш барабан. / Зеленью ляг, луг, выстели дно дням. Радуга, дай дуг лет быстролётным коням* («Наш марш», 1917). Приведённые примеры еще раз подтверждают мысль о том, что желание В. Маяковского прибегнуть к созданию окказиональной лексики было

продиктовано стремлением точно и ёмко выразить мысль, избежав тавтологии и сохранив ритм и рифму стихотворения, потребностью автора подчеркнуть субъективное отношение к изображаемому и тем самым активизировать внимание читателя и слушателя.

Таким образом, не трудно заметить, что в раннем творчестве В. Маяковский стремился «переориентировать» свою поэзию не только тематически, но и путём преобразования, обновления самого языка. При этом он утверждал, что «слово нужно для жизни» [7]. Как и футуристы, он хотел избежать эпигонства, устаревшей, по его мнению, манеры говорить «красиво», продемонстрировать способность говорить о важном словами простыми, «как мычание» [2, с. 337]. Подчинившись стремительному ритму того времени, поэт реализовал себя в экспериментальном поиске новых поэтических форм словесного выражения. В чём-то это ему удалось, и футуристические представления о грядущем совершенном мире стали неотделимы от лирического состояния самого автора. Поэтому «великая ломка футуристов», их внешняя революционность, вызов прошлому и открытость новому привлекала его. Тем не менее, В. Маяковского от авангардистов отличали те нравственные критерии, которые традиционно были характерны для русского писателя: отрицая классическое наследие, он заявил в своей поэзии тему сострадания, отзывчивости на боль ближнего. Ранние стихотворения выявили лирический характер его дарования, он лиричен «по самой строчечной сути». В результате, сформировав себя как творца, в будущем В. Маяковский отделился от модернистского курса и создал индивидуальный стиль, полный пролетарского колорита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А. А. От царскосельских лип : Поэзия и проза / А. А. Ахматова. – М. : ЭКСМО Пресс, 2000. – 656 с.
2. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М. : КомКнига, 1991. – 448 с.

3. Лемешева Ю. В. Маяковский. Был и остаётся / Ю. В. Лемешева // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. – 2015. – № 5. – С. 403–406.
4. Маринетти Ф. Т. Футуризм / Ф. Т. Маринетти. – СПб. : Прометей, 1914. – 241 с.
5. Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы / В. В. Маяковский. – М. : Художественная литература, 1969. – 736 с.
6. Маяковский В. В., Бурлюк Д. Д., Крученых А. Е., Хлебников В. В. Пощечина общественному вкусу: [Из альманаха] // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. – Т. 13. Письма и другие материалы. – 628 с.
7. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : В 13 тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Худож. лит., 1955–1961.

Д. И. Борозенец

(научн. рук. – кандидат филол. наук, доцент Л. П. Борисова)

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
ОПЫТ МОЕГО ПЕРВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Филологическое образование предполагает знакомство студентов с большим количеством новых дисциплин, среди которых учебные курсы историко-лингвистического цикла занимают особое место. И если отношение к изучению введения в славянскую филологию, старославянского языка и истории русского языка будет заинтересованным и серьёзным, то уже на втором курсе всем станут понятны и близки рассуждения А. С. Пушкина о том, что уважение к минувшему всегда будет той чертой, которая позволит отличать «образованность от дикости». Знание истории родного языка напрямую связано со знанием истории

народа, истории родного государства и его культуры. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно», – замечал великий русский поэт и отсутствие этого чувства называл «постыдным равнодушием». По этой причине знание отечественной истории, истории русской литературы и её языка должно рассматриваться нами как проявление гражданского долга каждого русского человека.

Теоретическое усвоение учебного материала по истории русского языка, без сомнения, приводит к желанию соотнести полученные знания с каким-либо конкретным материалом и проверить свои возможности в области их практического применения. На первый взгляд сделать это не так сложно, но только в том случае, если эти знания уже выстроились в стройную систему и позволяют сделать лингвистическое мышление студента более самостоятельным. Продемонстрировать опыт своего первого лингво-исторического анализа мы решили, опираясь на текст очень известного, достаточно изученного памятника древнерусской письменности. Желание внимательнее отнестись к этому источнику возникло тогда, когда в аудитории был поднят вопрос: «На каком языке написано «Слово о полку Игореве»? К этому времени мы уже могли читать старославянские и древнерусские тексты, поскольку с основами этих языков были немного знакомы благодаря соответствующим учебным курсам. Однако дать точный ответ на поставленный вопрос, не опираясь при этом на какие-то конкретные факты и доказательства, не представлялось возможным. Более того, было件нятно, что описать изучаемый лингвистический объект в пределах одной статьи и при неполноте собственных знаний практически невозможно. По этой причине было решено взять за основу нашего исследования знание фонетических признаков, которые позволяют установить генетику словоформы и указывают на южнославянское или восточнославянское её происхождение. Набор таких признаков является общепризнанным [1, с. 143; с. 491]. Работа началась с использования элементов квантитатив-

ного метода исследования языкового материала, т. е. с простого подсчета и классификации всех словоформ, имеющих в своей основе такие признаки. Из разных возможных типов исследовательских методов мы выбрали «нестрогие качественные» и «нестрогие количественные» методы [3, с. 133–134], которые, тем не менее, позволяют нам прийти к промежуточным (частным) выводам по интересующей нас проблеме. В итоге было выявлено, что таких словоформ в тексте «Слова о полку Игореве» оказалось 291 единица, качественная и количественная характеристика которых даётся в таблице 1.

Таблица 1

Количество словоформ (древнерусский язык)	Признак		Количество словоформ (церковнославянский язык)
121	Полногласие	Неполногласие	89
2	[ч'] (<*t + j)	[шт'] (<*t + j)	28
8	[ж'] (<*d + j)	[жд'] (<*d + j)	3
11	Начальное ро-, развившееся из праславянского *or	Начальное ра-, развившееся из праславянского *or	6
7	[ч'] на месте палатализованных групп согласных	[шт'] на месте палатализованных групп согласных	5
2	Гласные в начале слова и протетический [j]		8
151 (52%)	ИТОГО		139 (48%)

В ходе анализа было установлено, что в основах выделенных словоформ были одновременно отмечены один и, крайне редко, – два фонетических признака, которые позволяют однозначно судить о языковой принадлежности этих единиц. Только в одном случае в словоформе *переградити* отражены смешанные фонетические признаки – древнерусское полногласие в приставке *пере-* и неполногласие *-град-* в корне слова. Остальные 290 единиц распределены следующим образом: церковнославянских – 151 единица (52 %), и древнерусских – 139 единиц (48 %). На первый взгляд не трудно заметить, что автор «Слова» не отдаёт

видимого преимущества каким-то из них, – и южнославянских, и восточнославянских словоформ в этом тексте почти равное количество. Многие из них (73 единицы) употребляются параллельно, сохраняя при этом полное семантическое тождество: *Володимиръ* (1) – *Владимиръ* (3), *ворота* (2) – *врата* (2), *голосъ* (2) – *гласъ* (1), *одинъ* (2) – *единъ* (2), *забороло* (1) – *забрало* (3), *молодъ* (3) – *младъ* (1), *ночь* (5) – *нощь* (4), *соловии* (2) – *славии* (2), *хоробрыи* (1) – *храбрыи* (15), слова с префиксами *роз-*, *рос-* (6) – слова с префиксами *раз-*, *рас-* (11). Оставшиеся 22 единицы требуют отдельного комментария, который приводится ниже.

Слово *боронь* встречается в тексте единожды в значении ‘защита, оборона’, параллельное ему *брань* также встречается в тексте один раз, новым значением – ‘битва, сражение’: *Яръ туре Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломи мечи харалужными!* [181–184] *Олговичи, храбрыи князи, достигли на брань...* [459].

Варианты словоформ *воронь* (употреблено один раз) и *врань* (употреблено три раза) также имеют разные значения. Слово *воронь* автор использует, подразумевая под ним хищного врага, в то время как слово *врань* реализуется в тексте только в значении ‘ворон (птица)’: *Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронь, поганый половчине!* [150–154] *Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие* [215–219]; *Всю ноць съ вечера бусови врани възгряху у Пльсьньска, на болони бѣша дебрь Кияня и несоша мя къ синему морю* [320–323]; *Тогда врани не граяхуть, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, полозие ползаша только* [650–653].

В вариантах *глава* (употреблено два раза) и *голова* (употреблено четыре раза) полногласная форма имеет прямое значение и обозначает часть тела, в то время как словоформа с неполногласием отмечена в ограниченном количестве определённых конструкций, в которых реализует значение ‘умереть’: *Камо, турь, поскочяше, своимъ златымъ*

шеломомъ посвъчивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя [185–187]; На Немизъ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцъ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла [522–525]; Тяжко ти головы кромъ плечю, зло ти тѣлу кромъ головы [675–676]; «Хошу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» [52–55]; Тѣми тресну земля, и многы страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша, подъ тыми мечи харалужными [443–451].

Неполногласная форма *градъ* при полногласной *городъ* (употреблено один раз), помимо значения ‘укреплённый населённый пункт’ (употреблено восемь раз), реализует также значение ‘жители, населяющие город’ (употреблено два раза): *Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая?* [190–193]; *Ступаетъ съ златъ стремянь въ градъ Тьмutorоканъ, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь, Владимиръ, по вся утра уши закладаше въ Черниговъ* [200–203]; *А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкыхъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гридницю Святъславли* [293–297]; *Уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтъста съ отня стола злата поискати града Тьмutorоканя, а любо испити шеломомъ Дону* [325–329]; *Нъ уже, княже Игорю, утрѣпъ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Рси и по Сули гради подѣлиша* [452–455]; *Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ под кликомъ поганыхъ* [473–477]; *Тѣй клюками подпръ ся о кони; и скочи къ граду Кыеву!* [511–512] *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тьмutorоканя, великому Хръсови*

влькомъ путь прерыскаше [529–533]; *Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче* [306–307]; *Страны ради, гради весели* [684].

Примечательным является то, что только словоформа *градъ* с неполногласным сочетанием в корне входит в состав устойчивых конструкций «существительное + краткое притяжательное прилагательное» в качестве родового понятия для названий населённых пунктов (*градъ Тьмуторокань, градъ Кыевь, градъ Переяславль*), в то время как словоформа *городъ* с восточнославянским полногласием -оро- выступает в роли финального компонента сложных образований типа *Бългородъ* и *Новъгородъ*.

Сделанные наблюдения позволяют нам прийти к выводу о том, что в языковом сознании автора «Слова о полку Игореве» элементы церковнославянского языка (старославянского языка русской редакции) и древнерусского языка строго не разделяются и словоформы-варианты активно используются им без видимого предпочтения по отношению к какому-то конкретному разряду. Незначительное преимущество церковнославянских словоформ, возможно, отражает большую ориентацию автора на языковые элементы книжной системы, которой он владеет в совершенстве. Следует учитывать тот факт, что именно церковнославянский язык был в Древней Руси сакральным, образцовым письменным языком, влияющим на становление языка светских памятников письменности. Приведенные примеры позволяют говорить и об отсутствии стилистической дифференциации церковнославянских и восточнославянских языковых элементов в этом тексте. Но при этом наблюдается процесс разрушения их семантического тождества, что можно считать началом стилистического разграничения книжных и разговорных единиц. Нетрудно заметить, что образно-переносные значения чаще закрепляются в словах церковнославянского происхождения, в то время как восточнославянские словоформы чаще сохраняют прямое значение. Это также может свидетельствовать о том, что в «Слове о полку Игореве» отражено начало

процесса стилистического противопоставления церковнославянских и древнерусских языковых средств (на научной основе этот процесс будет осмыслен и закреплён только в XVIII веке).

Таким образом, наши наблюдения, построенные на характеристике слов с явно выраженными фонетическими чертами церковнославянского и древнерусского языка, не позволяют однозначно ответить на поставленный вопрос: каким языком написан этот текст, созданный в XII веке? Даже частные наблюдения позволяют подтвердить мысль многих известных исследователей истории русского литературного языка о том, что язык «Слова...» отражает сложную его природу. Сам текст включен в разряд памятников «смешанного» типа, где в одинаковой степени совмещены (если говорить о генетической основе) элементы церковнославянского и древнерусского языков. Язык подобных произведений повествовательного характера некоторые ученые называют «амальгамным», «скрещенным» и под., объясняя такую языковую неоднородность требованиями особых, специфически русских, народно-художественных жанров. Язык этих жанров претендовал на новые, отличные от церковно-книжных приёмы, средства языкового выражения. Автор «золотого слова русской литературы», без сомнения, был гениальным писателем, который интуитивно почувствовал и материально предопределил в художественной ткани своего произведения будущее русского литературного языка, соединившего в своей основе разные языковые стихии, среди которых главное место занимали церковнославянские и восточнославянские языковые элементы. Но глубокое понимание специфики этого непростого процесса придет к нам только после изучения курса истории русского литературного языка, который содержит ответы многие проблемные вопросы, затронутые в предлагаемой статье.

Более основательное и глубокое понимание процесса формирования русского литературного языка и языка художественной литературы, частью которой является «золотое слово древнерусской письменности»,

придёт к нам в процессе изучения и других новых дисциплин историко-лингвистического цикла, включенных в программу подготовки бакалавров и магистров гуманитарного профиля «Русский язык и литература».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камчатнов А. М. История русского литературного языка : XI – первая половина XIX века / А. М. Камчатнов. – М. : Академия, 2008. – 688 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
3. Пиотровский Р. Г. К вопросу о методах лингвистического исследования / Р. Г. Пиотровский // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М. : Наука, 1964. – с.132–134.
4. Слово о полку Игореве / вступ. ст. Д. С. Лихачев ; сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева ; примеч. О. В. Творогова, Л. А. Дмитриева. – Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1967. – 540 с.

Н. М. Вишнякова

(научн. рук. – доктор филол. наук., проф. О. А. Горбань)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРОВ

Волгоградский государственный университет

Тексты малой сказочной прозы славянского фольклора, к которой относятся заговоры, несут в себе архаическое ритуальное начало, в них находят отражение древние мифологические представления человека о мире. К числу важнейших категорий, формирующих человеческое сознание, относится категория пространства, которая репрезентируется

в текстах при помощи различных языковых единиц, в первую очередь лексических. Исследование этих единиц в текстах устного народного творчества позволяет реконструировать «картину мира» восточных славян, углубить знания об их мировоззрении. Анализ данного языкового материала на основе выявления комплекса семантических оппозиций открывает новые возможности для дальнейшего изучения представлений о пространстве в различных лингвокультурах.

Источником исследования послужили материалы русских, белорусских и украинских фольклорных сборников. Анализу подвергаются тексты наиболее распространенной группы заговоров – против болезней. В качестве объекта исследования выступает именная лексика (существительные).

При анализе модели мира славян исследователи используют в своих работах бинарные оппозиции, в том числе и пространственные [3, 5, 7]. Специфика заговорного текста диктует необходимость синтеза таких противопоставлений. Представленные учеными оппозиции объединены в нашей работе в систему, с помощью которой исследуется категория пространства в восточнославянском «магическом» тексте. Так, мы выделили пять противопоставлений: согласно месту, занимаемому в структуре мира (верхняя / средняя / нижняя зоны); локальной ситуации (локализатор / локализуемый объект); топологической характеристике (горизонтальная поверхность / вместилище); уровню освоенности человеком (естественное / искусственное) и близости по отношению к субъекту заговорного действия (свое / пограничное / чужое). С помощью такой классификации становится возможен анализ взаимосвязи между сопоставляемыми пространственными единицами в заговорном контексте и их принадлежностью к тем или иным типам пространства.

По лексической наполняемости имена существительные (в материале сборников зафиксировано 409 случаев их употребления), выражающие категорию пространства, репрезентируют разные пространственные типы: одночленный (осевой горизонтальный – 16 %), двучленный (вертикально-

горизонтальный – 44 %, горизонтально-вертикальный – 25 %, вертикально-вертикальный – 4%), трехчленный (вертикальный 8%) и смешанный тип (4 %). Одночленный тип представлен лексическими единицами, отражающими среднюю зону (*изба, ворота, дверь, земля, белый свет* и т. д.), например: *Ей я, рабъ Божій (имя рекъ), покорюсь и помолюсь, на **всѣ стороны** поклонюсь...* [2, с. 94]. Тексты двучленного типа строятся на взаимодействии единиц двух зон – верхней / средней (*море, океан, остров Буян, гробница / изба, ворота, поле*), средней / нижней (*мир крещёный / гроб*), верхней / нижней (*небо / гроб, море*): *Ишоу Богъ дорогою и сустрѣу колюку. «Куда ты идзешъ? – Иду колоць и пороць. – «Идзи ў **цёмный лѣсъ**»...* [9, с. 543]. Заговоры трехчленного пространственного типа характеризуются градационной последовательностью единиц, обозначающих верхнюю (небо), среднюю (лес) и нижнюю (море) зоны и их объекты: *Мѣсяць на **неби**, мядзьвѣдзь у **лѣси**, рыба на **мори**...* [8, с. 80]. Особенностью смешанного типа являются конструкции с отрицанием, указывающие на отсутствие четкого местоположения заговаривающего субъекта: *Встану, не благословясь; пойду, не перекрестясь; изъ избы **не дверями**, со двора **не калиткой**, **не въ чистое поле, не подъ свѣтлый мѣсяць**...* [2, с. 94].

Наиболее выразительно проиллюстрированы в рассматриваемых текстах вертикально-горизонтальная, горизонтально-вертикальная и трехчленная вертикальная структуры мира. Так, первые два типа соотносятся с двумя основными сюжетными мотивами по Т. А. Агапкиной – «обращение в сакральный центр» и «изгнание недуга» [1, с. 571]. Для текстов вертикально-горизонтального типа характерен первый из указанных мотивов, который диктует наличие лексики, обозначающей объекты двух миров – верхнего (*Акиян-море, остров*, 72 %), среднего (*двор, изба, калитка*, 24 %) и границу между ними (*бор, лес*, 4 %): *Пойду въ чистое **поле**; и въ чистомъ **полѣ** стоитъ **груша**, на той **грушѣ** соколево **гнѣздо** виситъ, а въ тому **гнѣзду** лежитъ **гадина** Ладина, царей цариця [6,*

с. 17]. Горизонтально-вертикальный тип пространственной организации текста связан с мотивом изгнания недуга из средней зоны в нижнюю; для него характерно отсутствие субъекта путешествия из человеческого мира, поэтому нижняя зона представлена значительно преобладающим числом единиц (91 %), тогда как средняя зона (8 %) и пограничное пространство (1 %) находят слабое проявление. В отдельных случаях наблюдаются нетипичные случаи репрезентации представителей нижнего мира, например в украинском заговоре от волоса мы видим ситуацию двойного кода: *...та йди на лґсы, на очереты, та на луґы, так на пуци, та на трепезы, та влґзь вґ гадюку, та влґзь вґ жабу!* [6, с. 8]. Жаба принадлежит нижней зоне и имеет связь со смертью и болезнью [4, с. 534]. Отправляя болезнь в жабу (т. е. во вместилище), субъект заговаривания, тем самым, отсылает ее в нижнюю зону.

Категория пространства в лечебных заговорах реализуется различными соотношениями верхней, средней и нижней зон. Каждый из рассмотренных пространственных типов имеет свои особенности, определяя набор тех или иных пространственных элементов в тексте с определенной структурой.

Материал также позволяет говорить о сходстве и различиях в пространственной организации единиц, принадлежащих к разным ареалам. В украинских, русских и белорусских заговорах количественно и содержательно различно представлены оси мира и распределение единиц по зонам: языковые знаки, представляющие верхний мир преобладают в белорусских и русских текстах (41,1 % и 44,4 % от общего количества); единицы, репрезентирующие нижний мир, более типичны для украинских (47,7 %); средний мир наиболее полно описан в русскоязычных заговорах.

Для каждой из восточнославянских культур характерны заговоры, в которых созданное человеческими руками сооружение-вместилище или предмет мебели функционирует в верхней или нижней зоне. Так, к сооружениям, принадлежащим нижнему миру, относим гроб, который

в некоторых русских заговорах от болезни зубов ассоциируется с ротовой полостью. Следует отметить тот факт, что *гроб* относится исключительно к нижнему миру, тогда как *гробница* – исключительно к верхнему. Такое положение объектов дает еще один аргумент в пользу непосредственной связи между верхним и нижним миром в представлении восточных славян.

Верхний мир в русских, украинских и белорусских заговорах могут представлять такие сакральные сооружения-вместилища, как *грядня, стул и т.д.*, функционально заменяющие центральные элементы мира и выступающие как элемент ступенчато сужающегося пространства мифологического центра (*хатка – престол – рукавицы*). Обычно внутри такого вместилища находится сакральный покровитель. Как в средней, так и в верхней зоне представлены сооружения, освоенные животными (*логово, гнездо*).

Лексические единицы, представляющие объекты суши (*земля, бор, остров, берег* и т. д.), репрезентируют все три мира и имеют свои особенности. Локализатор *поле* в зависимости от дистрибуции может передавать как средний, так и верхний мир, *лес* называет объект исключительно пограничный либо относящийся к нижнему миру, *остров* – объект исключительно верхнего мира. В русских заговорах отмечены случаи, когда эквивалентом центра мироздания, выраженного островом, становится *морской пуп*.

Крайне редко находит свое прямое выражение потустороннее пространство, как, например, в контексте русского заговора: *...и крещеніе получа отъ Іоанна Предтечи во Іорданъ рѣкѣ, которая рѣка изъ раю течеть* [2, с. 15].

Особое место в структуре мира заговора занимает граница. В русских заговорах это пограничный элемент «своего» мира (*ворота, двери, калитка*) и элемент, не принадлежащий ни «своему», ни «чужому» миру (*поле*). В украинских и белорусских заговорах пространственные указатели границы «своего» мира с точки зрения субъекта путешествия не

представлены; поле относится не к пограничному локусу, а непосредственно к мифологическому центру: *На польь польь, на степь степь, стоит грушка, подь тоєю грушкою стоит золотая кровать* [6, с. 16]. Несмотря на это указатели выполняют функцию границы «несреднего» мира. Так, мост как пограничное пространство называется в контекстах, где говорится о персонаже одного из антимиров, пересекающем нижний или верхний мир: *Ехау извихъ по калиновому мосту...* [9, с. 536].

Проведенный анализ материала позволяет говорить о неомогенности заговорного пространства, о возможности характеристики прямых и косвенных средств его выражения посредством системы оппозиций, о сходствах и различиях, выявленных при сопоставлении восточнославянской пространственной лексики, представленной в заговорных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетики и образ мира / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2010. – 824 с.
2. Виноградовъ Н. Н. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I–III / Н. Н. Виноградовъ. – СПб. : Типографія Министерства Путей Сообщенія, 1907 – 1910. – 225 с.
3. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
4. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского университета, 1984. – 1328 с.
5. Гунчик І. В. Український магічно-сакральний фольклор: структура тексту та особливості функціонування / І. В. Гунчик. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2011. – 232 с.

6. Ефименко П. С. Сборникъ малороссійскихъ заклинаній / П. С. Ефименко. – Москва : Имп. О-во истории древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. – 70 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1965. – 248 с.
8. Романовъ Е. Р. Белорусскій сборникъ. Вып. 3 / Е. Р. Романовъ. – Витебскъ : Типо-Литографія Г.А. Малкина, 1891. – 450 с.
9. Шейномъ П. В. Матеріалы для изучения быта и языка русскаго населенія северо-западнаго края / П. В. Шейномъ. – СПб. : Типографія императорской академіи наукъ, 1893. – 715 с.

А. В. Галкина

(научн. рук. – доктор филол. наук, доцент М. В. Балко)

БИЛИНГВИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ДОНБАССА

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Любой язык как часть национальной культуры никогда не существует обособленно от остальных. Мы постоянно можем наблюдать столкновения двух и более языковых сред, в которых люди непрерывно контактируют друг с другом. Например, в пограничных регионах двух государств жители часто владеют и своим языком, и «соседским», что обусловлено их частыми коммуникациями и взаимопроникновением культур. В некоторых государствах существует несколько официальных языков, что связано с большим этническим разнообразием населения. На это влияют и исторические события, обусловленные, например, колонизацией. Политические предпосылки, международные рыночные отношения, туризм, обучение и профессиональная деятельность – все эти процессы, связанные с

контактированием языков, породили такое явление, как *билингвизм*, или же *двуязычие*, являющееся надежным средством регулирования сложных межнациональных отношений, воспитания чувства толерантности у представителей разных национальностей по отношению друг к другу [3, с. 498].

Выдающийся американский лингвист У. Вайнрайх определяет билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками» [1]. Лица, осуществляющих эту практику, ученый называет двуязычными, или билингвами. В. Ю. Розенцвейг, российский исследователь, даёт похожее толкование: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [4]. Таким образом, можем утверждать, что билингвизм – это использование индивидом двух языков с их периодической сменой.

Существует несколько видов билингвизма. Как пишет Г. М. Вишневская, в основе классификаций двуязычия «лежат либо социолингвистические, либо психолингвистические, либо методические критерии. Некоторые ученые рассматривают билингвизм не как состояние, а как процесс, который имеет фазы, стадии, различные уровни развития» [2]. Так, выделяют *естественный* и *искусственный* билингвизм. Первый проявляется при наличии естественной языковой среды, в которой формируется двуязычие, второй же – образуется в условиях иностранного окружения.

Так как Донбасс издавна был регионом пересечения и смешения культур различных народов, можем наблюдать повсеместно на территории нашего края проявление естественного билингвизма, а иногда и полилингвизма – одновременного владения несколькими языками. Наиболее распространён русско-украинский билингвизм.

Среди учеников и студентов Донбасса при помощи сети Интернет было проведен опрос, отражающий распространение русского и украинского языков в общем, а также в определённых сферах жизни респондентов; кроме того, исследование предполагало выяснение их

отношения к языковой политике на территории нашего края. Анкета включала следующие вопросы:

1. Ваш возраст.
2. Укажите Ваш родной город (село, посёлок).
3. Какой язык для Вас является родным?
4. Оцените свой навык владения вторым (неродным) языком.
5. На каком языке проходило / проходит Ваше обучение в школе (язык преподавания дисциплин)?
6. На каком языке Вы предпочитаете читать художественную литературу / газеты / журналы?
7. Считаете ли Вы желательным изучение в образовательных учреждениях двух языков (русского и украинского) в равной мере?
8. Поддерживаете ли Вы признание двух государственных языков на территории Донбасса?
9. Владете ли Вы какими-либо иностранными языками?
10. Легко ли Вам даётся изучение иностранных языков?

Опрос 80 человек дал следующие результаты:

- 81 % респондентов принадлежат к возрастной категории 15–20 лет, 19 % составляют категорию 21–35 лет.
- Для 90 % опрошенных родным языком является русский, для 8 % – украинский, 2 % остановились на варианте «Другой».
- 42 % респондентов сообщили, что второй язык они знают на уровне родного; 41% обозначили свой уровень как «средний» (владение устной и письменной речью в достаточной мере); 7 % владеют вторым языком как разговорным (владение в большей мере устной речью); 6 % опрошенных находятся на начальном уровне (владение основами и понимание простых конструкций); 4 % не владеют вторым языком вовсе.
- У 46 % опрошенных русский язык на протяжении всего обучения в школе являлся языком преподавания дисциплин; также у 46 %

наблюдалось частично русскоязычное, частично украиноязычное обучение; 8 % обучались полностью на украинском языке.

- Читать художественную литературу, периодические издания на русском языке предпочитают 95 % респондентов, на украинском – 3 %; 2 % одинаково охотно читают на обоих языках.

Основываясь на этих статистических данных, можно утверждать, что практически у всех респондентов рассматриваемой возрастной категории наблюдается проявление билингвизма разной степени, зависящей от уровня проникновения второго языка в жизнь индивида и силы его воздействия.

- 44 % считают, что в образовательных учреждениях изучению русского языка следует отдавать ведущую роль; также 44 % думают, что русскому и украинскому языкам нужно уделять одинаковое внимание; 2 % отдадут предпочтение в изучении украинскому языку, а 10 % респондентов затрудняются ответить.

- 67 % опрошиваемых поддерживают признание двух государственных языков на территории Донбасса, 20 % не согласны с этим, 13 % затрудняются ответить.

Как мы видим, мнения по поводу изучения украинского языка разделились, что свидетельствует о целесообразности вынесения данного вопроса на более масштабный уровень, опросив граждан других возрастных категорий, различных профессий. В то же время, признание двух государственных языков поддерживается большинством молодёжи, что подтверждает правильность направления языковой политики страны.

- Одним иностранным языком владеют 57 % опрошиваемых, двумя – 20 %, тремя и более – 3 %, никакими же не владеют 20 %.

- 7 % легко даётся изучение языков, 49 % это даётся с незначительными трудностями; 28% испытывают значительные трудности, а 9 % делать это крайне трудно; 7 % затрудняются ответить.

Вопрос о влиянии двуязычия на усвоение других иностранных языков чрезвычайно важен и непросто, поскольку касается не только лингвистики,

но и психологии, дидактики. Он требует отдельного глубокого исследования. Есть предпосылки утверждать, что у билингвов сильнее проявляются способности к овладению иностранными языками, так как для них переключение кодов является привычным. Кроме того, человек, знакомый с несколькими культурными средами благодаря языку, более открыт для новых знаний, что способствует обучению.

Несомненно, вопросу двуязычия на территории Донбасса следует уделять большое внимание, ведь эту его отличительную черту можно и нужно использовать в благих целях: научные изыскания, улучшение системы образования, сохранение культурного наследия региона и многое другое. Более того, изучение особенностей сосуществования различных языков в современном Донбассе крайне важно для построения правильной языковой политики государства. Перспективы дальнейших исследований языковой ситуации региона весьма велики, поскольку касаются злободневной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – К. : Вища шк., 1979. – 364 с.
2. Вишневская Г. М. Билингвизм и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / Г. М. Вишневская. – Режим доступа : <http://ru.udmbilingva.ru/files/stati/G.%20M.%20Вишневская%20БИЛИНГВИЗМ%20И%20МЕЖКУЛЬТУРНАЯ%20КОММУНИКАЦИЯ.pdf> (Дата обращения : 09.01.2017).
3. Закирьянов К. З. Два феномена: билингвизм и билингвальная личность / К. З. Закирьянов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 1. – Т. 17. – С. 498–502.
4. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. Вып. VI. «Языковые контакты». – М. : Прогресс, 1972. – С. 5–24.

**ТИПОЛОГИЯ ЗАДАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СУФФИКСА
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В школьном курсе русского языка как в начальной, так и в средней школе такие разделы, как «Морфемика (состав слова)» и «Словообразование» часто изучаются в их соотношении в связи с тем, что умение учащегося правильно осуществить правильное членение слова по составу – это предпосылка освоения им принципов словообразования. В свою очередь оба названных раздела тесно связаны с таким разделом, как «Лексикология», поскольку на практике демонстрируют структурно-семантические связи слов, способствуя при этом обогащению лексикона учащихся. Как известно, осознанное понимание учащимися морфемной структуры слова является надежной базой для усвоения значительной части орфограмм.

Однако в средней школе морфемика и словообразование, по сравнению с фонетикой, морфологией, синтаксисом и др. разделами, изучаются в значительно меньшем объеме. При этом предполагается, что значительную часть понятий морфемики учащиеся должны были уже усвоить в начальной школе, хотя часто речь идет о таких сложных, абстрактных понятиях, как, например, морфема, типы морфем, основа слова.

В предыдущей статье, написанной в соавторстве с научным руководителем [8], была предпринята попытка проанализировать изложение курса морфемики в учебнике русского языка для 5 класса (авторы Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др.) [5], а также систематизировать систему заданий при изучении морфемного состава слова на уроках русского языка в 5 классах общеобразовательной школы.

В предлагаемой статье, исходя из сформулированных теоретических предпосылок и обозначенных основных проблем (см. [8]), рассмотрим приёмы, использующиеся при изучении суффикса на уроках русского языка в 5 классах общеобразовательной школы. Анализ материала осуществляется в первую очередь на основе учебника русского языка для 5 класса (авторы Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др.) [5].

Прежде всего отметим, что как в школьных, так и в вузовских учебниках по современному русскому языку представлена детальная схема морфемного анализа (разбора слова по составу) [1; 2; 4; 5; 6; 7].

Система упражнений, предложенная в рассматриваемом учебнике в рамках блока «Морфемика», в числе прочего направлена на формирование у учащихся умения выделять суффикс в слове на базе сформировавшегося представления о суффиксе.

Приёмы работы, способствующие формированию указанного умения и навыков, в целом направлены на совершенствование более общего умения выделять части слова, осуществлять морфемный анализ слова, т. е. разбор слова по составу.

На уроках, посвящённых таким темам, как «Суффикс – значимая часть слова» и «Значение суффиксов», учитель преследует такие цели:

1. Познавательные: восстановить знания учащихся о суффиксе и его функциях; повторить известные из начальной школы сведения о суффиксе, его роли в слове; углубить представление о данной морфеме через наблюдение за словами с омонимичными суффиксами.

2. Практические: определить уровень сформированности умений видеть суффиксы в именах существительных, прилагательных, глаголах и определять их значение; совершенствовать умение толковать значение слов, образованных с помощью суффиксов; учить выделять суффикс в слове.

3. Общепредметные: формировать внимание к слову в процессе чтения текста; дифференцировать задания с учётом темпов усвоения учащимися сведений по морфемике, словообразованию; учить переключо-

чать внимание посредством смены видов деятельности; развивать эмоциональную сферу учащихся посредством языковых явлений, организационные навыки самостоятельной деятельности в группах.

4. Воспитательные: воспитывать нормы поведения в учебной обстановке, культуру делового общения.

Достижению поставленных учителем целей и задач, а также формированию у учащихся в первую очередь умения выделять суффикс в слове на базе сформировавшегося представления о суффиксе способствуют в числе прочих такие приёмы:

1. Сопоставить однокоренные слова, образованные с помощью разных суффиксов, и с помощью учителя или самостоятельно сделать вывод о том, что от суффикса может зависеть разница в лексических значениях однокоренных слов и что слова с одинаковыми суффиксами могут иметь схожие значения, будучи при этом образованными по одной схеме (например, *паром – паромщик, стекло – стекольщик, камень – каменщик; мех – меховой, шерсть – шерстяной, серебро – серебряный; красный – краснеть, белый – белеть, синий – синеть*).

2. От одного исходного слова (корня) образовать однокоренные слова с разными суффиксами и объяснить, чем отличаются по значению эти слова (например, *рыба – рыбак, рыбацкая, рыбалка, рыбацкий, рыбник, рыбаина, рыбка, рыбёшка, рыбный*).

3. Подобрать слова, образованные по заданной схеме (как правило, с помощью того же самого суффикса или синонимичных суффиксов), при этом прорабатывая определённые орфограммы и актуализируя знания из области морфологии.

(1) Списать текст, вставляя нужные слова, выделить суффиксы, с помощью которых образованы названия лиц (людей) по роду их занятий, и указать существительные первого и третьего склонения.

На баяне играет баянист, на гитаре – _____, на пианино – _____, на виолончели – _____, книги переплетает – _____, грузит – _____, охотится – _____.

(2) Вставить в предложение нужные слова, выделить в их суффиксы, с помощью которых образованы названия лиц по месту жительства, указать разницу в правописании названия города (края, страны) и названия человека, проживающего в этом городе.

В Рязани живёт рязанец, в Петербурге – _____, в Москве – _____, в Сибири – _____, в России – _____.

(3) Записать ряды однокоренных слов с различными суффиксами, образовав их по предложенной схеме, выделить суффиксы и подчеркнуть непроверяемые орфограммы в корнях слов.

Баскетбол → баскетболист → баскетболистка.

Волейбол, шахматы, парашют, теннис, велосипед.

(4) Подобрать однокоренные слова с суффиксом *-тель-* к словам *читать, преподавать, наблюдать, учить, водить, строить* и определить, какое общее значение имеют подобранные слова.

Исследова(ть) + -тель- → исследователь

(5) Образовать слова с суффиксами *-тель-*, *-чик-*, *-ист-*, *-ник-* от слов *преподавать, лес, баян, флейта, перевозить, грузить*.

Воспита(ть) + -тель- → воспитатель

Гитар(а) + -ист- → гитарист

4. Выполнение разноплановых упражнений, направленных на умение выделять какой-то суффикс в слове, понимать его значение, образовывать слова с помощью данного суффикса, исходя из условий контекста, учиться правильно использовать слова с этим суффиксом, а не однокоренные слова, но с другим суффиксом.

(1) Составить и записать слова по предложенной схеме, учитывая представленное в образце токование слова.

Жёлт(ый) + -оват- → желтоватый = не совсем, чуть-чуть жёлтый.

Син(ий) + -еват- → синеватый = ?

Рыж(ий) + -еват- → рыжеватый = ?

Кисл(ый) + -оват- → кисловатый = ?

Сыр(ой) + -оват- → сыроватый = ?

(2) Представьте, что

- В чашку чая положили всего один маленький кусочек сахара. Какой получился чай – сладкий или сладковатый?
- Суп лишь слегка посолили. Какой он – солёный или солоноватый?
- Вы попробовали лимон. Кислый он или кисловатый?

(3) Спишите текст, заменяя слова в скобках однокоренными словами с суффиксом *-оват-*, объясните, почему писатель использовал прилагательные *красноватое, розоватые*, а не *красное, розовые*.

День был мя..кий и мг..истый. (Красное) солнце невысоко в...село над длинными, похожими на сн...говые поля, сл...истыми обл...ками. В саду ст...яли покрытые ин..ем (розовые) деревья. Неясные тени на сн..гу были пропитаны тем же тёплым светом. Было необыкновенно тихо (А. Н. Толстой).

6. Актуализация знаний и закрепление материала, пройденного на предыдущем уроке.

(1) Вопрос учителя: Вчера мы познакомились с тремя группами суффиксов. Назовите их.

Ответ: 1 группа – это слова, обозначающие людей по роду их занятий, 2 группа – это название жителей населенных мест, 3 группа – это уменьшительно – ласкательные суффиксы.

(3) Вопрос учителя: С каким значением образуются слова с их помощью? Приведите примеры, выделите суффиксы.

Работа у доски: трое учеников работают у доски, Записывают суффиксы и приводят примеры (у каждого ученика своя группа).

(4) Прочитайте текст. Как вы думаете, как автор относится к героине текста? Как автор ее называет?

Однажды охотник встретил в лесу маленькую девчушку, дочку лесника, собиравшую в корзинку еловые шишки. У нее были золотистые волосы и большие зеленоватые глаза, в которых словно отражалось сияние осенних листьев. Она проводила охотника к домику лесника.

Выделите суффикс в слове *девчушка*. Какой оттенок он вносит в слово? Есть еще слова с таким суффиксом в тексте? А если это будет большой дом? Запишите название рядом и обозначьте суффикс.

Автор хочет показать, что она самая прекрасная на свете. *Маленькая девчушка*. Записывают словосочетание в тетрадь и в слове *девчушка* выделяют суффикс *-ушк-*, с помощью учителя сделав вывод о том, что это уменьшительно-ласкательный суффикс, который указывает, что предмет маленький, а еще этот суффикс используют, если надо кого-то приласкать.

Дом-ик = маленький дом, *дом-ищ(е)* = большой дом

(5) Подобрать к данным словам однокоренные с суффиксами, имеющими уменьшительно-ласкательное значение, и обозначить в словах эти суффиксы.

Стол, носок, карандаш; сын, голос, флаг, ветер; диван, костюм, карман; конфета, корзина, рыба; кисть, ваза, кофта; свежий, алый, жёлтый, красный.

(6) Списать, найти слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и выделить в них эти суффиксы.

Ивушка, ивушка зелёная моя!

Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?

Или те, ивушку, солнышком печет!

Солнышком печет, частым дождичком сечет,

Под корешок ключева вода течет?

Озаглавьте отрывок из повести Н. Носова «Приключения Незнайки». Обозначьте уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах. Почему в отрывке встречается много слов с этими суффиксами? Какие слова связывают четвертое и пятое предложения?

Открыв глаза, Незнайка увидел, что лежит в чужой комнате. По углам стояли маленькие креслица. На стенах весели коврики и картины с изображением разных цветов. У окна стоял круглый столик. На нём возвышалась куча разноцветных ниток для вышивания и лежала подушечка, вся утыканная иголками, словно ошестинившийся ежик.

7. Закрепление материала:

(1) Игра «Четвёртый лишний».

Водник – водяной – водитель – водоворот

Морской – мореплаватель – заморский – уморился

(2) Лингвистическая задача.

Академик Л. В. Щерба для своих учеников сочинил предложение «*Глокая кúздра штéко будлану́ла бóкра и курдя́чит бокрénка*». Какие морфемы (суффиксы, окончания) помогут вам догадаться, о чём говорится в этом на первый взгляд странном предложении, о каких действующих персонажах здесь идёт речь?

Начало рассуждения: *Глокая (какая?)* – это прилагательное в форме женского рода, имеет окончание *-ая* и относится к слову *куздра*.

Рассмотреть приёмы, использующиеся при изучении приставки на уроках русского языка в 5 классах общеобразовательной школы, — следующий шаг в логике нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Зубова Л. В. Морфемика и словообразование современного русского языка : Учебник / Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 255 с.
- 2.Казак М. Ю. Морфемика и словообразование современного русского языка : Учеб. пособ. : В 2 кн. – Кн. 1. Теория / М. Ю. Казак. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 80 с.
- 3.Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1977. – 315 с.
- 4.Николина Н. А. Современный русский язык. Морфемика : Учеб. пособ. / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 144 с.
- 5.Русский язык. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений : В 2 ч. – Ч. 2. / [Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др.: науч. ред. Н. М. Шанский]. – М. : Просвещение, 2012. – 176 с.

6. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : Учеб. пособ. / Л. С. Филиппова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.
7. Цыганенко Г.П. Русский язык: Морфемика. Словообразование. Этимология : Учебно-справоч. книга / Г. П. Цыганенко. – Донецк : ООО «Китис», 1999. – 316 с.
8. Ярошенко Н. А. Типология заданий при изучении морфемного состава слова на уроках русского языка в 5 классе общеобразовательной школы / Н. А. Ярошенко, М. В. Гулая // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г.). – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 413–417.

А. С. Давыдкина

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. В. Валеева)

**ЗОНЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПУТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА X-XVIII ВВ.»**

Е. С. ОТИНА)

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского»*

«Словарь русского языка X-XVIII вв.» Е. С. Отина является уникальным лексикографическим изданием: в нем используется прием параллельного и попутного имплицитного толкования – в скобках объясняется значение лексемы, что облегчает понимание иллюстративного материала словарной статьи. Имплицитное толкование обеспечивает понимание и правильную трактовку семантики лексемы, а использование иллюстративного материала – отрывков памятников древнерусской письменности – позволяет проводить исследование не только контекстуального окружения лексемы, но и семантической структуры языковой единицы.

Лексема *путь* входит в тематическую группу локативности и является одним из главных ее компонентов. Локативность – это

семантическая категория, вербализирующая категорию пространства в языке. В рамках теории функциональной грамматики локативность рассматривается как «функционально-семантическое поле с предикативно-обстоятельственным ядром, в котором сосредоточены первичные функции, выполняемые первичными средствами, при периферии, которую составляют вторичные функции, связанные с вторичными формами, имеющими иные, непространственные функции» [1, с. 7].

Поскольку категория локативности имеет семную организацию («вхождение лексических единиц в поле локативности, – как отмечает Л. Н. Федосеева, – основано на архисеме “место, пространство”») [6, с. 5]), компоненты поля не могут быть равнозначны семантически, так как неравнозначны отношения этих компонентов к архисеме: лексические единицы в большей или меньшей степени близки по семантике, вследствие чего складывается семантическая структура поля локативности.

Вопрос о структуре семантического поля остается открытым до сих пор и характеризуется плюрализмом мнений и интересов исследователей.

Л. А. Новиков предлагает обобщенный вид семантической структуры, выделяя центр (лексему, выражающую наиболее общее значение) и периферию. Важным свойством языковых единиц периферии исследователь считает сложное и насыщенное содержание и взаимодействие с членами смежных полей [2, с. 568]. Иные взгляды на эту проблему представляют собой использование более дробной градации ядра и периферии семантического поля: в работе А. В. Петрова «Конфигурация субполя с ядром *развести* в русском языке» в семантическом поле выделяются следующие составляющие: ядро – общеупотребительный предикат; околядерная зона – «единицы, имеющие признаки ядерных, но не совпадающие с ними, сложнее их морфологически и обладающие меньшими деривационными возможностями»; периферия, подразделяющаяся на ближнюю, дальнюю, крайнюю и маргинальную в зависимости от сферы распространения и частотности употребления лексем [4, с. 269].

При рассмотрении семантической структуры лексемы *путь* мы предлагаем выделить маргинальную зону в отдельную семантическую область. Необходимость ее выделения обусловлена спецификой семантических отношений между лексическими единицами в условиях контекста, результатом которых становятся семантические надбавки, трансформирующие значение взаимодействующих лексических единиц.

Ядром рассматриваемой структуры является нейтральный и общеупотребительный семантический компонент *путь* – «1. полоса земли, служащая для езды и ходьбы; дорога. || Место, пространство, по которому происходит передвижение, сообщение» [5], который встречается в ряде иллюстративных материалов «Словаря русского языка X-XVIII вв.» Е. С. Отина:

ИЗОБРЕСТИ. 1. Выбрать. // Ин (другой. — Е. О.) путь оному своему воинству (войску. — Е. О.) изобрете, послав их чрез пустыни асийския (азиатские. — Е. О.) под град Астрахань (А. Лызлов. Скифская история. — М., 1787. — Ч. III) [3, с. 125].

ТРЕБИТИ. Расчищать. // И рече Владимир: «Требите путь и мосты мостите» (Холмогорская летопись, 1014 г.) [3, с. 357].

Лексема *путь* полностью соотносится с архисемой «место, по которому происходит передвижение», и потому становится центром семантической структуры.

Стоит отметить, что в словарной статье с заголовочным словом *путь* актуализируется сема, представляющая периферийную зону семантической структуры:

ПУТЬ. Право на проход или проезд. // И Лещь сказал: «Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Крешо» (Повесть о Ерше Ершовиче, XVII в.) [3, с. 302].

Лексема вступает в другие синтагматические отношения, из-за чего развивается вторичное значение. В результате этого связь с ядерной зоной структуры утрачивается, возникает новая привативная парадигматическая

оппозиция *путь – право*, которая по отношению к семе *место* будет второстепенной, периферийной.

Ядерная зона семантической структуры связана с парадигмой слова *путь* и потому включает группу лексем, объединенных архисемой «место, где происходит передвижение» (например, *дорога, тропа* и их дериваты). Ядро – обязательный элемент семантической структуры, который должен быть отражен в словарной статье и входить в толкование лексической единицы, как в представленных ниже примерах:

ПУТЕЦ. Тропинка. // Они не пустиша кони и нашли бо (ведь. – Е. О.) бяху путец, малаго звери хождение (дорога. – Е. О.) (Сказание о Вавилоне граде, XV–XVI вв.) [3, с. 302].

САКМА. Степная дорога. // ...А сам поиде за царем (ханом. – Е. О.) царевою (ханской. — Е. О.) сакмою (Воскресенская летопись, 1541 г.); А от Семитцких Котлубанов налево дорога Изюмская сакма (Книга Большому чертежу, 1627 г.) [3, с. 317].

К периферийной зоне относятся лексические единицы, семантически связанные с лексемой *путь* и входящие в данную семантическую структуру косвенно. Приоритетной семой таких единиц будет *признак* пути, а не *пространство*, по которому происходит передвижение. Так как периферийные элементы структуры второстепенны по отношению к ядерной зоне, в словаре они могут быть отражены во вторичных значениях или оттенках значений, в том числе и в блоке иллюстративного материала.

ХОБОТ. 2. Окружной, окольный путь, крюк. // Он бегал, скакал по чисту полю, хоботы метал по тёмным лесам (Сборник Кириши Данилова, XVIII в.) [3, с. 379].

НЕПУТЬМА. Без дорог. // Приходил царь (хан. – Е. О) Охмут Кичиазметевич ордынский со всею силою великою ордынскою, и подшед близь Руси, остави у царици старых и болных и малых и поиде с проводники непутма (Софиевская I летопись, 1472 г.) [3, с. 203].

Данная лексема не является конкретизатором пути, но указывает на ситуацию отсутствия его как объекта пространства, и это указание составляет семантическую оболочку лексемы. В словарном толковании присутствует слово *дорога*, относящееся к ядерной зоне, однако лексему, рассматриваемую нами в данном случае, отнести к этой семантической зоне нельзя: она сложнее и семантически, и формально. Обратив внимание на морфемную сложность лексической единицы, можно было бы вынести ее за рамки семантической структуры *путь*, рассмотрев слово *непутьма* как звено словообразовательной цепочки, однако в таком случае пришлось бы столкнуться с расхождением семантики; здесь же семантика полностью зависит от пути как пространственного объекта. Поэтому оптимальным вариантом мы считаем отнесение лексемы *непутьма* к периферийной зоне.

Маргинальная зона представлена совокупностью лексем, выполняющих роль контекстуальных знаков, – они уточняют, поясняют, дают дополнительную информацию о пути. Лексемы маргинальной зоны могут быть опущены, то есть наличие их в тексте факультативно, контекстуально (а значит в словарной статье они отражены только в блоке иллюстративного материала); в то же время вне текста такие лексемы могут не относиться к полю локативности, и, следовательно, не входить в семантическую структуру *путь*. Например:

ИСТОМНЫЙ. Утомительный. // Истомлен же бе путь им (Иоасафовская летопись, 1437–1520 гг.) [3, с. 133].

ТЛАЧНЫЙ. Напрасный, бесполезный. // Аще ли каменьна терьньна та будет и путь тлачный (Повесть о Варлааме и Иоасафе, XVII в.) [3, с. 353].

ЗАСЕКА. Оборонительное сооружение из поваленных деревьев. // А дорога Муравской шлях лежит мимо Тулы через засеку (Книга Большому чертежу, 1627 г. — С. 2) [3, с. 110].

Прилагательные *истомный* и *тлачный* в контексте становятся адъективной характеристикой пути, а существительное *засека* приобретает

добавочное значение *точка пути*, входя, таким образом, в маргинальную зону семантической структуры *путь*.

Итак, в семантическую структуру лексемы *путь* включены три зоны, выделение которых производится на основании семантической близости элементов структуры, системных семантических отношений и специфике контекстуального окружения. Стратификация структуры *путь* получила отражение в «Словаре русского языка X-XVIII вв.» Е. С. Отина: лексемы, относящиеся к ядерной зоне, являются заголовочным словом словарной статьи или входят в состав толкования; элементы периферийной зоны отмечены во вторичных значениях или оттенках значений, но могут быть представлены также в иллюстративном материале в своем непрямом значении; лексические единицы, входящие в маргинальную зону, выявляются в контексте, потому содержатся только в блоке иллюстративного материала словарной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. – СПб : Наука, 1996. – 229 с.
2. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Л. А. Новиков Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – С. 554–570.
3. Отин Е. С. Словарь русского языка X-XVIII веков. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 436 с.
4. Петров А. В. Конфигурация субполя с ядром *развести б* в русском языке / А. В. Петров // Стил. – № 1. – Белград, 2012. – С. 265–278.
5. Словарь русского языка : В 4-х т. [Электронный ресурс] / А. П. Евгеньева – Режим доступа : [http : // feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encus.htm](http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encus.htm) encus.htm (Дата обращения: 12.01.2016).
6. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 2013. – 43 с.

О. Д. Дёмина

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

ЭРГОНИМЫ ГОРОДА АЛУШТЫ

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Актуальность исследования. Вопрос о лингвистическом изучении «языка города» одним из первых поставил А. А. Шахматов. В 20-е гг. XX в. Б. А. Ларин наметил основные направления исследований «языка города» как третьей части языковых явлений, занимающей место между литературным языком и крестьянскими диалектами. Он полагал, что эволюцию литературного языка нельзя понять без обращения к «языку города» [3; 4].

В результате исследований под «языком города» стали понимать «неподготовленную, неофициальную речь горожан, или социально-коммуникативную систему, используемую жителями данного города» [1]. При изучении разговорной речи были проведены исследования ономастического характера основных внутригородских объектов, что привело к вычленению урбанонимии как одного из разделов ономастики [1]. Термин *урбаноним*, введенный в свое время в обиход А. В. Суперанской и прочно закрепившийся в словаре русской ономастической терминологии, означает «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта».

Цель статьи – исследовать эргонимы города Алушты.

У эргонима обычно отсутствует прямая связь с понятием, лежащим в основе наименования. Эргоним является в определённой степени лишь «вывеской» для именуемого объекта, вызывая разные ассоциации с главным денотатом.

Названия магазинов

• Продуктовые магазины

Название рыбного магазина «Океанчик» образовано сложением основы «океан» и уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик-*, что

свидетельствует о небольшом ассортименте продукции. В магазине продаются свежие и мороженые морепродукты и рыба.

Продуктовый магазин с небольшим ассортиментом товаров «Аист». На эмблеме магазина изображён аист, держащий в клюве узелок с продуктами.

Минимаркет «Лукошко». «Лукошко» – ручная корзинка из лубка или прутьев [7]. На эмблеме магазина изображено лукошко с продуктами.

Магазин «Рыбный двор» имеет большой выбор рыбы: свежей, мороженой, копчёной и сушёной. Ср. «Гостиный двор» – комплекс зданий, предоставляющий услуги для оптовой торговли товарами. Как отмечают О. Т. Косаренко и С. В. Косаренко, эргонимы *двор* и *холл* передают признак «замкнутое пространство». Семантика слова *двор* служит одним из пространственных эталонов восприятия окружающего мира. «Двор» становится символом материальности «своего», «близкого» и «освоенного» пространства [2, с. 56].

• *Магазины алкогольной продукции*

Алкогольный маркет «Банкет». «Банкет» – торжественный званый обед или ужин, устраиваемый в честь кого-, чего- [7]. В наименовании актуализируется следующая информация: то, что нужно для торжества. У многих людей слово *банкет* ассоциируется со словами *алкогольные напитки, выпивка* и т. п. Алкогольный маркет – большой магазин, в котором есть отдел дегустации. «Маркет» в переводе с английского обозначает рынок [5]. У покупателя на рынке есть возможность попробовать тот или иной продукт.

Магазин алкогольных напитков «Дегустаторъ». Здание напоминает старинный замок. В названии используется знак «ъ», чтобы придать магазину атмосферу старины. «Дегустатор» – специалист пищевого производства, определяющий на вкус качество продукта (вина, чая и др.) [5].

Фирменный магазин алкогольных напитков «Под градусом». В этом магазине большой выбор спиртного. В эмблеме буква «о» в слове *градусом*

выглядит как бокал. Название «Под градусом» является фразеологизмом, развившим значение «в состоянии лёгкого опьянения, навеселе» [8].

• *Магазины промтоваров*

В магазине «Швейный мир» представлен большой выбор ниток для шитья и вязания; а также предлагается разнообразная фурнитура. На эмблеме изображён клубок ниток и спицы. Слово *мир* предполагает большое разнообразие каких-л. предметов, в данном случае швейной фурнитуры.

Магазин хозтоваров, бытовой химии, парфюмерии, косметики «Золушка». Золушка – [с прописной буквы] О ком-л. (обычно девушке) трудолюбивом, выполняющем большую работу, но испытывающем при этом несправедливое отношение к себе. На вывеске представлено развёрнутое описание специфики магазина.

Товары для дома «ASSортимЕНт». В этом небольшом магазине продаются товары, которые всегда нужны дома: батарейки, губки, посуда и т. п. «Ассортимент» – подбор различных видов и сортов товаров предприятия или изделий в производственном предприятии [7]. В названии используются буквы как кириллицы, так и латиницы, чтобы прохожие обратили внимание на вывеску. Выделенные отрезки в названии ASS, вероятно, сокращение от англ. Assortment, а EN, предположительно, сокращено от enough, что вместе можно рассматривать как достаточный ассортимент продукции для вашего дома.

Магазин «Пышечка». «Пышка» – разг. О толстом, пухлом ребёнке или женщине [7]. В наименовании наблюдается редупликация суффиксов со значением уменьшительно-ласкательным. В магазине представлена женская одежда больших размеров.

«Мир Книги». В этом магазине большой выбор книг различных жанров для людей всех возрастов. Эргоним представлен словосочетанием, каждые компоненты которого оформляются заглавными буквами. Компонент «Книги» символизирует, таким образом, наименование особой страны – страны знаний.

Ювелирный магазин «Madonna». Мадонна – символ женственности и грации. Название написано латиницей, чтобы обратить внимание прохожих.

Магазин сантехники «ВодяноЙ». «Водяной» – в славянской мифологии дух, обитающий в воде, хозяин вод. Поскольку это магазин сантехники, то покупатели часто приходят за какими-либо деталями для починки. Прописная буква «Й» обозначает законченность действия, то есть, в данном случае, решение проблемы.

Цветочный магазин «Феерия». «Феерия» – перен. Волшебное, сказочное зрелище [7]. Название магазина подчёркивает сказочную красоту продаваемых цветов. Цветочный магазин «Анютины глазки» находится в Зелёном переулке. На эмблеме магазина изображены цветы Анютины глазки.

• Магазины цифровой и бытовой техники

На улице Владимира Хромых есть «СССР» (Салон Сотовой Связи России). Эмблема выглядит как четыре большие буквы СССР на красном фоне, внизу под ними расшифровка. Название является неоаббревиатурой.

«DNS» – DigitalNetworkSystem – Система цифровых сетей. Магазин специализируется на продаже компьютерной, цифровой и бытовой техники. Расположен на Пионерской улице.

На Таврической улице есть магазин домашней техники «ТехноЛидер».

«Вольтмарт (Voltmart)» – магазин по продаже бытовой техники и электроники. Имеет слоган «Вольтмарт – наша техника домашняя». Расположен на Площади Советской.

• Магазины для детей

Магазин детской одежды и обуви «Малыш». «Малыш» – разг. Ребёнок (чаще о маленьком мальчике) [7].

Детский мир «Непоседа». «Непоседа» – непоседливый человек [7]; это тип поведения человека беспокойного, суетливого, гиперактивного, подвижного. Непоседа не может сидеть на одном месте, он ищет себе всё новое и новое занятие, нетерпеливо выполняет кропотливую работу, любое задание выполняет быстро. Непоседой часто называют с ласковым

оттенком живых, подвижных, быстрых на дела и инициативы людей. Дети не могут долго сидеть на одном месте. В Детском мире продаются не только игрушки, но и одежда, обувь.

Магазин развивающих игр и игрушек «Затейники». «Затейник» – изобретательный, склонный к затеям, человек; выдумщик [7].

Магазин детской подростковой одежды и обуви «Капитошка». На эмблеме изображён персонаж одноимённого советского мультфильма.

Детский магазин «Мартышка». «Мартышка» – маленькая обезьяна с длинными задними ногами, длинным хвостом и короткой мордой из рода узконосых обезьян [7]. Актуализируется наше знание о них как о животных, отличающихся крайней живостью и подвижностью. Проводится параллель с детьми, которые очень подвижны в раннем возрасте. В магазине продаются, в основном, игрушки, игры для детей.

Магазин детской одежды «Симба». Симба – это львёнок, персонаж мультфильма «Король Лев». Характер Симбы на протяжении фильма претерпевает изменения. Если в начале молодой лев весел и беззаботен, как многие дети, любопытен и склонен к авантюрам, то, повзрослев, он приобретает качества, свойственные королю. На вывеске изображён этот львёнок.

Таки образом, образы города генерируют новые смыслы, новые реалии, воздействуют на массовое сознание носителей языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капаназе Л. А. Лексика города : к постановке проблемы / Л. А. Капаназе, Е. В. Красильникова // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 282–294.
2. Косаренко О. Т. Эргонимическое простарнство г. Воронежа / О. Т. Косаренко, С. В. Косаренко // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Вып. 25. – Воронеж, 2016. – С. 53–58.

3. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) – М. : Просвещение, 1977. – С. 189–199.
4. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) – М. : Просвещение, 1977. – С. 175–189.

СЛОВАРИ

5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Изд. 2-е, доп. – М. : Русский язык, 2000. – 856 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1988.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1999.
8. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 828 с.

А. В. Емельяненко, А. Е. Жуков

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ КАК РЕАЛИЗАТОРЫ СУГГЕСТИИ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Актуальность исследования разнообразных средств реализации суггестии не вызывает сомнений. Феномен суггестии привлекает многих современных исследователей, среди которых Р. В. Агаджанян [1], А. В. Антонова [2], М. А. Белова [4], Л. В. Бутыльская [5; 6], Т. П. Волосюк [7], М. А. Одинцова [15], Н. Д. Субботина [19; 20] и др.

Объект нашего исследования – креолизованные тексты. **Предмет** – суггестивный потенциал рассматриваемых текстов.

На сегодня **целью** нашего исследования является сбор и систематизация материала, связанного с анализом суггестии и ее частных проявлений на уровне креолизованных текстов. Цель определяет следующие **задачи**:

- собрать и систематизировать материал, посвященный суггестии как языковому явлению;
- определить квалификационные признаки креолизованного текста как реализатора суггестии;
- установить специфику взаимодействия вербальных и невербальных средств реализации суггестии на уровне креолизованного текста.

Условно об истоках исследования речевого воздействия учеными-славистами можно говорить, обращаясь к истории изучения народных заговоров. Первые попытки сбора и описания заговоров состоялись в середине XIX века и имеют в основном образовательную, а не научную цель. Заговоры, по мнению А. Н. Афанасьева, представляют собой обломки древних языческих молитв и заклинаний. По мнению же Ф. И. Буслаева, их поэтическая основа была не языческой и не христианской, но какая-то смутная, фантастическая среда, в которой с именами и предметами христианского мира сочеталось нечто другое, связанное с мифическими взглядами [12, с. 68–69]. А. А. Потебня признает первичной в заговоре веру в слово и отводит собственно обрядовому действию роль иллюстрации к заранее уже готовой ассоциации, именно того, с чем было сравнимо желаемое [12, с. 68–69].

Во II половине XX века слависты также продолжают интересоваться темой заговоров. Так, Н. И. Коновалова сосредоточивает внимание на лечебных заговорах. Исследовательница отмечает, что заговоры – особый суггестивный текст, неразрывно связанный с ситуацией воздействия на объект (в том числе и с ситуацией самовнушения, когда субъект и объект суггестии совпадают). Проектирование языкового кода сакрального текста на «пространство» национально-культурных традиций, выявление типологии ситуаций, попадающих в фокус внимания социума (коллективного

интерпретатора), позволяет определить характер этнокультурных стереотипов сознания в заданном жанровом регистре. Прагматикон заговоров – это пучок ассоциаций, в котором специфически переплетаются бытовые, ритуальные и другие ассоциации, которые могут казаться случайными и которые предполагают «расшифровку», объяснения при последовательном проникновении в глубинные структуры текстов. Ключом к лингвокогнитивному исследованию сакральных текстов является декодирование обозначаемого с учетом этнокультурных стереотипов языкового сознания [12, с. 69].

Основным механизмом достижения суггестивного эффекта в жанре заговора, по мнению автора, является принцип партициптивной магии, суть которого заключается в приписывании возможности влияния одного предмета на другой на основании внешнего сходства этих предметов или общности их функций. Этот принцип проявляется не только на уровне устанавливаемых связей реальных денотатов, но и на уровне соотношения денотата с его языковой репрезентацией. Особенности отражения сакральных характеристик в языковом сознании подчинены логике партиципации (термин Л. Леви-Брюля), связей человека и мифических персонажей, придуманных им и наделенных более или менее выразительными чертами. Этот факт объясняется спецификой представлений о сверхъестественных силах [12, с. 70].

Во второй половине XX века становится уместным говорить об изучении суггестии уже с научной, а не образовательной целью. Более того, постепенно расширяется спектр проблем, попадают в фокус внимания ученых, занимающихся суггестивной лингвистикой. Можно, наверное, считать, что проблематика исследования заговоров и других фольклорных текстов суггестивного типа отчасти связана с исследованиями языковой суггестии как средства оказания психологической помощи. Так, А. И. Кучинов, исследуя комплексную реабилитацию наркозависимых пациентов, описывает аудио-визуальное семантическое

влияние вербальных суггестивных средств: применение этого метода имеет выраженную терапевтическую эффективность (ремиссии более 1 года у 31 % пациентов) [14, с. 51–54].

Безусловно, суггестия может быть использована во вред одной из сторон коммуникации: сами по себе такие понятия как *манипуляция* и *зомбирование* чаще воспринимаются обществом как негативные явления. Именно поэтому важно всестороннее изучение механизмов суггестии: этот мощный тип влияния должен быть использован в перспективе лишь во благо человека.

Суггестия, как правило, бывает направлена на индивида или группу людей. В качестве инструментов трансляции могут использоваться традиции, реклама, средства массовой коммуникации и тому подобное [9, с. 171]. В современной лингвистике можно найти множество разных определений суггестии. Рассмотрим некоторые из них.

Н. Д. Субботина выделяет такие квалификационные признаки суггестии: «Суггестия – один из факторов самосохранения общества вообще, действующий на системном уровне» [19, с. 9]. Кроме того, исследовательница отдельно выделяет такой тип внушения как манипулирование – способ воздействия на личность с целью модификации ее представлений, вкусов, поведения в направлении, заданном манипулятором [19, с. 9]. В дальнейших исследованиях Н. Д. Субботина уточняет, что суггестия является стихийно возникшим способом инстинктивного подчинения индивида требованиям группы [20, с. 8].

Некоторые исследователи параллельно употребляют термины *суггестия* и *внушение*. Например, Н. М. Петрищенко констатирует: суггестия (внушение) – форма межличностного и межгруппового общения, при котором передача информации происходит посредством частично неосознаваемого, направленного сигнала на вербальном и / или невербальном уровнях [16, с. 54].

Е. В. Косилова определяет суггестию не как форму общения, а как особый механизм: суггестия (внушение) – это механизм общения, не

требующий членораздельной речи. Он основан на общении жестами, мимикой, нечленораздельными звуками и т.п. Значение каждого сигнала схватывается реципиентами непосредственно, интуитивно [13, с. 15]. Особенно интересно в этой дефиниции акцентирование роли невербальных компонентов текста.

По мнению Г. А. Гончарова, суггестия – это процесс привития психической сфере человека посторонней идеи (волевого решения в виде мыслей, эмоций, актов). Подвергнутое суггестивному воздействию лицо воспринимает поступающую в его мозг информацию без ее понимания, осмысления, анализа и соотнесения со своим личным опытом и состоянием. Само содержание суггестии носит навязчивый характер, представляя собой совокупность «суггестированных (внушенных) установок» [8, с. 37].

Какие же тексты являются оптимальными для реализации различных суггестивных целей? Ещё Р. Барт, сравнивая текст с полотном, отмечал, что текст создается «путем нескончаемого плетения множества нитей» [3, с. 515]. Эту многогранность демонстрируют креолизованные тексты, т.е. тексты, содержащие в себе неоднородные знаки. Использование в рамках одного текста вербальных и невербальных элементов значительно расширяет возможности автора. В отличие от гомогенных текстов, креолизованный текст может оказывать влияние на уровне нескольких каналов восприятия. Невербальные компоненты могут не только дополнять вербальные, но и замещать их (например, использование эмотиконов как эвфемизмов). Невербальным компонентам иногда свойственны уникальные функции, недоступные вербальным средствам (например, идентификационная функция) [10, с. 230].

Преимущества креолизованных текстов как потенциальных реализаторов суггестии осознаются специалистами, вовлеченными в процесс формирования общественного мнения (PR-менеджерами, журналистами, копирайтерами, редакторами разнообразных СМИ и проч.). Ценным материалом для лингвистического анализа представляются в нашем

ракурсе исследования креолизованные тексты разнообразных жанров: графические романы, комиксы, рекламные тексты, тексты, генерированные интернет-дискурсом и т. д.

В зависимости от характера текста функциональное значение отдельных паралингвистических средств может меняться, расти. В паралингвистически активных текстах эти средства участвуют в организации как плана выражения, так и плана содержания. Как носители определенной информации (семантической, экспрессивной) паралингвистические средства приобретают в тексте особое значение, формируют наряду с вербальными средствами его содержательный и прагматический аспекты. Они привлекают внимание адресата и предусматривают интерпретацию с его стороны. К паралингвистически активным относят креолизованные тексты, в которых вербально выраженная информация сочетается с невербально выраженной. В креолизованном тексте негомогенные компоненты образуют единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивают комплексное воздействие на адресата. К таким текстам принадлежит значительная часть публицистических, научно-технических текстов, тексты-инструкции, иллюстрированные художественные и рекламные тексты, афиши, комиксы, тексты наглядной агитации, тексты, создаваемые пользователями различных типов интерактивной среды (Интернет, компьютерные игры) и т.д. [11, с. 159–160].

Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов определяют анализируемый тип текстов таким образом: креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, а не к естественному языку) [18, с. 180]. Это определение считаем оптимальным, базовым для нашего исследования.

С суггестивной функцией можно отчасти отождествить аргументационную функцию, называемую А. В. Емельяненко в числе специфических, т. е. неуниверсальных функций: «Функция аргумента предусмат-

ривает использование паралингвистического компонента в качестве доказательства-иллюстрации, то есть как аргумента в поддержку мнения, идеи, заложенной в семантике вербальных компонентов. Эту функцию чрезвычайно часто используют в рекламных текстах (фотографии с изображениями определенных объектов *до* и *после* использования рекламируемой продукции и т. д.). Также аргументационную функцию могут выполнять фотографии в документальных произведениях и невербальные компоненты, используемые в юридическом дискурсе: фотографии с места события, которые прилагаются к тексту, генерируемому во время слушания в суде уголовного дела; жесты, применяемые при расследовании для инсценировки и т. п.» [10, с. 231–233].

Итак, вербальные и невербальные средства суггестии тесно взаимодействуют в пределах единого креолизованного текста: именно эта интеграция обеспечивает их высокий суггестивный потенциал. **Перспективы** исследования мы видим в дальнейшем анализе разнообразных средств суггестии в рамках единого текста, подробном изучении функциональной специфики креолизованных текстов и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян Р. В. Суггестивный характер современных англоязычных политических деловых медиатекстов: от образа к имиджу / Р. В. Агаджанян // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 2 (41). – С. 65–81.
2. Антонова А. В. Речевое манипулирование: природа и нравственная сторона / А. В. Антонова // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2011. – № 1. – С. 174–183.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Белова М. А. Стилистические приемы в рекламном тексте как средство воздействия на ценностные ориентации аудитории / М. А. Белова // *Ценности и смыслы*. – 2010. – № 1. – С. 110–117.

5. Бутыльская Л. В. Заговоры и реклама: сравнительный анализ / Л. В. Бутыльская // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. – 2010. – Вып. 2. – С. с. 91–96.
6. Бутыльская Л. В. Внушение как естественная предпосылка социальной регуляции поведения / Л. В. Бутыльская // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сборник статей 1-й международной научной конференции (г. Чита , 20-21 апреля 2010 г.) / Ред. Н. Д. Субботина, В. В. Куликов. – Чита, 2010. – С . 46–53.
7. Волосюк Т. П. Феномен лжи в социальном взаимодействии / Т. П. Волосюк // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2009. – Вып. 142. – С. 173–175.
8. Гончаров Г. А. Суггестия : теория и практика. – М. : КСП, 1995. – 320 с.
9. Григорян Т. В. Проблема формирования феномена гуманности в контексте форм отношений // Наука и современность. – 2014. – С. 171–175.
10. Ємельяненко Г. В. Універсальні та специфічні функції невербальних компонентів креолізованого тексту / Г. В. Ємельяненко // Мир языковых форм : сборник научных статей. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – СПб : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 229–233.
11. Загнітко А. П. Лінгвістика тексту / А.П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 289 с.
12. Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст / Н. И. Коновалова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2004. – Вып. 7. – С. 67–75.
13. Косилова Е. В. От суггестии к сознанию // Вопросы филологии. – 2012. – № 3. – С. 15–26.
14. Кучинов А. И. Комплексная реабилитация пациентов с наркозависимостями с использованием неосознаваемого аудио-визуального семан-

- тического воздействия / А. И. Кучинов // Вестник новых медицинских технологий. – 2011. – № 1. – С. 51–54.
- 15.Одинцова М. А. Психология жертвы. Сказкотерапия для взрослых / М. А. Одинцова. – Самара : ИД «Бахрах-М», 2010. – 240 с.
- 16.Петрищенко Н. М. Особенности использования суггестивной техники в современной рекламе [Текст] / Н. М. Петрищенко // Экономика и управление в XXI веке : тенденции развития. – 2014. – № 19. – С. 53–57.
- 17.Прісовська Г. Є. Дієслівні колоративи у творчості Олександра Олеся / Г. Є. Прісовська // Україністика 5: Университет Палацкого в Оломоуце. – Оломоуц. – 2012. – С. 54- 58.
- 18.Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180-186.
- 19.Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе / Н. Д. Субботина. – М. : КомКнига. – 2007. – 208 с.
- 20.Субботина Н. Д. Социально-философский анализ контрсуггестии / Н. Д. Субботина // Гуманитарный вектор. Серия : Педагогика, психология. – 2008. – № 4. – С. 8–19.

А. В. Ковывчак

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. А. В. Емельяненко)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В период все большего погружения индивида в процесс социализации среди людей различных профессий, социальных статусов и возрастов все более востребованными становятся креолизованные тексты. Данный термин был представлен в 1990 году Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Исследователи определяли как креолизованные тексты

средства наглядной пропаганды, т. е. агитационные плакаты, тексты радиовещания, телевидения, кинотексты, рекламные тексты, т. е. все средства общественного влияния, призванные обеспечить максимальное воздействие на аудиторию.

Впервые же соединение двух компонентов креолизованного текста – вербального и невербального – произошло задолго до развития книгопечатания. Рукописные книги Изборник Святослава, а также Остромирово Евангелие еще в XI веке вмещали иллюстрации.

Несмотря на вышеупомянутый факт, лингвисты занялись углубленным исследованием креолизованного текста лишь с 1970-х годов. В данный период времени возникают первые научные труды посвященные выразительным возможностям паралингвистических средств языка и их роли в создании целостного произведения.

Синтез вербальных и изобразительно-графических знаковых систем в работах исследователей данного явления обозначен различными терминами: изоверб (А. В. Михеева), изовербальный комплекс (А. А. Бернацкая), лингвовизуальный комплекс (Л. М. Большаянова) и др.

В. В. Иванов одним из первых дал определение креолизации. Исследователь воспринимал ее как взаимодействие оптических систем (изобразительного искусства, языка жестов и мнемотехнических средств) и звукового языка. Эта формулировка имеет некоторые сходства с определением Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова: креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [9, с. 108].

Е. Е. Анисимова выделяет три основные группы креолизованных текстов (в зависимости от связи изображения с вербальным текстом):

- 1) тексты с нулевой креолизацией (изображение не представлено);
- 2) тексты с частичной креолизацией (вербальная часть независима от изображения);

3) тексты с полной креолизацией.

Также учеными предпринимались попытки выявить роль невербальных средств в смысловом восприятии текста. Наличие негомогенных частей в структуре креолизованного текста рассматривается исследователями как один из способов создания коммуникативного напряжения в текстовом пространстве и в пространстве воспринимающего этот текст.

В 1996 году О. Л. Каменская подтверждает важность креолизованных текстов: они, по мнению лингвиста, знаменуют собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации и отвечают первостепенным потребностям современного общества. В настоящее время паралингвистические средства, их содержательный и прагматический потенциал интенсивно исследуются в русле параграфематики, а также паралингвистики и психолингвистики.

В начале XXI века А. А. Бернацкая в работе «К проблеме "креолизации" текста: история и современное состояние» (2003) отмечает, что первоначальное письмо, или предписьмо, было генетически связано с изобразительным искусством. Однако Ю. Я. Герчук указывает на то, что первобытное искусство не было живописью в современном понимании этого слова, оно было изобразительной речью. Автор отмечает, что антагонизм слова и изображения возникает лишь на стадии формирования феномена чистой эстетичности [4, с. 123], во время специализации предписьмо сближается с языком, иероглиф существует параллельно звуковой оболочке слова.

Кроме того, А. А. Бернацкая в своей работе представляет краткий обзор развития связи языка и изобразительного искусства и одновременно проводит разграничение между терминами поликодовый и семиотически осложненный текст.

В своих исследованиях, направленных на изучение креолизованных текстов, ученые предлагают рассматривать их при помощи различных функций, которые раскрывают содержание и предмет иллюстраций

рекламы, дают характеристику его пользователям, отмечают значимые детали, связанные с предметом или пользователем. Е. Е. Анисимова указывает, что существуют основные (аттрактивная, информативная, экспрессивная и эстетическая) и частные (символическая, иллюстративная, аргументирующая, эвфемистическая, характерологическая и сатирическая) функции изображений. Также, по ее словам, основная задача автора креолизованного текста заключается в обеспечении наиболее благоприятных условий для понимания текста читателем. Поэтому, учитывая характер и назначение текста, автор может варьировать свое обращение к тем или иным средствам выражения (изменения цвета, размера, рисунка или насыщенности знаков, включение полужирного начертания).

В 2005 году А. Н. Назайкин создает свой перечень функций. Исследователь считает привлечение внимания потенциальных покупателей ключевой функцией креолизованных текстов. Второстепенными же являются: интерпретирующая, представляющая, трансформирующая, организующая и декоративная функции.

Г. Г. Почепцов доказывает, что общество воспринимает информацию, содержащуюся в текстовом сообщении, лишь на 7 %, аудиальные характеристики способствуют усвоению 38 % информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55 %. Доктор филологических наук В. М. Березин подтверждает данные изыскания в работе «Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия». Он отмечает, что иллюстрирование сегодня все чаще становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок [2, с. 162].

В аспекте художественного оформления книги традиционно изучаются паралингвистические средства письменной коммуникации. Они рассматриваются в связи с конструированием книги, обеспечением необходимых технических и эстетических характеристик издания.

Мы солидарны с М. Б. Ворошиловой в том, что в центре внимания современных ученых, занимающихся изучением креолизованного текста, находится соотношение вербальных и иконических средств.

По мнению Ю. Я. Герчука, иконические и вербальные средства объединяются в человеческом сознании, благодаря чему креолизованный текст одновременно формирует своеобразно обособленный образ, т. е. не чисто словесный, но и не зрительный. В. А. Виноградов полагает, что система (код) языка ориентируется на символичность, а текст – на иконичность [8, с. 119].

Явление креолизованного текста еще недостаточно исследовано, как и роль паралингвистических средств в тексте, которая не является однозначной. В некоторых случаях данная роль не охватывает план содержания, а лишь затрагивает его внешнее оформление. В других случаях, они участвуют в формировании как плана выражения, так и плана содержания.

Являясь носителями определенной информации, креолизованные тексты привлекают внимание адресата, а полное извлечение информации из этих текстов становится невозможным без их полной расшифровки и интерпретации изображения, связанного с текстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. Вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Academia, 2003. – 128 с.
2. Березин В. М. Массовая коммуникация : сущность, каналы, действия / В. М. Березин. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
3. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение : Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
4. Герчук Ю. Я. Художественная структура книги / Ю. Я. Герчук. – М. : Книга, 1984. – 208 с.

5. Иванов В. В. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации / В. В. Иванов // Докл. на конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. – М., 1961. – Вып. 7. – № 3. – 10 с.
6. Назайкин А. Н. Иллюстрирование рекламы / А. Н. Назайкин. – М. : Эксмо, 2005. – 286 с.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 656 с.
8. Сигал К. Я. Проблемы иконичности в языке (обзор литературы) / К. Я. Сигал // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 100–120.
9. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180–187.

А. В. Кособродова

(научн. рук. – доктор филол. наук, доц. М. В. Балко)

**КРОССВОРД В СИСТЕМЕ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при
Главе Донецкой Народной Республики»*

Современное высшее образование характеризуется антропоцентризмом и ориентацией на компетентностный подход к обучению. Важным является развитие личностных творческих качеств учащихся, их индивидуальности, стимулирование студентов к самостоятельному решению жизненных задач, в том числе касающихся их будущей профессиональной деятельности.

По мнению ряда исследователей (ср. работы А. Н. Леонтьева [1], П. И. Пидкасистого [3] и др.), для совершенствования и активизации

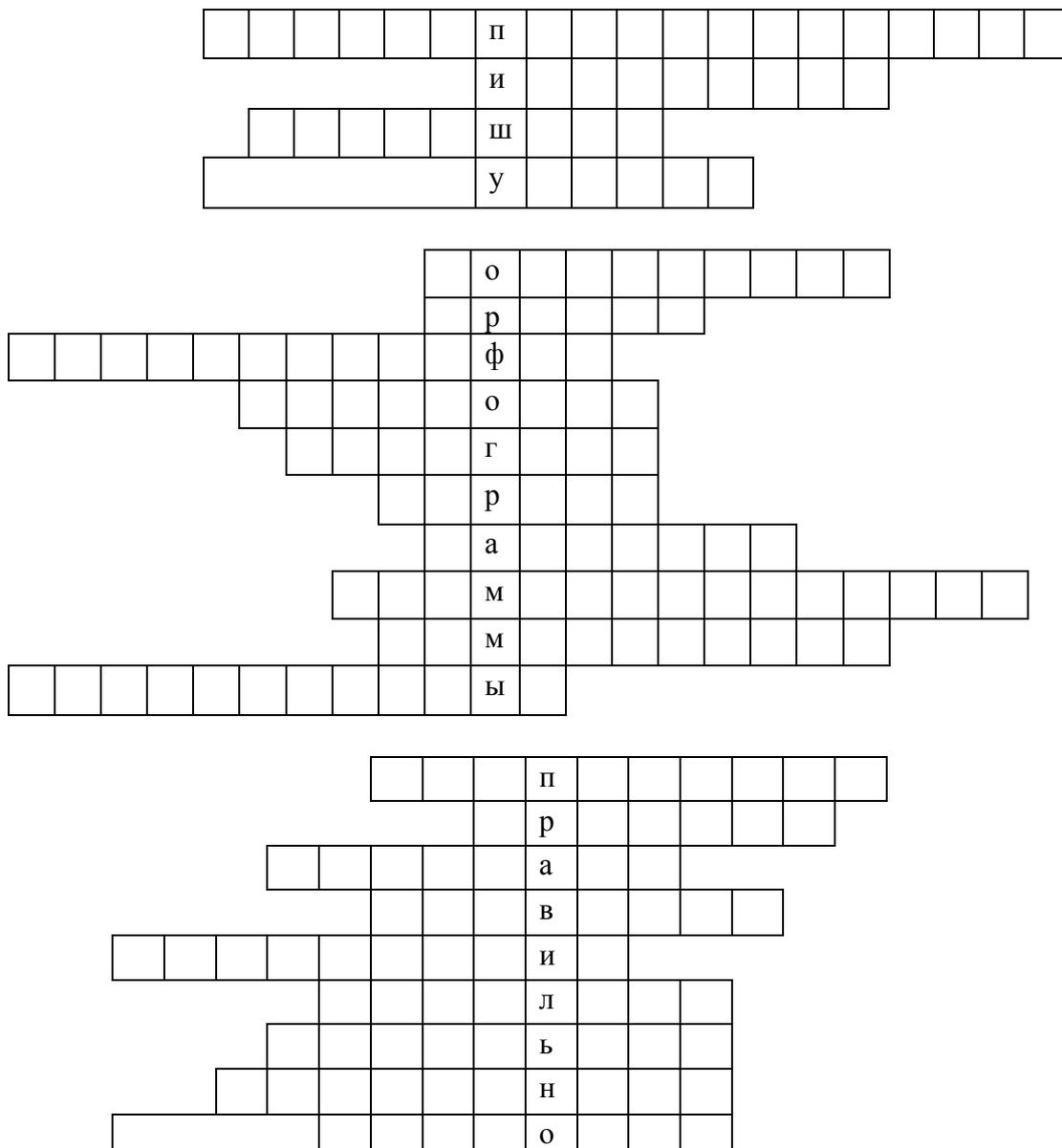
обучения в высшей школе большое значение имеет формирование у студентов познавательных умений и навыков. Одним из значимых компонентов стратегии перестройки профессионального образования стало широкое внедрение в учебный процесс активных форм обучения [2, с. 122], побуждающих обучающихся к самостоятельной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения программным материалом.

Особое место в технологии активного обучения занимают игровые методы. Кроссворд представляет собой одну из наиболее популярных форм игровой деятельности, сущность которой заключается в разгадывании слов по заданным параметрам (чаще всего – по приведенным определениям). Ответ вписывается в сетку кроссворда, в результате чего, благодаря пересечению с другими ответами, упрощается процесс отгадывания оставшихся зашифрованных слов.

Кроссворды, по сравнению с традиционными методами обучения, имеют ряд преимуществ, поскольку: а) интенсифицируют усвоение материала; б) актуализируют знания, полученные ранее; в) обеспечивают запоминание отдельных терминологических единиц; г) детализируют конкретный раздел темы, повышая наглядность представленных дидактических материалов; д) разнообразят процесс контроля и самоконтроля знаний и умений; е) вносят в учебный процесс элемент состязания, что стимулирует повышенный интерес студентов к быстрому и качественному выполнению задания; ж) позволяют организовать дискуссию, посвященную обсуждению ответов. Кроме того, благодаря кроссвордной сетке решение получает многовариантную схему подсказок, которые ускоряют и облегчают поиск ответов.

В современной педагогике успешно используются предметно-тематические кроссворды, слова в которых ограничены определенной тематикой; итоговые, используемые для контроля усвоения учебной дисциплины; кроссворды-летучки, в которых все слова пересекают ключевое слово, и др.

Итоговый кроссворд как вид контроля имеет большое значение для стимулирования у студентов повышенного интереса к обучению: если во время обычной контрольной работы учащиеся находятся в напряженном состоянии, то кроссворд ассоциируется у них с игрой. В такую головоломку могут быть включены вопросы из нескольких или даже из всех изученных тем. Приведем пример итогового кроссворда по орфографии, который может быть предложен студентам нефилологических специальностей.

1. Тот, кто производит товары. 2. Ум, рассудок, мыслительная способность у человека. 3. Отличающийся чрезмерностью в отделке,

убранстве и т. п. или высокой ценностью материала. 4. Человек как носитель каких-нибудь свойств. 5. Обожествление, почитание, благоговение. 6. Комплекс сооружений и устройств, предназначенных для подхода, швартовки, стоянки, обработки и обслуживания судов. 7. Описание своей жизни. 8. Ненамеренно, неумышленно, нечаянно, случайно. 9. Холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с соусом или маслом. 10. Забавный, смешной, любопытный случай. 11. Размахнувшись, с силой отводя руку от себя. 12. Отказ от вторжения во внутренние дела другого государства. 13. Человек, занимающийся по заказу потребителя изготовлением изделий кустарным способом у себя на дому собственными орудиями производства. 14. Прирожденный, природный, не искусственный. 15. Обладающий терпением, исполненный терпения. 16. Ход, развитие какого-нибудь явления; последовательная закономерная смена состояний в развитии чего-либо. 17. Противозаконное использование материальных или денежных средств лицом, которому они предоставлены в распоряжение, не по назначению, а в личных целях, приводящее к потере этих средств для первичного владельца. 18. Сложившийся способ поведения, осуществление которого в определённой ситуации приобретает для индивида характер потребности. 19. Членение, дробление. 20. Столкновение между спорящими несогласными сторонами. 21. Следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог. 22. Прилагательное, по значению связанное с деятельностью ума, сознания. 23. Система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, политическую партию, общество.

Итак, инновационные игровые методы вообще и кроссворды в частности способствуют повышению познавательной активности и инициативности учащихся, дополнительно мотивируют их к обучению. Игровая форма проведения занятий разнообразит освоение любой темы, так как именно в игре студенты активно мыслят, чувствуют и творят свободно [4, с. 31]. Игра приучает обобщать, развивает память обучающихся. В связи с

этим в настоящее время игру стоит рассматриваются как один из существенных резервов повышения качества учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во «Директ-Медиа», 2008. – 916 с.
2. Любовникова Р. Б. Способы активизации деятельности на уроках русского языка и литературы / Р. Б. Любовникова // Интеграция науки и практики в современных условиях : материалы III международ. науч.-практ. конф. (г. Таганрог, 28 февраля 2015 г.). – М. : Изд-во «Перо». – С. 122–125.
3. Пидкасистый П. И. Технология игры в обучении и развитии : учебное пособие / П. И. Пидкасистый, Ж. С. Хайдаров. – М. : МПУ, Рос. пед. Агентство, 1996. – 269 с.
4. Эскендарова М. А. Использование игровых методов обучения / М. А. Эскендарова, Л. Б. Атлуханова, А. А. Эскендаров // Вестник Социально-педагогического института. – 2011. – Вып. 1 (2). – С. 29–32.

Л. В. Коюда

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СТРУКТУРЕ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (на материале сайта www.zagolovki.ru)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Современный человек живет в период быстрого и широкого распространения информации. Как свидетельствуют психологи, современный читатель в первую очередь (в 90 случаях из 100) обращает внимание на заголовки и подзаголовки текстов печатных и интернет-изданий. Это объясняется тем, что структура заголовка сама по себе отличается лаконичностью, в заголовке обобщается всё то, о чём идёт

речь в основном тексте. Другими словами, заголовок представляет собой квинтэссенцию текста. В связи с этим главная функция заголовков современных средств массовой информации и коммуникации заключается в том, чтобы обратить внимание читателя, заинтересовать его и вызвать желание читать дальше. Отсюда вытекают два основных признака заголовков и одновременно два основных требования, предъявляемых к заголовкам современных средств массовой информации и коммуникации, — оригинальность и выразительность. Как средства массовой информации (СМИ), так и средства массовой коммуникации (СМК) требуют все больше экспрессивных, ярких заголовков, обращающих на себя внимание. При этом весьма действенным средством создания таких заголовков является использование языковой игры, т. е. наиболее эффективными и наиболее востребованными оказываются заголовки, созданные с использованием разных форм языковой игры. В современную эпоху информационного бума становится важной не только проблема того, **о чём** писать (говорить), но и того, **как** это делать, чтобы привлечь внимание читателей (зрителей). Одним из наиболее действенных средств реализации этой задачи становится языковая игра, которая имеет разные уровни и формы существования.

Объектом исследования предлагаемой работы являются заголовки русскоязычных печатных СМИ и представленных в Интернете СМК, в которых нашли отражение разные формы языковой игры.

В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические особенности и функциональная нагрузка заголовков названного типа, а также особенности использования в них разных приемов и форм языковой игры.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить и проанализировать основные формы и функциональные особенности использования языковой игры в заголовках современных русскоязычных СМИ и СМК.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки заголовков, представленных в рубрике «Лучшие заголовки» на сайте www.zagolovki.ru за период сентябрь–ноябрь 2016 г. В названной рубрике размещены заголовки статей таких печатных изданий (либо их параллельных электронных вариантов), как «Московский комсомолец», «Коммерсантъ», «Коммерсантъ деньги», «Коммерсантъ власть», «Время новостей», «Российская газета», «Газета», «Итоги», «Известия», «Новые известия», «Независимая газета», «Огонек», «Ведомости», «РБК», «Московская правда», «Профиль», «Газета», «Независимое военное обозрение», «Спорт Экспресс», «Русский Newsweek», «Ъ-Weekend», «Daily», «The New Times».

Авторская картотека, на которой базируются наблюдения и выводы предлагаемой статьи, охватывает 132 заголовка, созданных с использованием разных форм языковой игры.

По определению Г. Я. Солганик, «заголовок — это единица текста, несущая на себе особую функциональную нагрузку: кроме своей задачи — быть единицей речевого общения, заголовок должен быть для текста своеобразным условным обозначением, “именем”, которое отличило бы сразу один текст от другого и дало бы возможность читателям не только сравнительно быстро ориентироваться среди миллионов произведений, но и выражало бы по возможности отношение автора к тому, что он пишет» [12, с. 40].

Заголовок, который, как уже отмечалось, занимает сильную позицию в тексте, является своего рода посредником между озаглавливаемым текстом и читателем. Заголовок — этот тот композиционный элемент текста, который призван привлекать читательское внимание к этому тексту. Как указывает Н. А. Васильева, «сеть ассоциаций, формируемая заголовком, — это вся информация, заложенная в него автором в рамках филолого-исторической традиции и отраженная в восприятии читателя в соответствии с имеющимся у него собственным культурным опытом» [2, с. 2].

Следовательно, заголовок как особый композиционный элемент текста определенным образом выделен графически: он противопостав-

ляется основному корпусу текста. В связи с этим читатель воспринимает и интерпретирует заголовок как наиболее заметную часть текста. Н. А. Васильева, ссылаясь на З. Я. Тураеву, отмечает, что в лингвистическом аспекте заголовок — это первичное средство номинации, а в семиотическом плане — первый знак текста. Заголовок «устанавливает связь с другими текстами и программирует сеть ассоциаций у читателя. Наконец, заголовок дает ориентир для выработки стратегии восприятия текста и, тем самым, оказывает влияние на возникновение и усиление читательского интереса либо, напротив, гасит этот интерес» [2, с. 2].

Таким образом, интерес исследователей к проблематике заголовка в целом и к вопросам специфики заголовков СМИ и СМК в частности в первую очередь обусловлен особенностями положения заголовка в тексте, его семантической насыщенностью и полифункциональностью.

Термин *языковая игра*, как известно, принадлежит австрийскому философу Людвигу Витгенштейну и был введён им в научный оборот в работе «Философские исследования» (1953). Концепция языковой игры Л. Витгенштейна стала философской основой для исследования этого явления в лингвистике. В современной лингвистике языковая игра как система и отдельные параметры её функционирования изучаются с разных точек зрения и на разном языковом материале (Т. А. Гридина, Е. А. Земская, В. З. Санников и др.).

Например, Н. Д. Арутюнова рассматривает языковую игру как «отклонение от нормы», трактуя это явление универсально, как «единый цикл взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека: перцепции, коммуникации, семантике, литературе» [1, с. 80].

Т. А. Гридина определяет языковую игру как «вид речемыслительной деятельности, использующий лингвистический инстинкт, лингвистическое чутье говорящих и требующий от них решения эвристических задач» [4, с. 192]. Языковая игра, по мнению Т.А. Гридиной, «всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс

между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной “обработкой” того или иного вида языкового знания» [4, с. 26].

Под языковой игрой, следом за О. П. Симутовой, понимаем «форму речевого поведения человека, способ выражения личности средствами языка, в котором проявляется её индивидуальный стиль и в котором языковая личность реализует свои лингвокреативные способности» [11, с. 8]. Также разделяем позицию тех лингвистов, которые трактуют языковую игру как осознанное нарушение норм.

По словам С. В. Ильясовой, в языке современных российских СМИ языковая игра выполняет стилеобразующую функцию, что «позволяет говорить о том, что ЯИ стала нормой для этого функционального стиля» [6, с. 91].

Анализ фактического материала дает возможность выделить основные типы заголовков русскоязычных СМИ и СМК, созданных с использованием разных форм языковой игры.

Прежде всего в структурном плане при создании анализируемых заголовков авторы прибегают к таким основным формальным трансформациям, которые в свою очередь приводят к семантическим наращениям:

1. Замена одного или нескольких компонентов прецедентного текста (фразеологизм, пословица, поговорка, название известного фильма, название известной книги и под.). Например: «Держи смартфон шире» Банки назвали средний чек пользователей Apple Pay и Samsung Pay в России (30 ноября 2016, РБК); «Нет дыма без никотина» Ограничения на курение, торговлю табачными изделиями могут применить к электронным сигаретам и вейпам (30 ноября 2016, РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА); «Тарифы дальнего следования» ФАС расписала ОАО РЖД индексацию до 2019 года (30 ноября 2016, КОММЕРСАНТЪ); «С Дональдом Трампом сводят штаты» Противники избранного президента США хотят лишить его победы (29 ноября 2016, КОММЕРСАНТЪ); “Диктатура «Правого сектора»” Чтобы сорвать опасные для некоторых людей показания, нужен

был форс-мажор (26 ноября 2016, МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ);
 «Гипотеза заговора» Кто доводил Россию до Майдана? (23 ноября 2016,
МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ);

«Не было печали — капремонт начали» Жильцы старых домов, где началась реконструкция по федеральной программе, кричат «SOS» (23 ноября 2016, МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ); «В семье не без министра» «Осведомители были нужны»: о прошлом Улюкаева рассказали однокурсники и родня (18 ноября 2016, МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ); «Пролетая над гнездом горлицы» Кто такие украинские трудовые мигранты и как с ними бороться на их родине (17 ноября 2016, НОВАЯ ГАЗЕТА); «Бюджет и дети» Валентина Матвиенко предложила объявить "Десятилетие детства" (16 ноября 2016, РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА) и др.

2. Расширение структуры прецедентного текста за счёт добавления новых компонентов. Например: «Американская рука китайскую руку моет» Иностранные банки в Поднебесной ублажают начальников госкомпаний (24 ноября 2016, НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА).

3. Сочетание замены одного из компонентов прецедентного текста с расширением его структуры за счёт добавления новых компонентов. Например: «Трамп как зеркало постиндустриальной контрреволюции» "Золотой миллиард", бедные регионы и перемены в мироустройстве (21 ноября 2016, НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА); «Турецких томатов три года ждут» Минсельхоз предложил отложить возвращение попавших под эмбарго помидоров (21 ноября 2016, РБК); «По всей строгости особого порядка» Бывший президент ВБРР получил срок после погашения ущерба (19 ноября 2016, КОММЕРСАНТЪ); «Порошенко пошел на «ты»» «Пришлось предпринять ряд манипуляций. Согласование разговора заняло у нас больше суток...» (19 ноября 2016, МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ); «Кому на российской земле пахать хорошо, или как китайцы используют наши территории» Китайцы используют наши территории (10 октября 2016, МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ) и др.

Осуществить более детальную классификацию собранных заголовков – следующий шаг в логике нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
2. Васильева Т. В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте (на материале современного американского рассказа) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Васильева. – М., 2005. – 24 с.
3. Воронин Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) / Р. А. Воронин // Научный альманах «Филологические науки». – 2015. – № 7 (9). – С. 1352–1361.
4. Гридина Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. ГПИ – 1996. – 215 с.
5. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта, 2009. – 296 с.
6. Ильясова С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) / С. В. Ильясова // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 91–100.
7. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Лютая. — Волгоград, 2008. – 20 с.
8. Перепелица М. С. Графические и лексические трансформации газетно-журнальных заголовков / М. С. Перепелица // Научно-методический журнал. – Харьков : ХНПУ, 2012. – № 3 (47). – С. 38–41.
9. Попова Т. В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX-XXI вв.) / Т. В. Попова // Лингвистика креатива-2 : Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012 – С. 199–233.

10. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
11. Симутова О. П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. П. Симутова. – Уфа, 2008. – 16 с.
12. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – Изд-е 3-е. – М. : КомКнига, 2006. – 228 с.
13. Соломина Н. В. Языковая игра в современных текстах СМИ / Н. В. Соломина // Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции «Омские социально-гуманитарные чтения-2010» (Омск, 18–19 марта 2010 г.). – Омск : Омский государственный технический университет, 2010. – С. 163–168.
14. Ярошенко Н. А. Языковая игра в заголовках / Н. А. Ярошенко // *Studia methodologica*. – Вип. 26. – Тернопіль : Редакційно-видавничий відділ ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2009. – С. 99–102.

Е. А. Кривцун

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА

(на материале русскоязычных чатов и форумов)

Республиканский многопрофильный лицей-интернат

при Донецком национальном университете

Актуальность работы обусловлена прежде всего тем, что постоянно наблюдается быстрый рост количества участников Интернет-коммуникации и происходит всё возрастающее влияние устной речи на язык виртуального общения. В последнее время исследователи всё чаще говорят о том, что на основе тесного взаимодействия устной и письменной форм существования языка в виртуальной коммуникации при доминировании устного влияния формируется новая гибридная форма существования

языка, которая объединяет в себе черты как устной, так и письменной речи. Дискуссионным остается вопрос о так называемой «порче языка» в Интернете (см. [1; 2; 3; 4; 5; 9; 14 и др.]).

Цель предлагаемой статьи заключается в выяснении особенностей реализации языковой нормы в так называемом письменной устной речи русскоязычных чатов и форумов.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

1) путём критического анализа специальной научной литературы сформулировать рабочие определения таких терминов, как *языковая норма, нормализация, кодификация, коммуникативные качества речи, речевая и коммуникативная компетентность, ошибка, коммуникация, виртуальный дискурс, язык Интернета* и т. д.;

2) на основании разнообразных источников путем сплошной выборки соответствующих контекстов сформировать фактическую базу исследования;

3) выявить основные особенности реализации языковой нормы в так называемом письменном устном вещании русскоязычных форумов и чатов;

4) классифицировать типы отклонений от нормы в выявленных контекстах в соответствии с такими основными разновидностями, как ошибка и стилистический прием, а также по соответствующим подрубрикам.

Объектом исследования является письменное устное вещание русскоязычных чатов и форумов, в то время как **предмет исследования** составляют особенности реализации языковой нормы в языке Интернета.

Материал исследования подбирался методом сплошной выборки контекстов, содержащих в своем составе разного типа ошибки из русскоязычных чатов и форумов. В процессе исследования было проанализировано 30 чатов и форумов различной тематической направленности.

Авторская картотека включает 136 единиц указанного типа.

Следует отметить, что явление нормативности свойственно языку в целом, поскольку норма в языке является тем образцом, без ориентации

на который был бы невозможен сам процесс общения, обмена информацией. При этом нормы существуют на всех уровнях языка и во всех функциональных стилях литературного языка и типах речи. Коммуникативные же качества речи можно определить как те требования, которые предъявляет к речи языковой коллектив, пользующийся этим языком во всех сферах своей деятельности. Существуют такие типы ошибок, какие существуют типы норм. Использование же термина *речевая ошибка* является нецелесообразным (см. [15]).

При описании коммуникации необходимо учитывать все многообразие ее составляющих: участников, цели, сферу, способ и среду.

Как известно, среди исследователей нет единообразия в выборе общего терминологического обозначения для «описании коммуникативных действий человека в Сети» [4, с. 22]. Л. Ю. Щипицина в монографии «Компьютерно-опосредованная коммуникация» приводит такой перечень терминов, которыми оперируют исследователи:

1. С базовым словом *коммуникация*: *электронная коммуникация, интернет-коммуникация, компьютерно-опосредованная коммуникация, виртуальная коммуникация, компьютерная коммуникация, сетевая коммуникация.*

2. С базовым словом *дискурс*: *компьютерный дискурс, сетевой дискурс, виртуальный дискурс, интернет-дискурс, электронный дискурс, компьютерно-медийный дискурс* [14, с. 32].

Е. И. Горошко, ссылаясь на Е. А. Землякову, справедливо отмечает, что понятия «электронная», «компьютерная» и «интернет-коммуникация» связаны между собой гиперо-гипонимическими отношениями» [4, с. 25–26].

Л. Ю. Щипицина, базируясь на существующих определениях коммуникации в целом, а также на определениях компьютерно-опосредованной коммуникации, отмечает, что интернет-коммуникация «представляет собой один из исторических этапов в развитии коммуникационных средств и существует наряду с непосредственным (устным) общением, общением,

опосредованным бумажными носителями (рукописным и печатным, включающим непериодические издания (книга) и периодические (газеты, журналы)), а также общением, опосредованным электронными приборами (факс, радио, телевидение)» [14, с. 41].

Исследователи, характеризуя виртуальную коммуникацию как новый вид общения, указывают на такие её основные особенности: неограниченное количество участников, выступающих здесь как представители определённого обобщенного типа личности, особые цели общения (информационный обмен, поддержание эмоционального контакта, самовыражение), комбинация личностно-ориентированного общения и фрагментов различных типов институционального дискурса, игровой характер взаимодействия и жанровое своеобразие (см., например, [1; 4; 13; 14 и др.]).

Форум и чат – это разновидности виртуальной коммуникации, стоящие в одном ряду с электронной почтой, ICQ, блогами. Форум и чат можно определить как электронные комплексные жанры, которым свойственна письменная форма существования, а также неофициальный и публичный характер осуществления коммуникации. Пользователи Интернета выходят на форумы и в чаты именно с целью общения ради общения. В этом отношении чат представляет собой трансформацию светской беседы как яркого примера фатического жанра. В жанре мгновенных сообщений и чата совмещаются признаки устной и письменной речи (см. [7; 8; 10; 12 и др.]).

Тематический материал проанализированных нами 30 форумов и чатов достаточно разнообразен. Вот некоторые темы, обсуждаемые на данных форумах и в чатах: политика, спорт, компьютерные технологии, мультимедиа, искусство, юмор, хобби, наука, здоровье, кулинария, животные, мода и многое другое.

Рассмотренный материал включает 136 ошибок разного типа (см. таблицу 1).

**Типология ошибок в интернет-коммуникации
(на материале русскоязычных чатов и форумов)**

N п/п	Тип ошибки	Количество примеров	%
1.	1. Орфографические и пунктуационные	45	33,09 %
2.	2. Лексические	25	18,38 %
3.	3. Грамматические	56	41,18 %
4.	4. Стилистические	10	7,35 %
	Всего:	136	100 %

1. Как видно из таблицы 1, наиболее многочисленными в нашем материале оказались грамматические ошибки (56 ошибок, или 41,18 %). Например:

(1) *Ты хочешь, что бы я за тобой скучала?* Допущенная ошибка – результат интерференции, т. е. смешения норм двух языков, чаще всего близкородственных. В данном случае заметно влияние украинского языка на русский. Нарушение требований правильности и точности. Правильно по-русски: *скучать по кому-то*.

(2) *отвечаю Роману: фильм не в 3Д, жаль, битва была бы ещё более эффектнее.*

Подобная ошибка связана с ненормативным образованием формы слова — в образовании форм степени сравнения прилагательного. Правильно: *битва была бы эффектнее* или *битва была бы более эффектна*. Нарушено требование правильности как результат морфологической ошибки.

(3) *Я очень сожалею за случившееся.*

Неправильный выбор падежной формы. Правильно – *сожалеть о чём-либо (сожалею о случившемся)*. Нарушено требование правильности в результате грамматической ошибки.

2. Второе место по частотности в нашей выборке занимают орфографические и пунктуационные ошибки (45 ошибок, или 33,09 %). Например:

(4) *На 100% поддерживаю предыдущего автора. **Толи** настроение было хорошее, **толи** после **крававого** месива от Охлобыстина, но фильм даже понравился.* Правильно: *то ли* и *кровавого*. Неправильное написание частиц и гласных в корне слова. Нарушено требование правильности речи.

(5) *Saharo4ek: Поделитесь **впечатлениями!*** Правильно: *впечатлениями*. На письме отражена редукция гласного звука в безударной позиции. Нарушено требование правильности речи.

(6) *dedbabaj: Не смотря на то, что в реальной ситуации у них, скорее всего, не будет такого свободного подъезда к **зданию**.* Ошибка в разграничении написании приставки и начальной буквы корня. Правильно: *здание*. Нарушено требование правильности речи.

(7) *Бондарчук, **как режиссер**, знает, что он делает.* Нарушено требование правильности речи. Правильно: *Бондарчук как режиссер знает, что он делает*. Автор ошибочно выделяет запятыми конструкцию *как режиссер*, принимая её за сравнительный оборот. Однако в этом предложении нет сравнения. Конструкцию *как режиссер* можно в этом контексте трансформировать в конструкцию *в качестве режиссера*. Допущена пунктуационная ошибка, которая нарушает требование правильности речи.

(8) ***Между тем, этот** фильм понравился многим участникам нашего форума.* Правильно: *Между тем этот фильм понравился многим участникам нашего форума*. Автор ошибочно ставит запятую после сочетания слов *между тем*. Однако сочетание *между тем*, как известно, принадлежит к числу тех слов и сочетаний слов, которые не являются вводными и, следовательно, не выделяются запятыми. Допущена пунктуационная ошибка, которая нарушает требование правильности речи.

(9) *Друзья привет! Как ваши дела?* Правильно: *Друзья, привет! Как ваши дела?* Автор не поставил запятую после слова *друзья*, которое здесь используется в функции обращения, т.е. слова, называющего адресата речи. Допущена пунктуационная ошибка, которая нарушает требование правильности речи.

3. На третьем месте по критерию частотности в нашем материале – лексические ошибки (25 ошибок, или 18,38 %). Например:

(10) *Нетерпимый* холод мучил нас всю дорогу. Правильно: *нестерпимый*. Допущена лексическая ошибка вследствие смешения паронимов, что привело к нарушению требования точности.

(11) *Ты должен во всем показывать образец своим подчиненным*.

Показывать можно *пример*, но не *образец*. А образцом можно быть, например, для подражания. Лексико-семантическая несочетаемость слов, которая приводит к лексической ошибке и к нарушению требования точности.

4. Наименее представленным оказался тип стилистических ошибок (10 ошибок, 7,35 %). Например:

(12) *Единственный минус – цены в стритфуде не шибко демократичные*.

(13) *Вот ты интересный человек (скорее **школота** недалекая), если для тебя FORD Mustang GT – это запор, то и твоя приора так же ведро*.

Отметим, что одной из особенностей интернет-коммуникации является широкое использование её участниками разных форм языковой игры как одного из средств создания так называемого виртуального имиджа. В настоящей же работе для анализа привлекались только те контексты, в которых отклонение от языковых и стилистических норм явно является неосознанным и свидетельствует о низком уровне языковой, речевой, а зачастую и этикетной компетентности говорящего.

Проведённое исследование подтверждает мысль М. Кронгауза о том, что сам по себе Интернет злом не является, здесь, как и в любом другом

случае, все зависит от личности. Человек сам использует Интернет себе во зло или во благо. В виртуальном общении не больше неграмотных людей, чем в общении реальном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : Дис. ... канд. филол. наук / Нина Геннадиевна Асмус. – Челябинск, 2005. – 265 с.
2. Гловинская М. Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка / М. Я. Гловинская // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2007 г.). – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 180.
3. Дедова О. В. Антиорфография в Руненте / О. В. Дедова // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2007 г.). – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 342–343.
4. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. – 328 с.
5. Князев С. В. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2007 г.). – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 346–347.
6. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 440 с.
7. Краснова И. В. Нормативно-этический аспект чат-коммуникации / И. В. Краснова, А. Г. Антипов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 2 (19). – С. 103–108.

8. Литневская И. Е. Психологические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра / И. Е. Литневская, А. П. Бакланова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2005. – № 6. – С. 46–61.
9. Литневская И. Е. Об Интернете и так называемой «порче языка» / И. Е. Литневская // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 20–23 марта 2007 г. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 393–394.
10. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Овчарова. – Краснодар, 2008. – 26 с.
11. Осина А. В. Среднелитературная речевая культура: ее роль и место в современной русской речи : Автореф. ... канд. филол. наук / А. В. Осина. – Саратов, 2001. – 20 с.
12. Селютин А. А. Форум как жанр виртуального общения [Электронный ресурс] / А. Селютин. – Режим доступа : [http : // www.intell-service.ru/vak/primer/](http://www.intell-service.ru/vak/primer/) (Дата обращения: 15.01.2017).
13. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина ; Поморский гос. ун-т им.М.В. Ломоносова. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – 238 с.
14. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М. : КРАСАНД, 2010. – 296 с.
15. Ярошенко Н. А. Стилистика и культура речи: Практикум : Учеб. пособ. по курсу «Стилистика и культура речи» для студ. спец. 6.020303 «Русский язык и литература» образовательно-квалификационного уровня «Бакалавр» / Н. А. Ярошенко, И. В. Симонова ; отв. ред. Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2010. – 212 с.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕННЯ УРОКУ З УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В 5 КЛАСІ З ТЕМИ «ЛЕКСИКОЛОГІЯ»

ГОУ ВПО «Донецький національний університет»

Робота над лексикою в школі проводиться в двох аспектах. З одного боку, відповідно до шкільної програми подаються наукові відомості з лексикології. Учні знайомляться із словом та його значенням, з багатозначністю слів, прямим і переносним значенням, омонімами, синонімами, антонімами. Вони також одержують поняття про склад української лексики з погляду її походження і розвитку (запозичені слова, застарілі слова, неологізми), про використання слова в різних сферах застосування мови (загальноживані слова, діалектизми, професіоналізми) [3, с. 35].

З другого боку, на основі певного кола наукових знань з лексикології здійснюється систематична і цілеспрямована робота над збагаченням словника учнів і виробленням навичок свідомого, вмілого користування словом. Адже чим багатший запас слів у людини, тим вищий рівень її загального розвитку, тим кращі в неї знання, бо, як говорив М. Рильський, «слово – одяг усіх фактів, усіх думок» У слові закріплені результати пізнавальної діяльності людини. Разом із словом до людини приходять знання про навколишній світ, розвивається мислення, забезпечується успішне спілкування між людьми. Від багатства активного словника залежать змістовність, яскравість і виразність усного і писемного мовлення.

Праця над лексикою в школі має, отже, велике і загальноосвітнє, і практичне значення.

На нашу думку, *лексичне багатство* – невичерпна скарбниця, з якої кожен добирає різноманітні засоби оформлення думки, реалізації різноманітних потреб і етичних норм спілкування. Вона є досконалим інструментом не лише формування власної думки й почуття, але й знаряддям впливу на інших людей.

Робота над розділом «Лексикологія» розкриває перед учнями багатство нашої мови, сприяє усвідомленню її системи, розширенню словникового запасу учнів, позитивно впливає на розвиток усної і писемної мови, формує культуру мовлення п'ятикласників [1, с. 57].

Мета нашої роботи – розробити систему вправ, які сприятимуть збагаченню словника учнів під час вивчення розділу «Лексикологія». Мета передбачає розв'язання таких завдань: 1) визначити слово як значущу одиницю лексики; 2) подати характеристику вивчення розділу «Лексикологія»; 3) запропонувати комплекс вправ із лексикології.

Збагачуються знання учнів з мови внаслідок вивчення слова та усвідомлення існуючих зв'язків між лексикою й іншими рівнями мови (фонетикою, словотвором, морфологією, синтаксисом, стилістикою). Учні знайомляться із сферою вживання слів, з джерелами їх походження, і це формує матеріалістичний погляд на мову.

Жодних понять у дітей не формується, жодних термінів їм не повідомляється, визначень діти не заучують. Спеціально часу на ознайомлення з лексичними явищами не відводиться. Лексичні вправи рекомендується проводити у зв'язку з вивченням граматики і навчання правопису. Діти у ході спостережень переконуються, що слова позначають ті чи інші предмети і явища дійсності, мають певні значення, що, потрапляючи в різні речення, особливо у зв'язному мовленні, слова можуть бути близькими або протилежними за значенням. Така робота сприяє розвитку мислення і мовлення, збагаченню словника молодших школярів, вихованню любові і інтересу до рідної мови. Відбір матеріалу з лексики підпорядковується віковим можливостям учнів. Мета вивчення лексики в 5 класі, як спеціального розділу, співвідноситься з метою навчання в початковій школі. Співвідношення цього матеріалу з програмою молодших класів забезпечується принципом наступності при відборі лексичного матеріалу. Матеріал, який використовується для лексичних вправ у молодших класах, – це близька і зрозуміла дітям лексика. Щоб

зрозуміти саме лексичне явище, вони повинні чітко знати значення тих слів, на яких розглядається явище, співвідносити слова і предмети, порівнювати предмети і дії, названі одним словом.

Учитель у 5 класі повинен послідовно реалізувати знання і вміння, одержані учнями у 1-4 класах. Великий запас багатозначних слів, синонімів, антонімів повинен послужити основою для формування в учнів відповідних лексичних понять. Так, молодші школярі мають практичне уявлення про синоніми і засвоюють основну їх ознаку – близькість значень. У 1-4 класах, таким чином, проводиться серйозна робота, яка створює передумови для засвоєння теоретичних відомостей з лексикології в 5 класі. Реалізація принципу наступності у вивченні розділу «Лексикологія» дозволяє вчителю поглибити роботу з мови, зробити її більш ємною, змістовною, не повторюючи добре відомого учням, а розвиваючи одержані знання і навички.

Зв'язок лексики із словотвором і граматиною дозволяє розглядати слово в єдності змісту і форми, тобто семантики і граматичних ознак, що в свою чергу дає можливість учням під час вивчення морфології і синтаксису чітко розмежовувати лексико-граматичні значення, властиві частинам мови, і лексичне значення кожного слова в межах однієї частини мови і одного речення.

Особливо слід враховувати зв'язок лексики, словотвору і граматики під час повторення і закріплення відомостей з лексики, оскільки часто при вивченні словотвору, морфології і синтаксису вся увага школярів зосереджується на з'ясуванні граматичних ознак певного мовного явища і випускається з поля зору його лексична сторона. Робота над словом, його значенням, експресивним забарвленням, синонімією, сполучуваністю повинна набути постійного характеру.

Пристаючи до вивчення лексики в 5 класі, необхідно з'ясувати учням мету введення її в програму, місце серед інших розділів шкільного курсу мови. Учні повинні усвідомити, що знання лексики української мови дасть можливість їм вільно володіти словом, допоможе краще опанувати

граматикою, орфографією, орфоепією і стилістикою, розширить знання про навколишню дійсність. Так, опрацьовуючи значення слова, треба наголосити, що кожне слово має не тільки звуковий склад і граматичну форму, але й чітко окреслене значення. Це дає змогу людям за допомогою слів обмінюватися думками. А багатозначність слів сприяє образності й виразності мови. Лексичне значення слова – це зміст слова, співвідносність його з певним позамовним фактом (предметом, явищем, якістю, процесом) дійсності. Так, слово заплава означає «місце, яке затоплюється під час повені», слово полотніти – ставати блідим, «бліднути», слово скритний – «який приховує свої почуття, настрої».

Лексичне значення слова визначається поняттям, яке воно виражає, і залежить від граматичних ознак слова, контексту, лексичних зв'язків з іншими словами, емоційного та стилістичного забарвлення. Знання і розуміння лексичного значення слова необхідне учням, щоб вони могли опанувати іншими лексичними поняттями.

Учні повинні засвоїти всі компоненти лексичного значення слова. Основне значення міститься в корені (труд, трудовий, трудитися), однак і інші морфеми (суфікси, префікси) впливають на значення слова, міняючи його повністю або частково. Так, слова ліс, лісний, лісничий різні за значенням.

Ознайомлення учнів з лексичним значенням вимагає застосування різних прийомів тлумачення значень слів, і насамперед логічного визначення, синонімізації [5, с. 21].

У 5 класі учні повинні з'ясувати значення слів самостійно і, користуючись тлумачним словником, визначати те значення слова, яке вжите в даному контексті, уміти добирати омоніми, синоніми, антоніми і вживати їх у власному мовленні, правильно вживати слова в розмовному, діловому і художньому стилях мовлення; у 6 класі — визначати слова за словником, розмежовувати основні лексичні шари української мови, користуватися усіма передбаченими програмою словниками, розмежовувати семантичні ознаки словотворчих засобів, лексико-семантичні і граматичні ознаки частин мови, вживати в мовленні багатозначні

іменники, прикметники, дієслова, добирати до них синоніми і антоніми; у 5 класі – визначати лексичні властивості дієприкметників, дієприслівників та прислівників, добирати синонімічні прийменники і сполучники, вільно використовувати в усному і писемному мовленні всі частини мови; у 7 і 9 класах – тлумачити значення будь-якого слова в контексті, пояснювати його стилістичні функції, аналізувати лексичні особливості стилів мовлення. Ці вміння забезпечують засвоєння і закріплення знань, одержаних під час вивчення даного розділу.

Аналіз науково-методичної літератури, ознайомлення із передовим досвідом учителів української мови Донеччини, дозволив розробити систему вправ, які можна використовувати під час вивчення розділу «Лексикологія».

Лексичне значення слова

Вправа 1. Прочитайте. Випишіть назви птахів. Допишіть ще 5-6 назв птахів, які ви знаєте.

Чи не вперше в житті я встав так рано, вийшов на подвір'я і побачив досі небачене мною диво – ранкову заграву сонця. В левадах перекликалися горлиці, щебетали на різні голоси птахи. Десь вистукував своїм дзьобом дятел.

Закувала зозуля. Прилетів із саги лелека й приніс лелечатам на сніданок якусь поживу.

Я стояв заворожений. Потім схаменувся і побрів по ранковій росі, що густо впала на зелений спорши, яким заросло наше подвір'я. роса блищала сріблом різнобарвних, немовби скляних намистинок і змочувала мені ноги (І. Цюпа).

Вправа 2. Усно перекладіть текст українською мовою. Запишіть виділені слова російською та українською мовами. Чи однаково звучать назви тварин, рослин в обох мовах?

*Мы с тобой не можем охранять всю природу сразу, но можем бережно относиться ко всему живому, окружающему нас, делать все, чтоб оберегать, спасать, защищать отдельных представителей живой природы. Пусть ты не принимаешь участия в спасении уссурийского **тигра** и белых **медведей**, снежного **барса** и белого **журавля**. Это делают взрослые люди – специалисты-зоологи. Но и ты многое можешь сделать для сохранения окружающего тебя растительного и животного мира, если поможешь **стрекозе** или **жужелице**, станешь на защиту **ландыша** или **кувшинки** (З кн. Ю. Дмитрієва, Н. Пожарицької «Твоя красная книга»).*

Вправа 3. Прочитайте уривок. Скажіть, значення якого слова не знали хлопчики. Поміркуйте, чому школярі саме так пояснювали. Знайдіть усі його значення за словниками.

Роздивилилися книжечку, а тоді Ванько і давай нам читати. І про русалок, котрі у воді живуть і тільки вночі вилазять на берег, і про гайдамаків, Гонту і Залізняка... Довго читали. Нас зацікавили слова:

«І на оновленій землі врага не буде супостата...»

Про ворогів і супостатів ми чули. А от що це за оновлена земля – ніхто так і не міг второпати.

– Це, певне, перевернуть її треба, щоб була нова – почали ми шукати відгадки.

– От дурний! таж тоді всі люди попадають.

– А от я знаю, – вискакувався інший, – це коли її застелити ряднами і рушниками, і квітами затикати.

– А де ж ти набереш стільки ряден? Земля, знаєш, яка?

Так і не договорилися ми тоді (За М. Олійником).

Однозначні і багатозначні слова

Вправа 1. Прочитайте і встановіть, до яких слів даються пояснення.

1. Третя по порядку від Сонця планета; верхній шар земної кулі; суша (на відміну від водяного простору); країна, край, держава. 2. Навчально-виховний загальноосвітній заклад; напрям у галузі; влучка. 3. Оргна нюху; передня частина судна. 4. Перепона, яку повинні подолати під час змагання бігуни; загорода, що переешкоджає вільному проходу. 5. Здатність людини говорити, висловлювати свої думки; манера говорити; чий-небудь слова, вислови.

Довідка: школа, мова, земля, бар'єр, ніс.

Вправа 2. Перекладіть українською мовою. Скільки значень має слово глухий?

В разных значениях слово нередко имеет разных «родственников». Если мы говорим о глухом человеке, то этот его физический недостаток называется глухотой; если же речь идет о глухом согласном звуке, то употребляют другое название свойства – глухость. А этому прилагательному в значении, проявляющемся в сочетаниях глухая стена, глухой лес, нельзя поставить в соответствие ни то, ни другое существительное: не говорят «глухота стены», «глухота леса», говорят лесная глушь («Энциклопедический словарь юного филолога»).

Вправа 3. Складіть 5 словосполучень із словом бити з названих нижче значень, запишіть їх.

1. Стукати, ударяти по чому-небудь, об щось

2. . Завдавати ударів кому-небудь
3. Завдавати поразки кому-небудь, перемагати ворога в бою, на війні.
4. Ударами по чому-небудь створювати звуки.
5. Стріляти
6. З силою вириватися назовні (про рідину, повітря, газ)
7. Сіпатися, пульсувати.
8. Виводити з гри, забирати фігуру
9. Дуже відчуватися, доноситися (про різкий запах)
10. Певним способом виготовляти або обробляти що-небудь.

Вправа 4. Прочитати вірш Г. Бойка. Користуючись довідкою, пояснити значення виділених слів.

Хто кричав?

*Йшов з лікарні Гнат селом,
А дружки й спитали:
Що, брат, боляче було,
Коли зуби рвали?
Ні, – хлопчина їм сказав, –
Не дуже боліло...
А чого ж то ти горлав
В лікаря щосили?
Так тож лікар заволав,
Бо я став брикаться,
Йому щипці поламав,
І ... вкусив за пальця!*

Довідка: *голосно кричати, голосно покликати, звертатися до когось із запитанням, передавати словами думки.*

Пряме і переносне значення слова

Вправа 1. Прочитайте поезію. Знайдіть і виділіть слова. Вжиті у переносному значенні. Зверніть увагу на те, як прикрашають вони мову.

*Весна зіткала вчора гобелен
у лузі – з трав, із квітів, з верболозів.
Зіткала вітер і зіткала клен,
грози зіткала молоді погрози.
Не відпочивши, вдосвіта весна
сьогодні знов за голубим верстатом –*

*в святому невдоволенні вона
свій гобелен взялася переткати.
І спалахнула полум'ям трава,
і заряхтіли, як веселка, квіти,
і сонця вогнеуста голова
пророком проповідувала в світі
Навівши скрізь на гобелені лад,
весна під зорями поклалась спати,
бо завтра знов за голубий верстат,
щоб гобелен свій ще раз переткати!*
(Є. Гуцало)

Загальноживані слова діалектизми. Професіоналізми.

Застарілі слова. Неологізми

Вправа 1. Прочитайте і спишіть поезію визначте стиль тексту. Свою думку доведіть. Назвіть загальноживані слова

*Де зелені хмари яворів
Заступили неба синій став,
На стежині сонце я зустрів,
Привітав його і запитав:
– Всі народи бачиш ти з висот,
Всі долини і гірські шпилі.
Де ж найбільший на землі народ?
Де ж найкраще місце на землі? –
Сонце усміхнулося здаля:
– Правда, все я бачу з висоти.
Всі народи рівні. А земля
Там найкраща, де вродився ти!
Виростай, дитино, й пам'ятай:
Батьківщина – то найкращий край!*
(Дм. Павличко)

Вправа 2. Перекладіть текст українською мовою. Запишіть. Знайдіть 10 загальноживаних слів, поясніть їх лексичне значення.

*Проселочной дорогою иду в поле. Иду тропой среди леса. Бреду по первой траве
перечного луга. И сам себе отвечаю на свои же вопросы: какие они – цвета весны? Вот
они рядом, вот они кругом, вот они во мне – розовый и зеленый, белый и синий,*

оранжевий и бархатисто-черный, Веселые, будоражащие цвета весны. И на всем – солнце – на земле, на березовой коре, на траве, на облаках, на воде, на лицах людей (В. Бочарников).

Вправа 3. Прочитайте текст. Випишіть парами діалектні слова і загальноживані. Допишіть одну-дві пари подібних слів, що ви їх чуєте на Донеччині.

Чудесні барви

Які чудесні барви у нашій рідній мові,

які відтінки різні від Сейму аж по Сян!

У Києві говорять інакше, ніж у Львові, –

і черногуз, і бусол, лелека і боцян...

Так наче називаєш різновиди лелек ти,

а це лиш різні назви, синонімічний ряд.

А є ще риси мови, що зуться діалекти:

це говори місцеві на децю інший лад.

На Київщині (в Літках) взуття зовуть обувка,

а огірок звичайний в Чернігові – гурок,

а кошик на Поліссі (в Іванкові) – кошувка,

і назви, і вимова різняться що не крок.

Раз якось на базарі професор із столиці

заговорив із дідом, що ягоди привіз:

– То, значить, на Поліссі вродили полуниці?

Я бачу, ви з-над Снові, із хутора Рогіз.

Дід витріщає очі - і як це може бути?

– То ви з Рогозу родом? Мо, інженер? Поет?

– Та ні, я просто знаю, як де говорять люди:

прислухуюсь до мови – і в цьому весь секрет.

(Дм. Білоус)

Вправа 4. Прочитайте і спишіть. Доберіть заголовок. Підкресліть професійні слова.

Він до класу зайшов неквапливо,

крейду взяв і, немов чарівник,

вивів числа на дошці красиво:

– Ось вам ділене, частка, дільник.

Заспівало нам слово додаток,

мов дударик заграв на дуду;

*а діленьник – як щільник із дуплянок,
що дідусь нам зібрав у саду.
Частка, множник, добуток, остача –
квітів жмутик, і бджілка гуде;
оживають слова – і задача
веселіше до розв'язку йде.*

(Д. Білоус)

*Я років сім у шахті працював,
Бував шпури, довбав глибокі лунки,
З трипільним лісом добиравсь до лав,
І на брезентову спецівку лунко
Не раз холодні капезжі лились.*

(І. Савич)

Вправа 5. Користуючись словником іншомовних слів, поясніть значення іншомовних слів, з'ясуйте, з яких мов прийшли вони до нас.

Блеф, блокада, генерація, вернісаж, газон, дефіс, домра, дюшес, експорт.

Вправа 6. Взаємодиктант. Прочитайте текст своєму товаришеві, прослухайте його читання. Потім запишіть текст під диктовку. Чи багато тут іншомовних слів? Що означає слово *футбол*?

Найулюбленіша й найпопулярніша гра в усьому світі – футбол. А коли з'явилася ця гра? Вона виникла в Англії давно, десь у дванадцятomu столітті, приблизно вісімсот років тому. У містах Англії у футбол грали спочатку на базарних площах і навіть на кривих і вузьких вуличках тогочасних міст.

У грі брали участь іноді до ста й більше чоловік. Грали, як правило, із середини дня й до заходу сонця. Спеціальних правил гри тоді ще не було: натовп гравців у погоні за м'ячем змітав усе на своєму шляху. Сповнені жаху, притискувалися до стін будинків солідні громадяни, ченці й навіть безстрашні лицарі верхи на конях (За А. Коваль).

Вправа 7. Доберіть до архаїзмів відповідні слова сучасної української мови. Запишіть їх. Поясніть, у яких стилях і з якою метою можуть вживатися наведені застарілі слова.

Свічадо, перст, перебути, благий, вакації, уста, піє, воліти, ректи, зигзиця, десниця, рать, ланіти, брань, блават, велій, шарлат, грезет, вой.

Великий, говорити, воїн, битва, губи, цоки, бути, бажати, зозуля, військо, палець, шовк (блакитний), добрий, канікули, дзеркало, пурпур, рука, співає, шовк (сірий).

Вправа 8. Прочитайте тексти. Визначте стиль кожного з них. Випишіть застарілі слова.

Дрогобицька ратуша має давню історію. Перша міська ратуша була дерев'яною, друга – з цегли, на три поверхи. Внизу знаходилися кімнати в'їта, писаря та канцелярія; бургомістр і його райці засідали у великій кімнаті другого поверху, де відбувалися її урочистості. Там же, за залізними дверима, була і скарбниця, в якій зберігалися «меч справедливості», казна та міський архів. Невеличкий третій поверх, під самим дахом, слугував за помешкання трубачеві, в обов'язки якого входило стежити, чи не наближаються вороги, і сповіщати про це відповідним сигналом. Звідси східці вели на балкон, що оббігав вежу довкола (За Р. Пастухом).

Золотоковці кували хитромудрі вериги-чепи, які прикрасять груди князям чи воєводам, чеканили на тонких стінках ковшів і чаш зображення птиць, риб і звірів, одні виконували з чистого золота гарні ковчезці, які потім прикрашалися різнобарвною емаллю, другі виводили тонкі візерунки на срібних релікваріях, ще треті ламали голову над жіночими прикрасами: серезжками-колтами, наруччями, гребенями, – і кожен намагався створити щось таке, чого ще ніхто не творив і не бачив, кожному хотілося бодай на недовгий час опинитися у вільному світі краси, викликаному власною уявою, відчутти себе неподільним володарем, паном, вільним у всьому, бо справжню волю дає тільки роблена тобою робота, яку здатен виконати один ти у цілому світі (П. Загребельний).

Синоніми, омоніми, антоніми

Вправа 1. Виберіть потрібне слово з указаних у дужках синонімів і запишіть із ним речення. Відповідь обґрунтуйте.

(Спить, куняє, дримає) земля під глибоким снігом. Дівчина хитро (сміється, умирає від сміху, регоче, посміхається). Верби (горюють, сумують, журиються, нудьгують) над водою. Учні (говорили, вели розмову, розмовляли, розповідали) про історію рідного краю.

Вправа 2. Відновіть прислів'я. Які слова пропущені? Як їх можна назвати?

Важко в навчанні, але ... в роботі.

Маленька праця краща за ... безділля.

М'яко стелить, та ... спати.

Що вранці не зробиш, то ... не наздоженеш.

На чорній землі... хліб родить.

Вправа 3. Доберіть за словником антоніми до різних значень багатозначного слова (завдання на картках).

<i>сухий одяг суха погода сухий хліб суха мова сухе літо</i>	<i>чисті руки чиста совість чисте небо чистий сніг чиста ріка</i>	<i>свіжий хліб свіжий журнал свіжа сорочка м'який клімат м'який матрац</i>
--	---	--

Вправа 4. Які слова називаються омонімами? Яка їхня роль? Як називається вірш-жарт, у якому є омоніми?

Ну й охочий брат мій Ігор

До веселих, жвавих ігор.

Де яка у світі гра є,

Залюбки у неї грає.

Середній рівень: із запропонованими словами-омонімами складіть речення.

Достатній рівень: із запропонованими словами-омонімами складіть текст.

Високий рівень: із запропонованими словами-омонімами складіть каламбури.

Дорога, мила, ніс, віз, пара, бал, ласка.

Вправа 5. Доберіть правильний варіант відповіді:

<i>Найвища ... Карпат</i>	<i>Точка, крапка</i>
<i>Моя ... пісня</i>	<i>Любима, улюблена</i>
<i>Він любив ... в чужі справи</i>	<i>Втручатися, вмішуватися</i>
<i>Вранці він ледве ... очі</i>	<i>Розплющив, відкрив</i>
<i>Він забув ... двері</i>	<i>Закрити, зачинити,</i>
<i>Ти забула ... світло</i>	<i>Вимкнути, виключити</i>
<i>Я завітаю на ... день</i>	<i>Слідуючий, наступний</i>
<i>У мене нова ... книжка</i>	<i>Ілюстрована, ілюстративна</i>
<i>Сьогодні він ледь ... очі</i>	<i>Відкрив, розплющив</i>
<i>У Петрика ... відповідь</i>	<i>Вірна, правильна</i>
<i>Моя мама ... краща</i>	<i>Сама, най</i>

Вправа 6. Орієнтуючись на виділені слова, поділіть подані словосполучення на чотири групи: багатозначні слова, синоніми, антоніми, пароніми.

Гострий ніж, гострий дзьоб; цікавий персонаж, ввічливий персонал; хоробрий воїн, сміливий воїн; упало додолю, повертався додому; гострий кут, тупий кут; відкрити збори, відкрити книгу; величезний дуб, гігантський дуб; відкрити книгу, закрити книгу; безперечний аргумент, безпечний атракціон; важлива інформація, важливе повідомлення; сміхотлива дитина, смішний випадок; важка робота, важкий труд; важка робота, легка робота; свіжий хліб, черствий хліб; холодне повітря, тепле повітря; зустріти ввічливо, зустріти привітно.

Фразеологізми

Вправа 1. Записати речення, визначити фразеологізми, пояснити їх значення. Підкреслити фразеологізми як члени речення.

Ходімо додому, там мати місця собі не знайде (М.Вінграновський). Дмитро ламав голову над іншим (Ю. Збанацький). Хлопців як вітром здуло. Вони повмоцувались на задньому сидінні (В. Терен). Богдан між ними, як між двох вогнів (Л. Костенко).

Вправа 2. Закресліть «третє зайве», відповідь обґрунтуйте.

Птах високого польоту, велика риба, не покладати рук.

Бути на сьомому небі, обминати гострі кути, як удруге на світ народитись.

Давати хropaка, накивати п'ятами, дати тягу.

Сон бере, носом клює, хоч ріж.

Анітлень, намотати на вус, мов у рот води набрати.

Викинути з голови, напустити пихи, дерти кирпу.

Давати наганяй, витикати носа, брати в шори.

Вправа 3. Запишіть, вибравши з дужок слово, що утворює з поданим фразеологізм. Розкрийте значення записаних фразеологізмів. Із будь-якими двома складіть і запишіть речення.

Забивати (цвях, баки, в дерево), узяти (книжку, стілець, моду), читати (оповідання, нотації, афіші), кусати (хліб, яблуко, лікті), продавати (молоко, м'ясо, витрішки), гратися (іграшкою, із братом, із вогнем), піймати (м'яча, рукою, облизня), сидіти (поруч, на стільці, в печінках), тримати (за руку, марку, портфель), йти (гуртом, в руки, пішки), піднімати (на руки, із землі, на глум), справляти (весілля, лежні, хрестини), дати (у борг, сторчака, пораду).

Вправа 4. Записані фразеологізми потрібно пересіяти так, щоб залишились лише ті, які мають значення «багато».

Поставити на ноги; видимо-невидимо; підкрутити гайки; крутити носом; хоч греблю гати; роботи по шию; каламутити воду; кури не клюють; давати волю язика; дивитись крізь пальці; роботи по самі вуха; як цвіту по всьому світу; ні сіло ні впало; не з руки; одним духом; до сьомого поту; сила-силенна; на край світу; хоч лопатою загібай; як з-під землі; рукою сягнути; і світу не видно; як грибів після дощу; з доброго дива; не за нашої пам'яті; як зірок на небі; як піску морського; давати волю рукам; дихнути не дати; зубами держати; одним миром мазані; не дати взору глянути; тьма-тьмуца; вуха в'януть; як у бездонну бочку.

Вправа 5. Виправте помилки в поясненнях значення фразеологізмів.

Дерти носа – думати; як вареник у сметані – нестійкий у своїх поглядах, ідеалах; хоч з лиця воду пий – так спітнів, не чути ні рук ні ніг – змерзнути; пройти вогонь

і воду – зазнати випробувань; знімати стружку – докоряти комусь; устромляти палиці в колеса – забавлятися, бешкетувати.

К. Д. Ушинський писав, що «дитя, яке не звикло вникати у зміст слова, темно розуміє або зовсім не розуміє його справжнього значення ... завжди буде страждати від цього корінного недоліку при вивченні всякого іншого предмета» [6, с. 13]. Саме тому стільки уваги приділяється формуванню потреби у використанні довідкової літератури. Перспективи подальших досліджень полягають у вивченні розділу «Лексикологія» у 6-х та 7-х класах.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова. Лексикологія / Л. Г. Авксентьев. – Харків : Вища шк., 1983. – 150 с.
2. Бондаренко Н. В. Українська мова. 5 клас. Підручник / Н. В. Бондаренко, А. В. Ярмолюк. – К.: Освіта, 2005. – 267 с.
3. Крысин Л. П. О пользе словарей / Л. П. Крысин // Семья и школа. – 2002. – № 3. – С. 46–47.
4. Литвиненко І. С. Розвиток словникового запасу дітей у 5-8 класах / І. С. Литвиненко // Практична психологія та соціальна робота. – 2002. – № 1. – С. 28–33.
5. Непийвода Ф. Словник допомагає творити / Ф. Непийвода // Дивослово. – 2001. – № 12. – С. 22–24.
6. Омельчук С. Основні аспекти мовленнєво-методичної компетентності сучасного вчителя-словесника / С. Омельчук // Дивослово. – 2012. – № 5. – С. 13–18.
7. Ужченко Т. Г. Дидактичний матеріал з української мови. Лексика і фразеологія / Т. Г. Ужченко. – 2-ге вид. К. : освіта, 1995. – 224 с.
8. Сучасна українська мова: Збірник вправ і завдань: Навч. посібник / В. Д. Ужченко, Т. П. Терновська, Т. С. Маркотенко – К. : Вища шк., 2006. – С. 35–54.

*И. В. Логвинова**кандидат филол. наук*

**ПОЭТИЧЕСКАЯ КУЗНИЦА И ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОЙ
ИГРЫ В ПЬЕСЕ Л. ТИКА «ПРИНЦ ЦЕРБИНО»**

*ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки**им. А. Г. Шнитке»*

Пьеса Л. Тика «Принц Цербино, или Путешествие за хорошим вкусом (В некотором роде продолжение Кота в сапогах)» (1798) неоднократно исследовалась отечественными и немецкими литературоведами (Н. Я. Берковский, В. М. Жирмунский, В. В. Ванслов, В. А. Карельский, М. Thalmann и др.), но она настолько глубока и поразительна, что требует разностороннего осмысления. В данной статье мы проанализируем особенности словесной игры и ее передачи в переводе с немецкого языка на русский в сцене, где представлен образ Поэтической Кузницы. При этом мы во многом обобщаем свои изыскания, начатые ранее [1; 2; 3; 4; 5].

Мы писали уже о том, что различные персонажи комедии «Принц Цербино» подвергаются испытанию хорошим вкусом, проходят своеобразную проверку на способность романтического восприятия мира. Об аллегорических названиях сортов муки и об образе человека-собаки мы уже писали ранее [2; 3]. Образы, относящиеся к сцене в Кузнице потребовали отдельного рассмотрения, поскольку в них у Л. Тика включена тонкая словесная игра, которая не всегда удачно переводится с немецкого языка на русский.

По сюжету комедии, принц Цербино отправляется с Нестором на поиски хорошего вкуса. На это путешествие его вдохновил волшебник Поликомикус (таким образом принц должен избавиться от опасной болезни – философствования). В течение пяти актов принц встречает различные проявления хорошего вкуса (например, мельницу), но не

воспринимает их, руководствуясь неверными ориентирами (хороший вкус он надеется найти в поэзии, искусстве, но не в природе и быту).

Однако, кузница – единственное место, которое не посещает в своем путешествии принц Цербино. Также он не встречается ни разу с Дорусом, который заказывает у Кузнеца инструменты. Можно предположить, что Дорус и принц Цербино – зеркальное отражение друг друга. Цербино, как и Дорус, все воспринимает буквально. И это хорошо показано в сцене на мельнице, когда Мельник объясняет ему сорта зерна и муки через аллегории [2]. Сцены на мельнице и в кузнице – очень похожи, и в то же время они разные. Это параллельные сюжеты – реалист Дорус и тяготеющий к романтизму принц.

Кузница, как и мельница, – это еще одно проявление хорошего вкуса, еще одна его грань. Это вдохновение свободного художника, романтика.

Первый раз Кузнеца мы встречаем в третьем акте в сцене «Сад Доруса», когда крестьянин Дорус приходит в кузницу за своим заказом (он отдал в починку кузнецу плуг и заступ).

Имя Дорус взято Л. Тиком из римской мифологии, где Дор (Дорус) является родоначальником дорян. У Л. Тика Дорус – крестьянин, землепашец. У него есть дочь Лиля, олицетворяющая любовь и поэзию в противоположность отцу, который к поэзии не чувствителен и не понимает никаких иносказаний и намеков. На этом его непонимании выстраивается тонкая словесная игра, навеянная романтической иронией.

Кузнец объявляет Дорусу, что его инструменты он починил, превратив их в произведения искусства: «взгляните, как искусно / Из плуга вышла борона, и заступ / Трофейный прямо, укрепил я сверху» [6, с. 102]. Дорус в ответ злится: «Не постигаю я, ведь тут железо / Лишь заострить, и заменить детали, – / И что же я могу теперь на поле / Использовать?» [6, с. 102]. Кузнец отвечает ему, что выходит, он зря потратил свое искусство, взяв заказ Доруса «в аллегорическом ключе» [6, с. 102], имея в виду умение иначе мыслить: «Очень часто / под птицей мы в виду имеем рыбу, /

в награду мне на ум приходит кошка, / что держит птицу, так все связано взаимно¹» [6, с. 103]. Смысл этой фразы, возможно, таков: часто человек говоря одно, подразумевает другое, и все вместе связывается по ассоциации образом третьего, имеющего отношение к тому и другому. За образом конкретной вещи скрывается ее философский смысл, который непонятен Дорусу (в параллель тому, как Цербино непонятно, что мельница – средоточие хорошего вкуса).

Второй раз Дорус приходит на кузницу в начале четвертого акта (сцена «Аллегорическая кузница»). В этой сцене звучит хор подмастерий, которые поют о ковке изделий из железа как о великой битве и подвиге (поэзия простого труда). Примечателен разговор Мастера с одним из подмастерий, спрашивающего, что должно выйти из его труда. Мастер отвечает ему: «Всех лучше знает это только небо, / Которое этот металл для нашего блага сотворило» [6, с. 115]. Далее он развивает философский тезис о том, что из ничего не получается радости, но из него тянется нить остроумия и «нетканая ткань шутки». Суть вещи нужно уметь извлечь из ничего, которое находится внутри самого человека. Все творчество рождается из фантазии (а у Цербино и Доруса ее нет). Примерно так можно объяснить замысловатую фразу Мастера: «Готовы вы, не выкопав, прийти и без находки к нам, / И даже если не пришли, в нас есть все то, что мы нашли, / У нас хватает и без вас своей лишь правды про запас, / А вот без правды-то, как раз, без правды нет и нас» [6, с. 116]. На слова Доруса, что он хочет только забрать свой плуг, Кузнец начинает играть словами:

Кузнец. Знаете ли вы, что такое плуг?

Дорус. Как?

Кузнец. Включите воображение! Говорят: смерть поле науки перепахала, чтобы получить новые и лучшие плоды, но мой лучший друг совсем не понимает аллегорий.

¹ В оригинале: So denk' ich oft bei Fisch an Vogel, zur / Vergeltung fällt bei Vogel mir die Katze / In die Gedanken, alles wird verknüpft. (Tieck L. Schriften. 1828. Bd 10. S. 133).

Дорус. Вы сходите с ума!

Кузнец. Теперь, например, что вы делаете этой лопатой?

Дорус. Копаю.

Кузнец. Да, вы поступаете хорошо; только не упускайте выражение: «докопаться до истины», склоняющееся к еще большей аллегоричности. Вы достигли всего и надеетесь на плоды [6, с. 116].

Когда Дорус выходит из себя, Кузнец понимает, что искать в его душе воображение, фантазию – бессмысленно, и заключает: «Подмастерья, вы видели простой, крестьянский разум, который ни в одной вещи не видит смысла? Теперь мы должны вернуться к работе, и ковать железо, пока оно горячо» [6, с. 117]. Ключевое слово здесь: воображение. Так и в сцене на мельнице принцу Цербино не хватило воображения понять, что он находится посреди хорошего вкуса (труд как творчество).

Таким образом, смысл вещи равен ее аллегорическому смыслу. При этом имеется в виду, что это вещь, взятая сразу во всех своих смыслах, которая потенциально способна выразиться любым из своих смыслов.

В этой словесной игре, на наш взгляд, скрыт более глубокий смысл, чем простое непонимание аллегорий. Кузнец – выразитель романтического мировосприятия, основанного на средневековых (а далее – барочных и затем классицистических) аллегориях и аналогиях, символическом видении мира. Речь Кузнеца, пересыпанная пословицами и поговорками, – живая народная речь, относящаяся к романтической стихии. Дорус – представитель реалистического мировосприятия, характерного для бюргера, филистера, который заботится о своих материальных благах и выгодах. Речь Доруса, бедная пословицами и поговорками, ограниченная и застывшая, делает его похожим на спутника принца Цербино – Нестора, речь и сознание которого представляют собой классицистические штампы и предрассудки.

Таким образом, Л. Тик еще раз подчеркивает через игру слов, через аллегории односторонности классицистической поэтики, которая без своей второй стороны (романтической, стихийной) выглядит ущербной. Эти две

стороны уравнивают друг друга. Стихийная, творческая природа вещей (когда Мастер не знает, что выйдет из раскаленного железа) упорядочивается, обретает конкретную форму в рассудочной воле обывателя (он хочет починить плуг, а не рассуждать о возвышенном поле науки и пр.). С другой стороны, поэтическая кузница – символ расшатывания застывших, неживых, пошлых форм жизни, попытка увлечь ее в энергетическое поле романтической иронии и тем украсить мир, сделать его живее и ярче, деятельнее, прогрессивнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есаков В. А., Логвинова И. В. Комедия Л. Тика «Кайзер Октавиан» как образец романтического мифотворчества / В. А. Есаков, И. В. Логвинова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – №4 (66). – 2015. – С. 23–28.
2. Логвинова И. В. Значение образа аллегорической мельницы в комедии Л. Тика «Принц Цербино» / И. В. Логвинова // Материалы IV Международ. научно-практич. конф. «Культура в фокусе научных парадигм» (Донецк, 6–7 апреля 2016 г.) / научн. ред. Кравченко О. А., Каика Н. Е. – Донецк : ДонНУ, 2016. – Вып. 4. – С. 110-113.
3. Логвинова И. В. Мифологические корни образа человека-собаки в комедии Людвиг Тика «Принц Цербино» [Электронный ресурс] / И. В. Логвинова. – Режим доступа : [http : // azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/10/Logvinova.pdf](http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/10/Logvinova.pdf) (Дата обращения : 07.12. 2016).
4. Логвинова И. В. Поэтика имени в драматургии Л. Тика / И. В. Логвинова // Реквием филологический. Сборник научных статей, посвященный памяти Е. С. Отина / Под ред. К. С. Федотовой. – Донецк, 2015. – С. 381–390.
5. Логвинова И. В. Принц Цербино между вдохновением и сумасшествием: романтическая мифологема «Сада Поэзии» Людвиг Тика / И. В. Логвинова // Человек перед выбором в современном мире: проблемы,

возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27-28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва). В 3-х т. Т. 1. / Под общ. ред. М. С. Киселевой. – М. : Научная мысль, 2015. – С. 186–192.

6. Тик Л. Комедии и драмы / пер. с нем. И. В. Логвиновой. – М. : Русский импульс, 2015. – 560 с.

И. Ф. Маданова

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ»

В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КРЫСОЛОВ»

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Антропоцентрическая модель исследования языка, присущая современной лингвистике, в числе прочего предполагает изучение взаимосвязи языка, сознания и культуры, при этом язык рассматривается в тесной связи с бытием человека. В соответствии с антропоцентрической парадигмой язык трактуется как основная характеристика человека, его важнейшая составляющая. По словам Д. С. Лихачева, «богатство языка определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации» [8, с. 8].

В качестве двух основных подходов когнитивной лингвистики выделяются, как известно, лингвокультурология и лингвокогнитология (см. [24, с. 55]). Как отмечает В. А. Маслова, лингвокультурология «изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [9, с. 8]. В. Н. Телия утверждает, что «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология –

достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [15, с. 222].

Основные категории, сформированные в русле антропоцентрической парадигмы, – это языковая картина мира и концепт. Вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий: концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера или картина мира [14, с. 9].

Одной из актуальных проблем, которые находятся в центре современных лингвистических исследований, является выражение авторской картины мира через призму художественного текста. Авторская картина мира как художественный мир текста представляет собой «систему всех образов и мотивов, присутствующих в тексте, а также совокупность архетипов, создающих словесно-образную модель мира» [7, с. 74].

Е. В. Туктангулова, обосновывая комплексный подход к художественному тексту с позиций традиционной лингвопоэтики и когнитивной лингвистики, утверждает, что важным компонентом авторской картины мира как художественного мира текста является иерархически организованная система ключевых текстообразующих констант художественного текста: «ключевое слово – словообраз – художественный концепт». Исследовательница приходит к выводу о том, что словообраз обобщается до художественного концепта в том случае, когда он концептуализируется, т. е. обладает способностью «вбирать в себя не только исторически накопленный понятийно-содержательный объем, но и эмоционально-психологическую информацию, обусловленную историческим, традиционным, мировоззренческим и эстетическим опытом писателя» [16, с. 107].

Под художественным концептом следом за Е. В. Туктангуловой понимаем «единицу сознания поэта или писателя, которая представляет собой лингвоментальную категорию и получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов

или явлений» [16, с. 108]. При этом следует иметь в виду, что «в содержании художественного концепта у разных поэтов наблюдается динамика ядра и периферии, связанная с индивидуально-авторским осмыслением и воплощением концепта в тексте» [16, с. 107].

Художественный концепт является единицей поэтической картины мира, имеет эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные авторским замыслом (см. [2, с. 319]).

Л. В. Миллер понимает художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [10, с. 41–42].

Как отмечает О. В. Орлова, в рамках коммуникативной стилистики художественного текста существует множество когнитивных исследований, к которым «концепты, вербально воплощенные в поэтических и прозаических произведениях художников слова, изначально интерпретируются, во-первых, как текстовые, т. е. детерминированные эстетической дискурсивно-стилистической природой художественного текста, а во-вторых, – как индивидуально-авторские, идиостилевые, отражающие неповторимую индивидуальность авторской версии вербальной репрезентации того или иного смысла» [12, с. 4–5].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы рассмотреть особенности реализации концепта «жизнь» в поэме М. И. Цветаевой «Крысолов».

Следует отметить, что концепт «жизнь» и его так называемый антиконцепт «смерть» относятся к ключевым концептам и широко исследуются в лингвокультурологии и лингвокогнитологии на разном

языковом материале, в том числе и в качестве художественных концептов (см., например [3; 4; 6; 13; 17; 18; 19; 20; 21; 23 и др.]). Однако тот факт, что «современная когнитивная лингвистика развивается в нескольких направлениях, которые различаются целями, задачами и методами исследования», иногда «приводит к разным результатам в описании одних и тех же концептов» [14, с. 4].

Поэма «Крысолов» была написана М. И. Цветаевой в 1925 г. Основой послужила средневековая легенда о Гаммельнском крысолове, который избавил город от невиданного нашествия крыс в 1284 году. При помощи звуков флейты он очаровал крыс, увел из города и утопил в реке Везере. Когда же городские власти отказались платить обещанную награду, то флейтист спустя некий временной отрезок вернулся в город в костюме охотника и заиграв на своей волшебной флейте призвал к себе всех городских детей и увел их из города. Околдованные взрослые не могли помешать этому. Дети пропали: в некоторых вариантах музыкант утопил их в реке, в других – дети взошли на вершину горы, и их поглотила разверзшаяся под ними бездна. В некоторых дополнениях дети просто пропали, указывается лишь их количество. М. И. Цветаева внесла свои коррективы в легенду: нашествие грызунов – кара за бездуховность, овеществленность, греховность жителей города, погрязших в плотской плоскости, утративших духовную составляющую. Охотник – поэт, музыкант, за которым дети идут по велению души, пытаясь вырваться на свободу. И их смерть – не что иное как уход от земного и плотского в мир духовный, вечный.

По мнению В. И. Карасика, в культурном концепте как «многомерном смысловом образовании» выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [5, с. 8]. Для художественного концепта большую значимость имеют такие стороны (слои), как ассоциативный, предметный, понятийный, образный, символический, эмоциональный, идейно-эстетический (ценностный), аксиологический (интерпретационный) и др. (см. [2, с. 319–320]).

Обратимся к рассмотрению предметного и понятийного слоёв концепта «жизнь» в русском языковом сознании.

Как отмечает А. Г. Муллагалиева, «среди праславянских глаголов **žiti*, **gojiti*, **gajiti*, восходящих к исконному **gi-*, в русском языке наиболее широкое развитие получил глагол *жити*, восходящий к праславянскому **žiti*» [11, с. 73]. По словам исследовательницы, «корень **gi-* — один из самых ярких и значимых корней в языке, потому что слова с этим древним корнем обозначают такие жизненно важные действия, состояния, понятия, признаки, как *жить*, *жизнь*, *живот*, *жила*, *живой*, *выживаемость* и другие» [11, с. 73]. В то время как «рефлексы **gojiti* сохранились в языке лишь в производных *гой* и *изгой*», а «глагол *гаяти* не вышел за пределы диалектного языка» [11, с. 73].

По мнению этимологов, глагол *жить* ‘существовать как естественный организм’, ‘существовать, быть живым’, ‘проводить свою жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать’ является общеславянским (праславянским), известен всем славянским языкам и имеет соответствия в других индоевропейских языках. При этом отмечается, что данный глагол характеризуется наличием сопутствующих приставочных производных. Например, другие формы глагола: *живать* (обычно с приставками: *проживать* и др.), *живить* (с приставками: *оживить*), только с приставками: *оживлять*, *заживлять* и др. Современное слово развилось из древнерусского *жити* ‘существовать, пастись, кормиться, обитать’ вследствие утраты конечного безударного *-и* (в украинском *жити -и* сохраняется) и сужения значения. В свою очередь инфинитив праславянского глагола **žiti* ‘жить’, к которому восходит древнерусский глагол *жити*, представляет собой застывшую форму дательного падежа существительного **žitь* ‘жизнь’, образованного с помощью суффикса *-t-ь* от индоевропейского корня **gei-/*goi-/*gi-* ‘жить’. Ср. древнерусское *жить* ‘жизнь’; русское диалектное *пажить* ‘луг, пастбище’; параллельное с темой *-ъ* старославянское *жить* ‘жизнь’.

На славянской почве перед гласными переднего ряда происходит чередование *g/z* [33, с. 28; 31, с. 131].

По наблюдениям А. Г. Муллагалиевой, «в пределах всего этимологического гнезда с корневым **gi-* в русском языке гнездо с вершиной *жить* является самым обширным (в отличие, например, от гнезд с вершинами *гоити* и *живой*). Однако его состав не был устойчивым на протяжении длительного исторического развития. Так, глагол *жить* послужил производящей базой для образования многочисленных глаголов, в которых семантика производящего *жить* подверглась различным трансформациям, а также слов с семантикой процесса (*жизнь*, *житие*, *житье*), места (*жилище*, *жило*, *жилье*) и лица (*житель*, *жилец*)» [11, с. 73].

Существительное *жизнь* ‘особая форма существования материи’, ‘существование’ образовано в древний период (отмечается в древнерусских и старославянских памятниках) с помощью суффикса *-знь-ь*, указывающего на значение состояния, от глагола *жити*. В древнерусском языке слово *жизнь* выражало значения ‘жизнь, оживление’ и ‘имущество’ [31, с. 131].

Лексикографы прежде всего отмечают этимологическую связь существительного *жизнь*, глагола *жить* и прилагательного *живой* [33, с. 28; 31, с. 131].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема *жизнь* трактуется, как житие, бытие; состояние особи; существование отдельной личности [26, стлб. 541].

По наблюдениям Н. В. Деевой, в древнерусских текстах для обозначения понятия *жизнь* широко использовались старославянизм *житие* и его древнерусский вариант *житье* [3, с. 85]. Также исследовательница отмечает, что номинатив *жизнь* функционировал уже в древнерусском языке, однако значение ‘бытие, существование вселенной’ для древнерусского существительного *жизнь* не являлось исходным, первичным. Первичным было значение ‘физиологическое существование всего

живого⁷, т. е. «в сознании древнерусского человека исходной точкой существования мыслился именно живой организм (человек или любой другой природный объект), а потом Вселенная» [3, с. 86]. В то время как «в современном русском языке у существительного *жизнь* значение «физиологическое существование человека, животных» является вторичным, производным от исходного первичного и связанного с ним метонимической связью: «физиологическое существование человека и животных» и есть одна из форм «существования материи» [3, с. 86].

В 17-ти томном «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) для лексемы *жизнь* приводится такая семантическая структура: 1) состояние всего живого от зарождения до смерти; существование; 2) полнота проявления физических и духовных сил; душевный подъём, одушевлённость; 3) время (целиком или частично) от рождения и до смерти живого существа; век; 4) рассказ о чьей-либо жизни, описание её; биография; 5) жизненный уклад, быт; житье; 6) существование в развитии, в движении; 7) действительность; 8) движение, оживление, производимое живыми существами [29, с. 142–147].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (СПб., 2000) семантическая структура существительного *жизнь* представлена такими значениями: **1.** Особая форма существования материи, возникающая на определённом этапе её развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ. // Совокупность явлений, происходящих в органическом и неорганическом мире // Существование в развитии, движении (о природе). **2.** Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения, роста, развития и до разрушения (противоп.: смерть). **3.** Полнота проявления физических и духовных сил. // Внешнее проявление полноты физических и духовных сил. **4.** Время, период существования от рождения до смерти. // где или с *опр.* Срок существования кого-, чего-л.. // Образ существования кого-л. **5.** кого или с *опр.* Совокупность всего

пережитого и сделанного человеком. **6.** *кого-чего или с опр.* Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях, в различных областях, сферах. // *(обычно с опр.)*. Установившийся порядок в повседневном существовании кого-, чего-л.; быт. **7.** Реальная действительность; бытие. **8.** Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ (см. [25, с. 306]).

Таким образом, понятийная составляющая концепта «жизнь» состоит из следующих значений:

1. Существование, бытие.
2. Процесс, связанный с деятельностью, функционирование.
3. Процесс, связанный со временем, длительность.
4. Движение, динамика.
5. Социальная составляющая и сфера деятельности.
6. Целостность.
7. Реальность.
8. Качество.

Образная составляющая концепта «жизнь» в первую очередь включает представление о том, что жизнь — это путь, река, собственность, книга, источник, ресурс, жизнь может быть персонифицирована (обидчик, учитель, раба, судья, жертва и т.д.), жизнь имеет ценность и другие составляющие. Нас интересует, при помощи каких языковых средств реализуется концепт «жизнь» в поэме «Крысолов».

Следует отметить, что прямые реализации слов *жизнь* и *жить* встречаются в тексте всего несколько раз, в самом начале:

*«В городе Гаммельне дешево шить: /Только один покрой в нем.
/В городе Гаммельне дешево жить / И помирать спокойно».*

Еще в начале произведения у читателя формируется образ жизни, как поверхностного, лишенного глубинного содержания, некой схемы. Помогают в этом словоформы: *шить* – покрой (качество), *жить* – помирать (существование).

Далее мы более подробно узнаем о том, что жизнь в Гаммельне это – «грех», «ни жажды в сердцах», крайняя вещественность и овеществленность, озабоченность плотью, отсутствие духовной составляющей. Еще в первой главе появляется упоминание о жизни горожан как о сне людей без души, т.е. лишенных жизни (жизненной искры):

«Грех. Полстолетия (пятьдесят / Лет) на одной постели / Благополучно проспавши, спят / Дальше? Вдвоем потели, / Вместе истлели?. Тюфяк, трава, – / Разница какова? // (Бог упаси меня даже пять / Лет на одной перине / Спать! Лучшие моську наймусь купать!) // Души Господь их принял. / И озаренье: А вдруг у них / Не было таковых?»

В городе Гаммельн есть четкое понимание о жизни как сытости и разграничение по этому признаку:

«В Гаммельне собственных нищих нет. / Был, было, раз – да помер. // Тощее ж тело вдали от тел / Сытых зарыть велел».

О том, что жизнь в Гаммельне имеет одну вещественную сторону, говорит и отступление про пуговицы и брюхо:

«Пуговицы же (внемли, живот / Голый!) – идея — вот...»

Показательно в этом отрывке разворачивается концепт жизни как живота. Не в библейском значении *живот – жизнь*, а в устаревшем: *живот* как животное, живое существо.

В библейском контексте живот Господь даровал каждому живому существу, возможность жития есть только у человека, жизнь же даруется святым, людям, жившим по законам Божиим. И с этой точки зрения бюргеры уподобляются животным, которые лишены души, поэзии, чувств, разума и др. качеств человека. Нагота, «живот Голый» воспринимается бюргерами как грех, как принадлежность к козлу, гению, музыканту, демону, нищему (видимо, обладающему даром, свойственному дионисийскому началу).

В главе «Сны» нам показывается, чем живут, о чем мечтают горожане. Поражает полное отсутствие воображения, статика.

«В других городах, / В моих (через – кра'й-город) / Мужья видят дев / Морских, жены – Байронов, // Младенцы – чертей, / Служанки – наездников... // А ну-ка, Морфей, / Что – гаммельнцам грезится // Безгрешным, – а ну? // – Востры - да не дюже! / Муж видит жену, / Жена видит мужа, // Младенец – сосок, / Краса толстощекая – / Отцовский носок, / Который заштопала».

В этом мире даже во снах «Все как следует». Сны ничем не отличаются от жизни, отсутствует грань, которая разделяла бы реальное и нереальное.

Закономерно возникает вопрос о том, что такое сон и не подменяет ли состояние сна жизнь горожан.

Сон – это физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором у спящего тормозится работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения. В культурном аспекте – это образ-альтернатива реальности. Как известно, метафоры жизнь – сон, сон – мечта, сон – грезы традиционно ассоциируются со свободой духа, подсознательными порывами, желаемым. Следует отметить, что сон отнимает значительную часть жизни человека в значении длительности, временного промежутка, однако в «Крыслове» для бюргеров сон подменяет и само значение жизни, ее качество.

Особого внимания заслуживает окружающий мир: дома «богатых», их запах, *«вещественность плоти»*, *«гниль до хрящей»*, *«вещественность сути»*, которые являются отражением хозяев, их *«жирных»*, *«банковских»* жизней. Выделяется лишь дочка бургомистра Грета, которой *«Спи-усни, им не верь, / Бургомистрова дочь. // Соломонова пиеница – / Косы, реки быстрые. // Что же мнится? что же снится / Дочке бургомистровой? / Запахи, шепоты... / Все? – и еще что-то!»*.

В главе «Напасть» при анализе лексем, входящих в словообразовательное гнездо с корнем *жи-*, без изменения актуализируются признаки, выявленные нами при анализе концепта *жизнь*: 1) живое – реальное, то, что можно увидеть, услышать, потрогать, 2) состояние – *свежий, живой*,

3) *разг.* название сухожилий, кровеносных сосудов (свойство живого организма), 4) *плоть* – «*по живому салу*», «*по живому мясу*».

Концепт «жизнь» в этих значениях актуализируется в следующих контекстах: «*Свежих воловых / Жил для ремесленников!*»; «*Све – жая требуха! / - Жи – вого петуха!*»; «*Так и гудит по живому салу: / Склады-завалы?*». «*Так и свистит по живому мясу: / Крысы-запасы!*».

Прилагательное *живой* часто употребляется в перифразе *живое мясо* – люди, животные.

В 4-й главе встречаются реализации концепта в значениях: 1) «обитать», 2) жизнь как «окружающий мир, внешнее бытие», 3) существование, процесс существования, 4) живот, 5) качество «не жысть», 6) спать «домертва»; 7) жизнь – борьба занимает место среди смыслов жизни как внешнего присутствия в мире, 8) промежуток времени, длительность, 9) в значении «имущества», 10) в значении деятельность, 11) струна, музыка.

«*Прижились*», – / *Эта слизь называется – жизнью!*; «*Без борьбы человек не живет. / – У меня отрастает живот:/ До колен, как у царских крыс. / – У меня - так совсем отвис. // – Без борьбы человек не жилец! / – У меня разминулся жилет / С животом: не разлад, а брешь. / – У меня объявилась плешь. // – Житие – не жысть! / – Разучился грызть! / – Не поход, а сладсть! / – Разучился красть!*»; «*Перекорм. // Пересып. / Ели б досыта – не пошли б, / Спали б домертва – не прошли б / Ни километра, ни шестой: / Перестой.*»; «*Праздник кастрюль. / Ратсгерры, дожили: / Крысы уложены.*»; «*– Грету? Не Греты у нас и нет: / В землях живем германских.*»; «*– Полную житницу / Девоньку? / – Жните же!*»; «*– Мешанина из бычьих жил, / Деревя и сноровки.*»; «*Музыка? Тиф – / Музыка! Взрыв! / По степи – скиф! / Жил перерыв!*»; «*Необоримая! Так алмаз / Жив в черноте пожара*».

Для творчества М. Цветаевой семантическим ядром понятия жизни всегда, как известно, оставалось экзистенциальное представление человека, связанное с его божественной составляющей и реализацией. При этом в качестве

проводника между миром горным, духовным и миром дольным, физическим является искусство в целом и музыка, поэзия в частности:

«Рабской сущности ундергунд – / Музыка – есть – бунт». Обратим внимание на то, что знаки тире у М. Цветаевой здесь выступают как средства подчеркивания экзистенциального компонента, т. е. формальные средства наполняются семантическим значением и даже получают философское наполнение.

В поэме «Крысолов» чётко разделяется земная и вечная жизнь. Представителем земной, неполноценной, внешней, конечно же, является Гаммельн. Представителем же вечной жизни, посредником и проводником является Музыкант:

«В городе Гаммельне вечных благ / Нет, хоть земных и густо. // Геня с Гаммельном – тот же брак, / Что соловья с капустой».

Одним из составляющих понятийной сферы концепта «жизнь» является образ существования, «счастливое существование в полном довольстве». И в таком существовании бюргеры отказывают Музыканту:

«Вам – миродержствовать, нам – родить: / Здесь близнецы, там тройня. // Но музыканту счастливым быть - / По'просто непристойно!»

Право на сладкую жизнь, по их мнению, имеют только смертные (человек, который когда-либо умрет или устар. – относящийся к смерти).

«Так предоставьте же сладкий кус / Обыкновенным смертным!»; «Не мудрено: на земле живут, / Не в облаках витают».

«Сладкий кус», «счастливым быть» и т.д. – все это сомнительные земные блага, однако, являются «лживыми» и неистинными, не соответствующими сущности и предназначению человека. Иначе дети не последовали бы за флейтистом.

Музыкант не относится к смертным, он находится в двух измерениях, а если следовать за текстом, то выявляется, что музыкант – демон, поэзия, которая освободила детские души:

«В день, когда сбросит дух / Тело: чехол последний. / Гаммельн – не в царстве душ».

Жизнь в городе трактуется как сон, как неполноценное бытие, а пробуждение детей утром перед тем, как их увел флейтист – как пробуждение ото сна к жизни, освобождение духа или высвобождение души, обреченной ранее на растрение и утрату духовности, в городе спят мертвецы-жители: *«Сейчас проснусь. // Спит сурок, спит медведь. / – Спать не сметь! не сметь! не сметь! // Спит мертвец, спит индус. / – Отосплюсь – просплюсь – просплюсь».*

По определению многих исследователей и самой М. И. Цветаевой, *«Охотник – Дьявол – Соблазнитель – Поэзия.*

Бургомистр – быт.

Дочка бургомистра – Душа.

Крысы – земные заботы, от которых Охотник освобождает город».

Однако «Крысолов» назван автором лирической сатирой, исследователями не остались без внимания ни цвет крыс – красный (цвет большевиков), ни явно политический и злободневный подтекст. Поэму можно трактовать по-разному, но стоит обратить внимание и на религиозно-мифологический пласт и на другие уровни. В тексте прямо указывается на то, что Грета – Душа, а сделка с Крысоловом очень напоминает сделку с дьяволом с закладыванием души, невыполненное обещание – отказ Музыканту в награде, приводит к потере этой души и всех детей города (маленькие чистые души).

«Грета, Грета, попалась в сеть! // Легче уши свои узреть, // Нежель душу. / – Камыши, шуриши! / Не видать как своей души».

Путь детей за Музыкой расширяет базовое концептуальное содержание неполноты, односторонности жизни и осмысливается автором как уход от земной плоскости существования к другому берегу (реализация на образном уровне жизнь – река): вечному, нестареющему, тихому, воскресному – рождение

в вечную жизнь. В поэме мерцают мотивы земной жизни, смерти, воскрешения, как рождения в вечную жизнь.

«Рож – девственный стол /В древнейшей из школ»; «Без следа! / Говорят, что сегодня среда: / День труда. / В том краю воскресенье всегда. // Жить — стареть, / Неуклонно стареть и сереть. / Жить – врагу! / Все, что вечно – на том берегу!»; «Лейтесь, лейтесь, розы щечные, / В воду вечную, проточную»; «Вечные сны, бесследные чащи... /А сердце все тише, а флейта все слаще... / – Не думай, а следуй, не думай, а слушай./ А флейта все слаще, а сердце все глуше... // – Муттер, ужинать не зови! // Пу – зы – ри».

Таким образом, мы приходим к выводу, что концепт «жизнь» реализуется в поэме «Крысолов» на образном уровне через детей и Грету, которые целостны (плоть+душа), и характеризуется для них так:

- 1) преодолением состояния земного сна;
- 2) переходом реки жизни;
- 3) вступлением в состояние вечного сна.

При этом слово *сон* употребляется как эквивалент *жизни*, разделенной на определенные фазовые промежутки. Таким образом, концепт «жизнь» в поэме М. И. Цветаевой «Крысолов» не изолирован, не автономен, а воплощается на фоне других концептов, вместе с которыми принимает участие в создании художественных образов, в реализации авторского замысла, идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер: Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – Вып. 2 (66). – С. 74–79.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.

3. Деева Н. В. Концепт «жизнь»: понятийная и символическая составляющие / Н. В. Деева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 83–89.
4. Ипанова О. А. Жизнь / О. А. Ипанова // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Том 2. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 146–166.
5. Карасик В. В. Языковой круг, личность, концепты, дискурс / В. В. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Ковальчук Е. Г. Концепт «смерть» в поэзии В. Высоцкого / Е. Г. Ковальчук // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : СГУ, 2003. – С. 128–136.
7. Кузьмина Н. А. Культурные знаки поэтического текста / Н. А. Кузьмина // Вестник Омского университета. – 1997. – № 1. – С. 74–78.
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособ. / В. А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2001. – 208 с.
10. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
11. Муллагалиева А. Г. Функционально-семантические особенности слов этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке / А. Г. Муллагалиева // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20-23 марта 2007 г.). – М. : Изд-во Московского гос. ун-та. – 2007. – С. 73–74.
12. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : Дис. ... д-ра филол. наук / Ольга Вячеславовна Орлова. – Томск, 2010. – 425 с.

13. Осипова А. А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В. П. Астафьева / А. А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 200 с.
14. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
16. Туктангулова Е. В. Ключевое слово – словообраз–художественный концепт как универсальные текстообразующие константы художественного текста / Е. В. Туктангулова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 105–109.
17. Туктангулова Е. В. Художественные концепты «жизнь» и «смерть» как репрезентанты словообраза «природа» в идиостили Н. А. Заболоцкого : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Туктангулова. – Ижевск, 2007. – 21 с.
18. Хлопкова Е. В. Полевая структура концепта «жизнь» / Е. В. Хлопкова // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20-23 марта 2010 г.). – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2010. – С. 277–278.
19. Чернейко Л. О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира / Л. О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50–59.
20. Чекулай И. В. Концепты *жизнь* и *смерть* как отражение высших ценностей в языке и речи / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : [сб. матер. междунар. научн. конф.]. – Вып. 9. – Ч. 1. – Белгород, 2006. – С. 209–216.
21. Чумак О. С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б. Л. Пастернака (на материале романа «Доктор Живаго») : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. С. Чумак. – Саратов, 2004. – 24 с.

22. Чурилина Л. Н. Концепт как элемент картины мира языковой личности и текста: пути реконструкции / Л. Н. Чурилина // Проблемы лингвистической семантики: Межвуз. сб. науч. работ. – Вып. 2. Череповец: Изд-во ЧТУ, 2001. – С. 82–96.
23. Якунина В. В. Вербализация концепта 'смерть' в языковой личности Велимира Хлебникова / В. В. Якунина // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20-23 марта 2010 г.). – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2010. – С. 733–734.
24. Ярошенко Н. А. Репрезентация концепта «долг» в русской языковой картине мира (по данным «Национального корпуса русского языка») / Н. А. Ярошенко // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2009/2. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – С. 55–66.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

25. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
26. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Т. 1: А–З. – М.: Цитадель, 1998. – 1743 стб., VIII с.
27. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.
28. Словарь русского языка в 4-х томах. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1981–1984.
29. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышева. – Т. 4. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 1364 с.
30. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т / М Цветаева. – Т. 4. – М.: «Эллис Лак», 1994. – 592 с.
31. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1989. – 511 с.

32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : Пер. с нем и доп. акад. О. Н. Трубачева / М. Фасмер. – В 4 т. – Т. III (Муза–Сят). – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.

33. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – Т. 1 : А – Пантомима. – М. : Русск. яз. – Медиа, 2007. – 621 [3] с.

Е. М. Назарова

(научн. рук. – доктор филол. наук., проф. О. А. Горбань)

ГЛАГОЛЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Волгоградский государственный университет

В связи с возросшим интересом к анализу функционально-смысловой стороны языковых единиц внимание многих исследователей уделяется семантическим классам русских глаголов: глагол – самая сложная часть речи, обозначающая не отдельные явления, а целые ситуации и выступающая организующим центром предложения. Изучение семантики и функционирования глагола в древнерусских памятниках письменности позволяет полнее представить историю лексической системы русского языка, а также выявить отразившиеся в ней представления человека о мире, что актуально для понимания истоков и традиций русской лингвокультуры. Результаты такого исследования имеют значение для исторической лексикологии русского языка, лингвокультурологии, могут быть использованы в преподавании соответствующих учебных курсов, а также в лексикографии.

Объектом исследования избрана глагольная лексика, выражающая межличностные отношения в «Повести временных лет» по списку Лаврентьевской летописи.

Глаголы межличностных отношений номинируют ситуации, демонстрирующие отношения между людьми в их повседневной жизни. Под межличностными отношениями понимаются «субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [5, с. 8]. Эта лексико-семантическая группа привлекает внимание многих ученых. По мнению М. В. Румянцевой, ее общее значение определяется как ‘взаимное общение, связь между кем-нибудь, образующаяся на какой-либо почве’ [4, с. 8]. Т. П. Акимова предлагает рассматривать данные глаголы как «антропоцентрические единицы», поскольку в их значение в качестве компонента входит смысл «человек» [1, с. 18].

В своей работе мы опираемся на классификацию глаголов, предложенную коллективом ученых под руководством Л. Г. Бабенко [ТСРГ, с. 593–606]. В «Повести временных лет» нами выделены глаголы эмоционально-оценочного отношения, внешнего проявления отношения, контакта.

Глаголы **эмоционально-оценочного отношения** передают отношение человека к окружающим его людям, сопровождающееся переживанием определенных чувств. В «Повести временных лет» можно встретить выражение как положительных отношений и чувств, так и отрицательных.

К единицам, обозначающим положительное отношение, можно отнести глаголы *жаловати, щадѣти, любити*. Например, *любити* в большинстве встречаемых контекстов означает любовь, привязанность к другим людям: *Мьстиславъ . дебель тѣломь . чермень лицемъ . великъма вчима . храборъ на рати . млѣтвъ . любаше дружину по велику . имѣнья не щадаше ни питья . ни ѣденья бранаше* [ПСРЛ, 1036, стб. 150].

Единицами, обозначающими отрицательное отношение, являются такие глаголы, как *презрѣти, ненавиѣти*. Самый частотный из них – *ненавидѣти*, он используется для описания чувства сильнейшей вражды,

неприятни: *аще кто р^четь . люблю Ба^а брата своего **ненавижду** ложь есть .* [ПСРЛ, 1078, стб. 203].

К глаголам **внешнего проявления отношения** в тексте «Повести» относятся *благословити, плакаться* и др. Например: *вн же послушавъ юго постриже и . нарекъ има юму Антонию ... блгсви и и ѿпусти юго рекъ юму иди с миромъ .* [ПСРЛ, 1051, стб. 156]. В приведенном контексте положительное отношение внешне выражается жестом благословения.

Глаголами внешнего проявления отношения передаются также эмоциональные, внутренние переживания, например при описании плача Ярополка по убитому брату: *и посла Ярополк^в искать брата . и влачиша трупъе изъ гробли . ѿ оутра и до полуднѣ . и налѣзоша и Гдѣлга въсподи трупья . внесоша и и положиша и на коврѣ . и приде Ярополкъ надъ немъ **плакаса*** [ПСРЛ, 977, стб. 75].

Глаголы **контакта** в памятнике отмечены только в значении «вступать в брак, жениться». Это значение выявляется только в контексте, оно может передаваться, например, описательно глагольно-именными сочетаниями: *Сотвори миръ Стѣполкъ с Половци . и **поя собѣ жену** дщерь Тугорканю . кнѣзѣ По^лвца^с* [ПСРЛ, 1094, стб. 226].

Глагольные лексемы функционируют в тексте «Повести временных лет» чаще всего в прямых значениях. Однако встречаются и случаи переносного употребления. Так, глагол *поклонитися* означает внешнее проявление отношения (уважения, почтения) телодвижением (поклоном), однако в следующем контексте он реализует значение «поклоняться, почитать», выражая эмоционально-оценочное отношение: *Придоша Болгары в[ѣ]ры Бохъмичѣ . глѣще яко ты князь еси мудръ и смыслень . не вѣси закона . но вѣруи в законъ нашъ . и **поклониса** Бохъмиту* [ПСРЛ, 986, стб. 84]. При этом глагол остается в рамках рассматриваемой лексико-семантической группы, такой тип изменения характеризуется как семантическая модуляция [3, с. 80–81].

Межличностные отношения в некоторых случаях выражаются глаголами других лексико-семантических групп в результате

семантической деривации. Так, глагол *обратится* означает движение, однако в метафорическом контексте в сочетании со словом *сердце* он означает эмоционально-оценочное отношение: *Бѣ велитъ жити . глѣтъ бо пррѣкъмъ намъ . ѡбратитеса ко мнѣ всѣмъ срѣцмъ вашимъ . постомъ . и плачемъ* . [ПСРЛ, 1068, стб. 168].

Отношение может передаваться словосочетаниями, в которых рассматриваемая семантика выражается не глаголом, а именем существительным, например *имѣти любовь*, т.е. «любить»: *да пишу къ великому князю вашему . и послеть к намъ елико же хочемъ . и ѡтоле оувѣдать ины страны каку любовь имѣютъ . Гръци съ Русью* . [ПСРЛ, 945, стб. 52], здесь *любовь* означает «мир, мирное соглашение», а все сочетание – «живут в мире между собой».

Метафоризация, семантические изменения слов придают повествованию образность и усиливают эмоциональное воздействие на читателя. При помощи глаголов межличностных отношений в тексте утверждаются высокая духовность, благочестие, любовь к ближнему и другие христианские ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Т. П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2003. – 24 с.
2. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов : Саратовский гос. ун-т, 1981. – 194 с.
3. Лопушанская С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола : уч. пособие. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.
4. Румянцева М. В. Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01. – СПб., 2003. – 17 с.

5. Фролова М. В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х гг. XX в. (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2008. – 18 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

6. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянной историко-археографической комиссией АН СССР: Т. I: Лаврентьевская летопись; Вып. 1: Повесть временных лет. – Ленинград : АН СССР, 1926. – 286 стб.

7. ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

В. И. Немченко

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛОВ ЧУВСТВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале глаголов *гневаться-гніватися, злиться-злитися*)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Современное состояние развития лингвистики характеризуется появлением значительного числа синхронно-сопоставительных исследований разных уровней языковых систем. При этом активизация работ сопоставительного характера свойственна не только языкознанию, но и литературоведению, культурологии, истории литературы. Что касается сопоставительной лексикологии, то, по словам В. Н. Манакина, она «пока ещё находится на начальном этапе своего становления» [6, с. 18]. Вместе с тем, как отмечает М. П. Кочерган, «такое состояние сопоставительной лексикологии не может удовлетворять современное языкознание, поскольку именно лексика определяет фундаментальные признаки языковой структуры» [5, с. 294]. Исследователь также обращает внимание на тот

факт, что полный сопоставительный анализ лексико-семантических систем языков должен охватывать сопоставление на всех уровнях лексико-семантической системы, т. е. на уровень значений, лексем, лексико-семантических групп, лексико-семантических полей. Следовательно, контрастивный анализ лексико-семантических систем языков должен базироваться на принципе системности (см. [5, с. 295–296]).

Объектом исследования предлагаемой статьи являются глаголы чувств *гневаться, гніватися, злиться, злитися* в русском и украинском языках. В то время как **предметом анализа** выступают семантические структуры названных глаголов, рассмотренные в сопоставительном аспекте с целью выявления сходств и различий между ними. Данная статья является частью более широкого исследования, посвященного сопоставительному анализу глаголов чувств в русском и украинском языках.

Глаголы, как известно, характеризуются многозначностью и имеют богатую семантику. Как утверждает В. А. Звегинцев, сравнивая многозначность одних и тех же слов в разных, особенно в родственных, языках, нельзя не заметить известной закономерности в развитии самой многозначности. Значения слова в одном языке имеют много общего с значениями того же слова в другом родственном языке [2, с. 17].

Материал исследования был собран методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей русского и украинского языков [7–10].

Цель работы заключается в том, чтобы провести сопоставительный компонентный анализ глаголов *гневаться, гніватися, злиться, злитися* в русском и украинском языках.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

1. На основе анализа данных авторитетных толковых словарей сопоставляемых языков уточнить семантические структуры названных глаголов.

2. Провести компонентный анализ лексических значений рассматриваемых глаголов, выявить дифференциальные и интегральные семы.
3. Сопоставить семантические структуры глаголов *гневаться, гніватися, злиться, злитися* путем сравнения выделенных сем.

Осуществляя сопоставительный анализ семантической структуры глаголов, выделяем в лексических единицах составные элементы путем сравнения их с другими единицами, которые имеют с ними семантическую общность. Как известно, для описания лексических значений наиболее эффективным является метод компонентного анализа. Как отмечает З. И. Комарова, «компонентный анализ (в своём классическом варианте) – это методика исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в разложении значения на минимальные семантические составляющие с целью выявления и представления семантической структуры этих единиц» [3, с. 432]. По определению М. П. Кочергана, компонентный анализ — это «система приемов лингвистического изучения значений слов, сущность которой заключается в расщеплении значения слова на составные компоненты, которые называют семами, семантическими множителями, маркерами» [4, с. 245]. Именно на основании этих признаков (компонентов) лексические единицы различаются между собой или объединяются. Как отмечает М. П. Кочерган, «описание лексических значений с помощью данного анализа компактно и удобно», поскольку «неограниченное количество словесных значений можно описать и систематизировать в виде ограниченного числа тех же самых компонентов» [4, с. 245].

Систематизация фактического материала представлена в таблице 1 и таблице 2.

Анализ словарных дефиниций рассматриваемых глаголов дает в первую очередь возможность сопоставить анализируемые лексические значения по наличию (отсутствию) в их структуре определенных сем.

Таблица 1

**Семантические структуры глаголов *гневаться-гніватися,*
злиться-злитися в русском и украинском языках**

Глагол	Семантическая структура
ГНЕВАТЬСЯ	<p>1. Испытывать гнев. 2. Испытывать сильное негодование. 3. Сердиться [Кузнецов 2000].</p> <p>1. Испытывать, проявлять чувство гнева. 2. Испытывать чувство неудовольствия. 3. Сильно сердиться [БАС].</p> <p>1. Испытывать чувство сильного негодования. 2. Испытывать чувство возмущения. 3. Испытывать чувство крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо [Ефремова 2000].</p>
ГНІВАТИСЯ	1. Виразати гнів. 2. Виразати роздратування. 3. Сердитися [СУМ 11].
ЗЛИТЬСЯ	<p>1. Испытывать злость. 2. Сердиться на кого-либо, что-либо [Кузнецов 2000].</p> <p>1. Испытывать чувство раздражения. 2. Сердиться [БАС].</p> <p>1. Испытывать злобу. 2. Сердиться [Ефремова 2000].</p>
ЗЛИТИСЯ	1. Виявляти почуття злості. 2. Роздратування. 3. Сердитися [СУМ 11].

Таблица 2

**Семантические структуры существительных, соотносимых с со
значениями глаголов *гневаться-гніватися,*
злиться-злитися в русском и украинском языках**

Существительное	Семантическая структура
ГНЕВ	Чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления [Кузнецов 2000].
НЕГОДОВАНИЕ	Крайнее недовольство, возмущение [Кузнецов 2000].
НЕУДОВОЛЬСТВИЕ	Чувство недовольства, неодобрения по отношению к кому-, чему-л. [Кузнецов 2000].
ВОЗМУЩЕНИЕ	Крайнее недовольство, негодование, гнев [Кузнецов 2000].
ЗЛОСТЬ	Злое, раздражённо-враждебное чувство; злоба [Кузнецов 2000].
ЗЛОБА	Чувство злости, недоброжелательности, враждебности по отношению к кому-л. [Кузнецов 2000].

РАЗДАРАЖЕНИЕ	к <i>Раздразжить</i> — <i>раздразжать</i> и <i>Раздразжиться</i> — <i>раздразжаться</i> . Привести в состояние недовольства, досады, злости [Кузнецов 2000].
ЗЛІСТЬ	1. Почуття недобррозичливості; злоба (у 1 знач.). 2. Почуття роздратування, гніву, досади; розлюченість [СУМ 11].
ЗЛОБА	1. Почуття недобррозичливості, ворожнечі до кого-небудь. 2. Почуття роздратування, гніву, досади; розлюченість [СУМ 11].
ГНІВ	Почуття сильного обурення; стан нервового збудження, роздратування [СУМ 11].
РОЗДРАТУВАННЯ	Дія і стан за знач. <i>роздратувати, роздратовувати і роздратуватися, роздратовуватися</i> . Дратуючи, доводити кого-небудь до збудженого стану, викликати гостре невдоволення, злість [СУМ 11].

Итак, сопоставление лексических значений, указанных в таблице 1, позволяет выделить **интегральную сему** – ‘испытывать, проявлять гнев, злость’. Она является общей для лексических значений глаголов *печалиться, печалитися, страдать, страждати*.

Однако для того, чтобы уточнить значения слов и показать, чем они отличаются друг от друга, укажем на дифференциальные семы. Глаголы отличаются друг от друга такими **дифференциальными признаками**, как ‘негодование’, ‘неудовольствие’, ‘сердиться’, ‘раздражение’, ‘возмущение’, ‘злоба’, ‘крайнее’, ‘сильно’, ‘на кого-либо’, ‘на что-либо’, ‘кем-либо’, ‘чем-либо’.

Дифференциальные семы анализируемых глаголов уточняют

- **характер проявления чувства** (‘негодование’, ‘неудовольствие’, ‘раздражение’, ‘возмущение’, ‘злоба’) – см. уточнение этих маркеров в таблице 2;
- **степень проявления чувства** (‘сильно’, ‘крайнее’);
- **способ проявления чувства** (‘сердиться’);
- **причину проявления чувства** (‘кем-либо’, ‘чем-либо’);

- **указывают на объект проявления чувства** (‘на кого-либо’, ‘на что-либо’).

Компонентный анализ, проведённый в сопоставительном ключе, показывает, что многие значения глаголов *гневаться*, *гніватися*, *злиться*, *злитися* в русском и украинском языках являются общими. Данные глаголы являются синонимами, следовательно, их семантика также синонимична. И в русском, и в украинском языке в семантических структурах рассматриваемых глаголов их основная сема (‘испытывать, проявлять гнев, злость’) широко представлена в семантических структурах рассматриваемых слов обоих языках. Различие в значениях можно выявить, лишь конкретизировав семантику, т.е. указав дополнительные характеристики (с помощью вычленения дифференциальных сем).

Таким образом, в работе были описаны, сопоставлены и проанализированы лексические значения глаголов *гневаться*, *гніватися*, *злиться*, *злитися* русского и украинского языков. Был осуществлен компонентный анализ словарный дефиниций, в ходе которого были выделены интегральная сема, а также ряд дифференциальных сем. Дополнительно были указаны характеристики дифференциальных сем. Проведённый сопоставительный компонентный анализ в целом свидетельствует о том, что между семантическими структурами глаголов *гневаться*, *гніватися*, *злиться*, *злитися* в обоих сопоставляемых языках прослеживается больше общих признаков, чем отличительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Изд-во «Международные отношения», 1977. – 264 с.
2. Звєгинцев В. А. О принципах семасиологических исследований: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук/ В. А. Звєгинцев. – Москва, 1954. – 32 с.
3. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособ. / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
4. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган. – К. : ВЦ «Академія», 2006. – 367 с.
5. Кочерган М. П. Основи зїставного мовознавства / М. П. Кочерган. – К. : ВЦ «Академія», 2006. – 424 с.
6. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

7. Ефремова 2000: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова : В 2 т. – М. : Русск. яз., 2000.
8. Кузнецов 2000: Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
9. БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышева. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948-1965.
10. СУМ 11: Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1970-1980.

А. Д. Панченко

(научн. рук. – ст. преп. В. Ю. Светличная)

ПРИЁМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе ДНР»*

*Реклама – самая интересная и самая трудная форма
современной литературы*

Олдос Леонард Хаксли

На данный момент реклама все больше привлекает внимание в качестве объекта исследования, так как она стала неотъемлемой частью нашей жизни. Сегодня, во времена господствования рыночных отношений, реклама не дает возможности «спрятаться» от непрерывного потока информации. Рекламные ролики и сообщения транслируются по телевидению, радио, в сети Интернет общественном транспорте и местах общественного пользования, на работе и дома. Массовое распространение рекламы говорит о том, что данный феномен больше игнорировать невозможно. «Двигатель торговли» рассматривается с точки зрения целого ряда наук, таких как журналистика, лингвистика, экономика, история, социология, правоведение и т. д. При этом лингвистические и психологические аспекты находятся на стадии осознания и требуют особого изучения.

Актуальность темы обусловлена тем, что рекламные тексты не просто оказывают давление на покупателя, они превращаются в средство общения между производителем и потребителем. То есть выступают в качестве массовой маркетинговой коммуникации, имеющей свою форму и содержание, которая воздействует на сферы жизни человека и общества. Кроме того, для нас особенно важен анализ рекламных текстов, в условиях притока товаров и услуг неизвестных широкому кругу потребителей.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей использования приемов языковой игры в рекламном тексте, влияющих на потенциального потребителя.

Исследованием рекламного текста, вопросами культурологических и лингвистических аспектов, а также анализом восприятия рекламы занимались такие ученые, как Э. С. Гальперин, А. А. Некрылова, В. В. Ученнова, Д. Э. Розенталь, Е. В. Медведева, D. Ogilvy, H. Sampson, A. Goddard и др. [8]. Таким образом, реклама как форма массовой коммуникации, а также языковые средства влияния на аудиторию посредством агитационной продукции находятся в центре внимания ученых.

Массовая коммуникация представляет собой обширную сферу распространения и развертывания линии связи, орудием которой выступает телевидение, пресса, радиовещание, Интернет и т. д. Именно массовая коммуникация отражает сложные формы речевого взаимодействия того общества, в котором осуществляется [2, с. 43].

Реклама является одной из форм массовой коммуникации, где создаются и распространяются оплаченные заказчиком информативные образы о товарах и услугах, с целью воздействия на сознание потребителей для побуждения к нужному рекламодателю приобретению [9].

Необходимо конкретизировать использование терминов «реклама» и «рекламный текст». Преимущественно данные понятия отождествляются. В настоящей работе под использованием термина «рекламный текст» подразумеваются вербальные составляющие рекламы. Т.е. с точки зрения филологии, реклама – это особая сфера деятельности, продуктом которой являются словесные произведения [4, с. 173]. Отличительной особенностью текста рекламы является его сжатость. Как отмечают авторы книги «Язык рекламных текстов» Д. Э. Розенталь, Н. Н. Кохтев, основным правилом рекламного текста является максимальная передача информации, при минимальном использовании слов [10, с. 26].

Процесс рекламной коммуникации опирается на социально-психологические характеристики, а также пытается в какой-либо мере их изменить. Психологический подход позволяет оценить зависимость конечной цели рекламного воздействия от структурных элементов речевой коммуникации, представленной рекламным текстом.

Главная задача современной рекламы – обратить на себя внимание. При этом, речевая изобретательность выступает в качестве основного средства, способного поразить или рассмешить, чтобы оставить в памяти след. Для этого рекламодатели нередко прибегают к приемам языковой игры.

Языковая игра является определенным типом речевого поведения говорящих, основанном на преднамеренном нарушении системных отношений языка, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект [6].

В частности, в рекламных текстах получили широкое распространение такие языковые приемы:

- использование метафор: *«Обвал цен»* (реклама в торговых центрах), *«“Ред булл” окрыляет»* (реклама энергетического напитка), *«Одежда с характером»* (реклама магазина одежды), *«Чай со вкусом лета»* (прохладительный напиток «Найс Ти»).

- гиперболизация: *«Шоколад “Баунти”, райское наслаждение»*, *«Больше, чем радость. Больше, чем вкус. Больше, чем йогурт»* (йогурт «Эрмигурт»);

- антитеза, антонимия, оксюморон: *«Больше молока, меньше какао!»* (реклама продукции фирмы «Киндер Шоколад»), *«Большой и компактный»* (реклама автомобиля «Opel»), *«Ледяная свежесть для обжигающей близости»*, *«Горячий, как лед»* (реклама драже фирмы «Eclipse»), *«Минимум калорий — максимум наслаждений»* (реклама напитка «Coca-Cola light»);

- употребление заимствований: *андеграунд, грант, дайджест, паблисити, гамбургер, чизбургер, ленч, консалтинг, клипмейкер, римейк;*

- неологизмы: «*Чистотайд*» (реклама стирального порошка Tide), «*Сникерсни!*» (реклама шоколадного батончика), «*Чупсуйтесь вместе*» (реклама ТМ Chupa Chups);

- жаргонизмы: «*Ничоси*» (название заведения общественного питания), «*“Твикс”. Сделай паузу – оторвись по полной*» (реклама шоколадного батончика), «*“Спрайт”. Забей на жажду! Живи по своим правилам!*» (реклама напитка), «*“Skittles”. Не кисни – на радуге зависни!*» (реклама жевательных конфет);

- использование языковых маркеров: *фантастический ряд свойств, эпохальное решение, гигантский, эксклюзивный, самый лучший, новый, совершенный, головокружительный, идеальный* и др. [1; 3; 4; 11].

Особенно важно учитывать качество и уместность используемых языковых средств, анализируя рекламный текст как форму массового взаимодействия, где одна из основных составляющих – эффект коммуникации, который подразумевает у получателя рекламного сообщения изменение в знаниях, изменения относительно устойчивых представлений аудитории и изменение поведения [5].

В погоне за прибылью рекламодатели используют «остроумные» языковые средства, которые привлекают внимание своей формой, зачастую с потерей чувства меры. Например, названия заведений общественного питания «*Е-Бургер*», «*Пиц-Дон*», а также служба такси «*А Уедь*».

Другим, не менее непристойным, является случай использования хештега с языковым сдвигом: *#сказочноебали*. В данной пометке используется такой языковой прием, как сдвиг. Сдвиг – слияние двух звуков (фонем), или двух слов как звуковых единиц, в одно звуковое пятно [7, с. 5]. Хештег – тип пометки или тега, используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию [12]. Хештеги применяют в рекламной продукции как способ

отсылки к появившемуся тренду в интернете или в попытке создать такой тренд. Представленный хештег за короткие сроки приобрел популярность, что свидетельствует о снижении уровня языковой культуры. Филологи выражают уверенность в том, что регулирование подобных ошибок должно происходить на государственном уровне.

Известно, что реклама нагружена манипулятивными, психологическими, социальными и лингвистическими приемами, однако информация, содержащаяся в рекламном тексте, воздействует не только на область рыночного потребления, но также оказывает влияние и на культурную сферу общества. Именно поэтому, анализируемые примеры рекламного текста подтверждают, что одной из наиболее важных тенденций изучения и формирования современной рекламы является вопрос уместности, нормативности и корректности употребления языковых средств.

В сегодняшнем рекламном тексте присутствует характерная черта современного постмодернистского мировоззрения – демократизация. Несомненно, употребление образных языковых приемов служит рекламистам в целях оживления агитации и придания ей выразительности. Это способствует стиранию разграничения между сферами рекламы и искусства. Употребление метафор, гипербол, антитез и т.д. позволяет утверждать о взаимопроникновении и взаимодополнении данных областей. При этом необходимо учитывать, что языковые приемы срабатывают лишь при грамотном использовании подходов. Однако, как мы видим, современные рекламные тексты зачастую злоупотребляют использованием элементов нелитературного языка и заимствований. Это приводит к тому, что в рекламе XXI века происходит превращение иноязычных слов в «ярлыки престижности», а жаргонизмы искажают представление о правильности и нормативности речи у широкого круга потребителей рекламной продукции.

Следовательно, производителям, при использовании языковых средств в рекламных текстах, нельзя забывать о нормах морали и культурных традициях русскоязычного потребителя, чтобы сохранить

менталитет и определенный уровень культуры общества. Основной целью современной рекламы должно выступать превознесение того, что сделало человека человеком, – интеллект и духовность. Ведь реклама участвует в передаче ценности жизни и воспитании элементов поведения в обществе. В погоне за самовыражением и отрицанием общепринятого особенно важно избегать вседозволенности, которая приводит к разрушению языковых норм.

Перспективность дальнейшего исследования состоит в выявлении и изучении манипулятивных тактик и лингвистических аспектов воздействия на формирование ценностных и культурных ориентаций аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтина М. Б. Жаргонизмы в текстах телерекламы // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 1. – С. 41–44.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
3. Жданова Е. Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. – 2015. – № 2–1. – С. 82–85
4. Зирка В. В. Рекламный текст: предпочтение манипулятивной лексике / В. В. Зирка. – С.172–174.
5. Ивановский В. Н. Методологическое введение в науку и философию. – Минск, 1922. – т. 1., 239 с.
6. Кругосвет. Языковая игра [Электронный ресурс] / – Режим доступа : [http : // www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_IGRA.html](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_IGRA.html) (Дата обращения : 07.11.2016).
7. Крученых А. Е. Сдвигология русского стиха : Трактат обижальный (Трактат обижальный и поучальный): Кн. 121 / А. Крученых. – М. : Тип. ЦИТ, 1922. – 46 с.

8. Неговорова И. В. Лингвопрагматические особенности слогана как репрезентация рекламы в русском и английском языках: гендерный аспект : Автореф. дисс. ... кан. филол. наук / И. В. Неговорова. – Майкоп, 2012. – 25 с.
9. Огородникова Е. М. Реклама как форма массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е. М. Огородникова // RELGA. – № 11 (113). – 2005 / – Режим доступа : [http : //www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=575&level1=main&level2=articles](http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=575&level1=main&level2=articles) (Дата обращения : 07.11.2016).
10. Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. – М. : Высш. шк., 1981. – 125 с.
11. Рябкова Н. И. Языковые особенности современной рекламы / Н. И. Рябкова // Материалы научно-практической конференции «Коммуникативные стратегии XXI века» (29 апреля 2009 г.). – СПб. : СПбГУСЭ, 2009. – С. 73–80
12. Словари XXI века. Хэштег про сказочный Бали стал событием дня на федеральных каналах [Электронный ресурс] / Режим доступа : [http : //slovari21.ru/news/3131](http://slovari21.ru/news/3131) (Дата обращения : 07.11.2016).

И. В. Папиш

(научн. рук. – доктор филол. наук, доц. И. А. Герасименко)

**ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ
МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ**

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ
им. В. И. Вернадского» в г. Ялте*

Современное общество в большой мере подвержено оценочной деятельности сознания в культуре и дискурсе. Это явление ярко прослеживается при анализе оценочной лексики русского языка. По данным лексикографических источников и наблюдений учёных её состав

достаточно велик (около 40 % [2]). Показательно, что в последнее время заметно усилилось использование оценочных слов сниженной стилистической окраски (жаргонизмов, просторечия), что приводит к обеднению словарного запаса носителей языка. Известно, что источником формирования речевой культуры ребёнка являются семья, школа, книги, общение с ровесниками, а также средства массовой информации. Наибольшим спросом среди детей пользуются мультфильмы, которые являются одним из источников пополнения их словарного запаса. Нет сомнений в том, что «мультфильм для ребенка – авторитет, пример для подражания» [1, с. 36]. Мультфильм для ребенка – это целый, единый мир, в нём существуют свои правила, которые ребёнок невольно транслирует на реальность. Через мультфильмы дети узнают и понимают, что такое «хорошо» и что такое «плохо», к чему приводят те или иные действия. Через мультфильм дети познают мир и начинают применять в жизни знания, полученные из мультфильмов (например, начинают использовать лексику героев), подражают героям мультфильмов. Цель работы – проанализировать оценочную лексику, используемую в детском анимационном сериале «Смешарики», на предмет соответствия нормам современного русского литературного языка и типологии оценки.

Данный сериал создан в рамках культурно-образовательного проекта «Мир без насилия», входящего в федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе». «Смешарики» созданы при поддержке Министерства культуры Российской Федерации с участием компании «Мастер-фильм» на студии компьютерной анимации «Петербург». На сегодняшний день проект «Смешарики» является комплексной детской программой национального масштаба, охватывающей разнообразные сферы интересов и увлечений детей дошкольного и младшего школьного возраста, в том числе и художественные тексты детской литературы, созданные на основе анимационных сценариев. Исключительную культур-

но-образовательную значимость данного творческого проекта подчеркивает факт присуждения «Смешарикам» Государственной премии за 2008 год в номинации «социально-воспитательная программа» [4].

Как известно, оценочная лексика связана с категорией оценки – совокупностью разноуровневых языковых единиц, объединённых оценочным значением и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Характерной особенностью выражения оценки является возможность усиления или ослабления признака «хорошо» или признака «плохо». Фактически человек познает окружающий мир через оценку, и практически все предметы могут стать объектами оценки. Оценка признается одной из важнейших сторон интеллектуальной деятельности человека и находит своё отражение в языке.

Самый главный критерий, который различают дети (а мультфильмы ориентированы именно на эту аудиторию), – это оценка, лежащая в плоскости «хорошо – плохо». Лексемы, вербализующие оценку, представлены в «Смешариках» книжными и разговорными языковыми знаками разных частей речи – именами прилагательными, наречиями, существительными. К книжным лексемам, семантика которых проявляется в контексте (как пишет И. А. Герасименко, «the word meaning is revealed in the context» [5, с. 83]) относятся слова *чудесный, гениальный, несчастный, жуткий, истинный, прекрасный, забавный, тревожный, позитивный, нелепый, самокритичный, вредный, нечеловеческий, глупый, фантастический, скептический, огромный, колоссальный, огромный, унизительно, отлично, замечательно, феноменально, непременно, грандиозно, антинаучно, беспрецедентно, красиво, внушительно, замечательно, печально, неохотно, красота*. Среди разговорных языковых знаков встречаются следующие единицы: *гадость, напасть, ерунда, грязюка, расфуфыренные, реально крутой, дурной*. Данные книжные и разговорные лексемы передают как положительную (*истинный, гениальный, позитивный, прекрасный, фантастический, огромный, колоссальный, удивитель-*

нейший, реально крутой, загадочный, забавный, милый, чудесный, отлично, замечательно, феноменально, грандиозно, мгновенно, внушительно, маловато, рановато, круто, непременно класс, красота, дружисце), так и отрицательную оценку (*несчастный, жуткий, нелепый, вредный, глупый, скептический, глупый, гигантский, расфуфыренный, дурной, унижительно, антинаучно, беспрецедентно, печально, напасть, ерунда, гадость*).

Среди всех групп слов чаще всего в мультипликационном сериале «Смешарики» используются имена прилагательные. Они выражают как положительную (*чудесный, лёгкий, милый*), так и отрицательную (*жуткий, нелепый, вредный, глупый*) оценку, с их помощью через признак характеризуется объект (действие, явление). Чаще используется разговорная лексика (59 слов), реже – книжная (42 слова). Слов, имеющих положительную оценку, больше (57), чем слов с отрицательной оценкой (46). Оценочные лексемы служат для прямой и метафорической характеристики человека, рассмотрение которых является предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Считаем, что использование в детском анимационном сериале «Смешарики» разговорных языковых знаков, содержащих отрицательную оценку, негативно влияет на речевую культуру ребёнка. Включение жаргонизмов и просторечий в тексты мультипликации логично приводит к их функционированию в речи современных детей и молодёжи в целом. Поэтому различным национальным объединениям, институтам сферы образования, региональным ассоциациям, общественным объединениям, которые обладают глубоким гуманитарным потенциалом, необходимо стать эффективной площадкой для решения проблем чистоты русского языка как фундаментальной основы единства страны.

Итак, в речи героев современной российской мультипликации используются разговорные (в том числе жаргонные и просторечные) языковые знаки с семой позитивной и негативной оценочности. Языковые знаки сниженной стилистики функционируют параллельно со словами

литературной нормы и будут нами более предметно рассмотрены в последующих работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адам Д. А. Формирование у дошкольников представлений о мире природы как духовной ценности средствами современного искусства / Д. А. Адам // Экологическая педагогика: сборник научных статей по материалам XI Международной конференции (Екатеринбург, 19–20 апреля 2005 г. Урал. гос. пед. ун-т). – Екатеринбург, 2005. – С. 34–43.
2. Кульчинский Г. Безъязыкая гласность / Г. Кульчинский // XX век и мир. – 1990. – № 9. – С. 45.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой, С.И. Ожегова. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989. – 750 с.
4. Свахина О. В. Литературные секреты популярности «Смешариков» / О. В. Свахина // Детская литература сегодня : Сб. науч. ст. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – С. 118–124.
5. Gerasimenko I. A. Implicit potential of Linguistic sign / I. A. Gerasimenko // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – № 2. – С. 82–88.

Н. Н. Ревчук

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. К. В. Першина)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В «НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В настоящее время словообразовательные гнёзда входят в круг лингвистических объектов, активно изучаемых в разных аспектах. К наименее изученным относится функциональный аспект, связанный

с выявлением речевой реализации составляющих словообразовательное гнездо единиц. Как отмечает З. А. Харитончик, «употребительность модели есть в известной степени отражением значимости и употребительности созданных по ней производных» [14, с. 25].

В данной статье анализируется речевая активность лексем *мама*, *мать*, *матерь*, *отец*, *папа*, *батя*, *сын*, *дочь* и их производных, представляющих собой фрагмент словообразовательного гнезда, формируемого в современном русском языке терминами родства. Источником фактического материала послужили тексты устного и диалектного корпусов «Национального корпуса русского языка». Анализу подвергаются лексемы, употребляемые в прямых значениях. Статья продолжает анализ, результаты которого изложены в: [1, с. 203–209].

Проведенные наблюдения показали следующее. Для именованной женщины по отношению к её детям в устном и диалектном корпусах использованы слова *мама*, *мать*, *матерь*. На 1750662 предложения в устном корпусе слово *мама* имеет 7077 вхождений, *мать* – 2145, *матерь* – 1198. На 45873 предложения в диалектном корпусе слово *мама* имеет 286 вхождений, *мать* – 317, *матерь* – 21.

•*мама* (*Мама / ну сколько можно его хоронить?! Ты его каждый год хоронишь...* Разговор на кухне, деревня в Челябинской области // практиканты, 2005. – устный корпус);

•*мать* (*Есть вопросы веры / мать / любовь / вера / дети...это не трогается в таких прикольных разговорах / которые мы сегодня ведём.* М. Задорнов. Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001. – диалектный корпус).

•*матерь* (*Ак вот / отец напьётся, сын отца волочёт, а девка матерь, во как. Человек.* (Архангельская область, 1996) – диалектный корпус).

Две первые выступают как основные. Распределение употребительности по корпусам таково. Слово *мама* в диалектном корпусе встретилось в 85 документах, в устном – в 991.

Слово *мать* в устном корпусе встретилось в 730 предложениях, диалектном – в 115.

Лексическая фонема *матерь* малоупотребительна: в устном корпусе – в 4 предложениях, в диалектном – в 3.

В устном корпусе преобладает употребление номинации *мама*, а диалектном – *мать*.

В текстах двух корпусов встречаются производные первой и второй ступени образования от слов *мама* и *мать*.

Мама. Производные первой ступени – *мамочка, мамаша, маманя, маменька, маминька, мамынька, мамушка, мамка, мамуля, мамуся, мамуня*; дериваты второй ступени – *маманька, мамашка, мамушка, мамашенька*. Общее количество производных, зафиксированных в указанных корпусах, – 13 единиц.

Мать. Производные первой ступени – *матушка, маточка*. Общее количество дериватов – 2 единицы.

Лексическая фонема *матерь* в словообразовательные отношения в основном значении не вступает. Она является стилистическим вариантом лексемы *мать*.

Все дериваты характеризуются структурным единообразием: все они представляют собой суффиксальные производные. При создании производных первой ступени образования использованы суффиксы *-очк-, -аш-, -ан-, -еньк-, -иньк-, -ыньк-, -ушк-, -к-, -ул-, -ус-, -ун-*.

При создании производных второй ступени использованы суффиксы *-к-, -еньк-*.

Распределение этих производных между корпусами отражает таблица 1.

Таблица 1

Дериват		Количество употреблений		
		Устный корпус	Диалектный корпус	Всего в 2-х корпусах
От основы мам -				
1	мамочка	151	1	152
2	мамаша	79	1	80
3	маманя	16	4	20

4	маменька	18	3	21
5	маминька	-	1	1
6	маманька	2	1	3
7	мамушка	-	5	5
8	мамынька	-	1	1
9	мамка	56	14	70
10	мамуля	10	-	10
11	мамуся	1	-	1
12	мамашка	2	-	2
13	мамашенька	1	-	1
От основы маг`-/маг-				
14	матушка	83	19	102
15	маточка	1	-	1
Всего:		420	50	470

Из таблицы видно, что такие производные, как *мамочка, мамаша, маманя, маманька, мамка, маменька, матушка*, употребляются в 2-х корпусах, а *мамынька, маминька, мамуля, мамуся, мамашка, мамушка, мамашенька, маточка* – только в одном. *Маминька, мамушка, мамынька* только в диалектном корпусе.

Для именованя мужчины по отношению к своим детям в устном и диалектном корпусах использованы слова *отец, папа, батя*. На 1750662 предложения в устном корпусе слово *отец* имеет 4571 вхождений, *папа* – 3643, *батя* – 350. На 45873 предложения в диалектном корпусе слово *отец* имеет 265 вхождений, *папа* – 41, *батя* – 2.

- *отец* (*Это Дмитрий Вернер / крестный отец интернетовского юмора. Беседа о юморе в интернете // Интернет, 2004 – устный корпус*);
- *папа* (*Я не вникал / но вроде бы им папа и мама помогают. Беседа в Петербурге // Фонд общественного мнения; 2004. – устный корпус*);
- *батя* (*вот / батя её / кстати / надо заметить / реальный чел / понимающий / во всяком случае. Разговор в баре // из коллекции НКРЯ, 2006. – устный корпус*).

Первые две номинации являются основными.

Слово *отец* в устном корпусе употреблено в 791 документе, в диалектном – в 61.

Папа в устном корпусе употребляется в 587 документах, в диалектном – в 21.

Слово **батя** в устном корпусе употребляется в 67 документах, диалектном – 2.

В обоих корпусах наиболее употребительной является номинация *отец*, от которой не зафиксировано производных.

От термина **папа** в обоих корпусах зафиксировано только производные первой степени образования.

Папа. Производные первой степени – *папочка, папонька, папенька, папинька, папик, папка, папаша, папуля.*

При создании производных первой степени используются суффиксы: *-оньк-, -яньк-, -еньк-, -иньк-, -очк-, -аш-, -ик-, -ян-, -к-.*

Термин родства **батя** имеет в корпусах только производные первой степени: *батька, батяня, батенька,* образованные с помощью суффиксов *-к-, -ян-, -еньк-.*

Распределение этих производных между корпусами отражает таблица 2.

Таблица 2

Дериват		Количество употреблений		Всего
		Устный корпус	Диалектный корпус	
От основы пап -				
1	папочка	53	-	53
2	папинька	2	-	2
3	папенька	15	-	15
4	папик	1	-	1
5	папуля	5	-	5
6	папаша	101	1	102
7	папка	66	-	66
Всего:		243	1	244
От основы бат -				
1	батька	36	-	36
2	батяня	3	2	5
3	батенька	30	-	30
Всего:		69	2	71
Всего в корпусах:		312	5	317

По данным таблицы имеем, что термин *папаша* употребляется в обоих корпусах.

Слова *папочка, папилька, папенька, папик, папуля, папка* употребляются только в **устном** корпусе.

Термин *батяка, батенька* употребляются в устном корпусе, *батяня* – в устном и диалектном.

Наибольшее количество дериватов в **устном** корпусе.

Термин *сын* употребляется в значении *мужчина, мальчик по отношению к своим родителям (Нет, говорит, я с тобой не знаюсь, у меня есть семья и есть сын.* Гадания. Архангельская область, 1994). В устном корпусе на 1750662 предложения имеет 2890 вхождений, в диалектном корпусе на 45873 предложения имеет 143 вхождения.

От слова *сын* в текстах обоих корпусов встречаются производные первой ступени: *сын – сынок, сынуля, сыночка, сыночек, сынишка, сынушка.* Суффиксы: *-к-, -ул-, -ок-, -очк-, -очек-, -иш-, -уш-* используются при создании производных первой ступени.

Распределение по корпусам отображаем в таблице 3.

Таблица 3

Дериват		Количество употреблений		Всего
		Устный корпус	Диалектный корпус	
1	сынок	613	13	626
2	сыночек	50	-	50
3	сынишка	13	2	15
4	сыночка	4	-	4
5	сынушка	1	-	1
6	сынуля	-	1	1
Всего:		681	16	697

Слова *сынок, сынишка* употребляются в двух корпусах; *сыночек, сыночка, сынушка* – в **устном**, *сынуля* – в **диалектном**.

Термин *дочь* в языке употребляется в значении *девочка / женщина по отношению к своим родителям (Например, возьмут, есть вот например вот у меня дочь.* Обычай. Староверы (Архангельская область, 1996).

В данном значении термин употреблен в **устном** корпусе в 391 документе, в **диалектном** – 24. Слово *дочь* в устном корпусе на 1750662 предложения имеет 1422 вхождений, в диалектном корпусе на 45873 предложения имеет 73 вхождения.

От слова **дочь** в текстах корпусов встречаются производные первой степени: *дочка, дочурка, доченька, дочечка*.

Суффиксы *-к-, -ур-, -очк-, -ечк-, -еньк-* служат для образования производных первой степени.

Распределение по корпусам отображаем в таблице 4.

Таблица 4

Дериват		Общее количество употреблений		Всего
		Устный корпус	Диалектный корпус	
1	дочка	289	20	309
2	доченька	83	1	84
3	дочурка	8	-	8
4	дочечка	5	1	6
Всего:		385	22	407

Как видно из таблицы 4, слова *дочка, доченька, дочечка* употребляются в устном и диалектном корпусах. Термин *дочурка* – только в диалектном.

Общую картину употребления указанных терминов родства отображает таблица 5.

Таблица 5

Наименование термина	Количество употреблений				Всего
	термина		дериватов		
	устный корпус	диалектный корпус	устный корпус	диалектный корпус	
Мама / мать	3556	1106	420	50	5132
Папа/ отец/ дядя	3131	84	312	5	3532
Сын	1270	44	681	16	2011
Дочь	806	24	385	22	1237
Всего:	8763	1258	1798	93	11912

Проведённый анализ показал, что наиболее употребительным термином кровного родства в устном корпусе являются термины *мама* и *отец*, а наименее употребительным – *дочь*. Устный корпус, в сравнении с диалектным, имеет большее количество употреблений как самих

терминов родства, так и производных от них. В диалектном корпусе наиболее употребительным является слово *мать* и *отец*, наименее употребительным – *дочь*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ревчук Н. Н. Термины родства в современном русском языке: словообразовательный и функциональный аспекты / Н. Н. Ревчук // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Материалы I Международной научной конференции студентов и молодых ученых памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2016 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2016. – Вып 1. – 258 с.
2. Дзибель Г. В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории / Г. В. Дзибель // Алгебра родства : Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – Вып. 6. – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунтскамера) РАН, 2001. – 472 с.
3. Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. Б. Качинская. – Москва, 2011. – 26 с.
4. Крылов С. А. Некоторые особенности лингвистической концепции В. Г. Гака / С. А. Крылов // Язык и действительность. Сб. науч. тр: памяти В. Г. Гака / ред. С. Г. Тер-Минасова и др. – М. : ЛЕНАНД, 2007. – С. 27–41.
5. Крюков М. В. Личное имя и термины родства / М. В. Крюков // Ономастика Востока. – М. : Наука, 1980. – С.165–169.
6. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
7. Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства / Ю. И. Левин // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 48–49.
8. Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев // Филологические науки. – 1963. – № 3. – С. 120–132.

9. Попов В. А. Номенклатура родства и системы терминов родства / В. А. Попов // Алгебра родства. – СПб. : МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 135–142.
10. Сумникова Н. И. Термины родства и свойства в современном русском языке / Н. И. Сумникова // Русская речь. – 1969. – № 2. – С. 117–123.
11. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–22.
12. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 210 с.
13. Харитончик З. А. Лексикология английского языка : Учеб. пособие / З. А. Харитончик. – Минск : Высшая школа, 1992. – 229 с.

Ю. А. Сова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

**ЯЗЫК ГОРОДА МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА
XX СТОЛЕТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ
В. А. ГИЛЯРОВСКОГО «МОСКВА И МОСКВИЧИ»)**

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Актуальность исследования заключается в том, что сфера языкового быта крупнейших мегаполисов в диахронии остаётся неизученной и представляет собой интерес современного языкознания. Наиболее известны работы целого ряда современных российских учёных-лингвистов, занимающихся изучением языкового облика таких городов, как Санкт-Петербург, Челябинск, Саратов, Омск, Ижевск, Уфа, Одесса и Элиста.

Сборник очерков В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» – настоящая энциклопедия жизни дореволюционной Москвы середины XIX – начала XX столетия, существенно расширяющая наши представления о быте и нравах жителей одного из самых значимых городов в истории Российской Федерации и соседствующих государств. Как утверждает Г. В. Судаков, активное освоение языка города авторами второй половины XIX века и включение нового материала, извлекаемого из речи простых крестьян и ремесленников, напрямую связано с общественно-политическими и социальными реформами в России, а также тенденциями языкового развития и культурными изменениями.

К изучению творчества мемуариста-бытописателя В. А. Гиляровского обратился известный современный лексикограф В. С. Елистратов, который составил лингвоэнциклопедический словарь «Язык старой Москвы», охватывающий весь XIX и 20-е гг. XX века. В словаре отражены неофициально-разговорные старомосковские топонимы, а также некоторые официальные топонимы, разговорно-просторечные наименования наиболее значимых типичных реалий, многие из которых уже стали историзмами. На основе очерков В. А. Гиляровского в словаре появилось определённое количество жаргонизмов, отражающих повседневную жизнь людей различных сословий и профессий. Кроме того, в справочной книге В. С. Елистратова отражены типичные образцы городской, «уличной» риторики и примеры московского просторечия.

Цель исследования – изучить язык города Москвы второй половины XIX – начала XX столетия на материале речевых фактов из сборника очерков В. А. Гиляровского «Москва и москвичи».

В очерках В. А. Гиляровский изображает Москву «городом контрастов», где баснословные кутежи купечества соседствуют трущобной рутине Хитрова рынка. В классификации типов населения, составленной на материале книги «Москва и москвичи», выделяем неофициальные названия представителей таких социальных групп, как жители московских

трущоб, типы криминального мира, извозчики и студенчество. Московская интеллигенция в романе представлена мало, о быте и нравах купечества мы узнаём из очерков, посвящённых литературно-художественным, охотничьим и купеческим кружкам.

Особое внимание В. А. Гиляровский уделяет классификации типов нищих и жуликов города Москвы, которые были открыты писателю во всём своём многообразии во время репортёрской работы на улицах Хитровки. Пользуясь терминологией самих «трущобных людей», автор изображает негласную иерархию, которая была принята у жителей Хитрова рынка – хитрованцев. К низшему сословию, которое ютилось в ночлежках Хитровки, относились бездомовники, нищие и торговцы – барышники, они обитали в доме Румянцева и посещали трактир под названием «Пересыльный», располагавшийся в том же доме.

Ночлежный дом Бунина был заметно чище остальных, так как населён преимущественно мастеровыми, а также портными, которых «звали “раками”, потому что они, голые, пропившие последнюю рубаху, из своих нор никогда и никуда не выходили. Работали день и ночь, перешивая тряпьё для базара, вечно с похмелья, в отрепьях, босые» [6: «Хитровка», с. 32]. В трактире «Сибирь», находившемся в ночлежном доме Румянцева, собирались представители преступного мира, стоящие «степенью выше» ‘барышников’ – ‘деловые’: «В старину их называли “Иванами”, а впоследствии – “деловыми ребятами”» [6: «Под Китайской стеной», с. 81].

Одними из самых состоятельных обитателей Хитровки были «болдохи» – ‘обратники’ из Сибири или беглые преступники из тюрем. Болдоха также называли «зелёный», «зелёная нога». Новоприбывших на Хитров рынок сразу «ставили на работу», то есть делали соучастниками разбоя и других популярных «промыслов», которые приносили добычу, иногда исчисляемую тысячами. В. С. Елистратов в словаре «Язык старой Москвы» приводит для сравнения современное значение слова «болдох», свидетельствующее о полной утрате первоначального значения и приобре-

тение противоположного значения. Теперь «болдох» означает жертву ограбления, а не самого вора, как было изначально.

В очерке, описывающем Хитров рынок, В. А. Гиляровский выделяет ещё один тип преступного мира Москвы – «волк». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает, что волки получали так называемый «волчий билет» – полугодовую отсрочку от каторги. По словам В. С. Елистратова, «волки Сухого оврага» имели дурную славу в Москве, это подтверждает В. И. Даль, говоря о неприятии в обществе преступников, которые получили волчий билет [3].

В классификации «хитрованцев» В. А. Гиляровский также упоминает «огольцов», которые «появлялись на базарах, толпой набрасывались на торговков и, опрокинув лоток с товаром, а то и разбив палатку, расхватывали товар и исчезали врассыпную». В. С. Елистратов называет «огольцами» воров-подростков, беспризорников и предполагает, что данное слово восходит к «голый, оголеть». В толковом словаре В. И. Даль обращает внимание на бедственное положение «огольцов»: «оголох, оголыш» – голыш или бедняк, обнищавший [3].

Интересно значение слова «поездошник». Согласно наблюдениям репортёра, это вор, специализирующийся на краже багажа. В. А. Гиляровский пишет: «Их дело – выхватывать на проездах бульваров, в глухих переулках и на тёмных вокзальных площадях из верха пролётки саки и чемоданы...» [6: «Хитровка», с. 41]. В современном языке так стали называть воров, промышляющих в поездах и занимающихся кражей не только багажа, но и небольших личных вещей пассажиров.

«Фортачи» – воры, забирающиеся в оконную форточку, и «ширмачи» – воры-карманники, «бесшумно лазившие по карманам у человека в застёгнутом пальто, заторкав и затырив его в толпе», стояли в иерархии выше «поездошников». Карманникам помогали «тырщики», задачей которых было окружить жертву и сбить её с толку [6: «Хитровка», с. 39].

«Пожарники» – нищие, приезжавшие зимой на заработки и собиравшие подаяния на «погорелые» места, часть которых впоследствии шла на оплату оброка хозяевам поместий. В полицейских протоколах людей, действительно пострадавших от пожара, называли «погорельщиками», а фальшивых – «пожарниками». Последних различали на «гусяков» и «шуваликов», крепостных Богородского уезда и Верейского уезда, принадлежавшего графу Шувалову, соответственно [6: «Пожарный», с. 232].

В то же время слово «пожарник», на языке москвичей, в конкретной коммуникативной ситуации могло означать работника пожарной охраны. В. А. Гиляровский пишет, что это слово он впервые услышал «в конце первого года империалистической войны». Раньше употреблялось только слово «пожарный». В новом слове старый москвич слышал «что-то мелкое, убогое, обидное» [4], так как сам был очевидцем, как пожарные спасали уцелевших Ходынской катастрофы. Согласно Д. Н. Ушакову, прежде этим словом называли пожарного любителя, члена добровольной пожарной дружины. Каждая пожарная часть в Москве имела свою «рубашку». Согласно словарю В. С. Елистратова, рубашка – «масть лошадей, в данном случае, пожарных». Лошади отбирались по масти, цвету шерсти и гривы. Сейчас данное слово является специальным, относящимся к конкретной профессии, используется в языке заводчиков животных [5].

Анализ официальных наименований московских улиц, площадей и различных учреждений позволяет сделать некоторые выводы относительно отражения в названиях топонимов определённых исторических реалий. В ходе исследования был выявлен ряд урбанонимов, носивших своё название по наименованию главных ориентиров старой Москвы – близлежащих церквей или монастырей. Например, Варварка, Ильинка, Никольская, Петровка, Большая Никитская, Покровка, Рождественка. Часть топонимов получили название по прилежащим к ним дорогам, ведущим к другим городам и сёлам: Дмитровка, Владимирка, Тверская и Рогожская улицы, а также Смоленский рынок. К бывшим слободам

восходят такие названия улиц, как Сущёвская, Бутырская (тюрьма «Бутырский замок»), Татарская и Мещанская улицы. Немало старомосковских названий связано с распространённым видом ремесла горожан, например, Мясницкая и Бронные улицы. Среди прочих В. А. Гиляровский в очерках упоминает Яузский бульвар, расположенный на одноимённой улице, названной по протекающей здесь реке Яузе. Антропонимические названия урбанонимов часто восходят к фамилиям благодетелей, которые восстановили и подарили городу парки или учреждения. Таким образом получили своё наименование общежитие Ляпинка, Олсуфьевская крепость и др. Среди урбанонимов, название которых восходит к имени значимого исторического деятеля, в сборнике очерков были упомянуты Хитровская и Сухаревская площади, московский район Лефортово и др.

В словообразовательной структуре неофициальных наименований урбанонимов города Москвы с наибольшей частотностью используется суффикс *-к(а)*. Например: Башиловка, Большая Дмитровка, Большая Молчановка, Варварка, Владимирка, Воздвиженка, Грачёвка, Живодерка, Ильинка, Кулаковка, Лубянка, Ляпинка, Неглинка, Олсуфьевка, Петровка, Покровка, Сретенка, Сухаревка, Таганка, Хитровка.

В. А. Гиляровский обращает внимание на тонкости речевого этикета извозчиков, которые, руководствуясь предположениями о возможном статусе того или иного прохожего, обращаются к своим пассажирам: «ваше степенство», «ваше здоровье», «ваше благородие», «вась-сиясь» [6: «На Трубе», с. 176]. «Вась-сиясь» – это просторечное сокращение официального обращения к владельцам княжеского или графского титулов «Ваше сиятельство». «Вышздоровье» и «васкобродие» – сокращения, заменяющие «Ваше здоровье» и «Ваше благородие» соответственно [6: «Под Китайской стеной», с. 89].

Подобные обращения были свойственны «лихачам», которые на щегольских одноместных «эгоистках» возили исключительно выгодных клиентов. В. С. Елистратов делает предположение, что современное

определение водителя, который пренебрегает правилами дорожной езды, возникло из старого названия извозчиков. По примечанию В. А. Гиляровского, узкие пролётки называли эгоистками, а также гитарами. Это был лёгкий экипаж, неудобный для езды из-за неустойчивых рессор, предназначенный для перевозки одного пассажира.

Следующими в иерархии извозчиков шли парные «голубчики», название которых происходит от типичного выкрика на лошадей («голубчики!»). К извозчикам низшего класса относились «Ваньки» – провинциальные крестьяне, которые подрабатывали извозом зимой. Внимание В. А. Гиляровского привлекло слово *кабысдох*, означающее старую и больную кобылу. Вероятно, что данное слово было образовано от союза *кабы*, в значении «если бы», приставки *с-* и корня *-дох-*. Для транспортировки тяжёлых грузов использовали «ломовики», или «ломовые полки» – телеги с плоским настилом. Своё название «ломовики» получили благодаря тройке ломовых лошадей, распространённой породе тяжеловозов, которые отлично приспособлены для перевозки тяжёлых металлических предметов.

В работе реализуется диахронический анализ языкового облика города Москвы, проведённый на материале очерков В. А. Гиляровского. Исследование русского литературного языка невозможно без знаний о взаимодействии различных социальных слоёв города, среди которых и находит применение литературный язык. Благодаря своему репортёрскому опыту писатель смог доподлинно отразить городские арго, свидетельствующее об общественных и культурных изменениях, а также тенденциях языкового развития. В сборнике «Москва и москвичи» зафиксированы речевые новации, относящиеся к широкому ряду сфер московского быта: от неофициальных наименований представителей различных профессий и социальных классов до разговорно-просторечных названий типичных реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) – М. : Просвещение, 1977. – С. 175–189.
2. Судаков Г. В. В. А. Гиляровский как знаток русской речи: (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) / Г. В. Судаков // Словесность и культура как образ национальной ментальности. – М., 2010. – С. 291–300.

СЛОВАРИ

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 тт. / В. И. Даль. – СПб., 1863–1866.
4. Елистратов В. С. Язык старой Москвы : Лингвоэнциклопедический словарь : Около 7000 слов и выражений / В. С. Елистратов. – М. : АСТ «Астрель», 2004. – 795 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М., 1935–1940.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

6. Гиляровский В. А. Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.

Е. В. Торичная

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

ТИПОЛОГИЯ СЕМ-ИНТЕНСИФИКАТОРОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕПОЗИТИВНЫХ ОСНОВ КОМПОЗИТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального
Государственного Автономного образовательного учреждения высшего
образования «Крымский Федеральный университет имени*

В. И. Вернадского»

Языковая категория интенсивности признака представляет собой один из видов максимально широкой категории интенсивности, специфические проявления которой служат объектами изучения в различных науках. Проблемам лингвистической интенсификации посвящён значительный круг работ отечественных и зарубежных языковедов (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли, Д. Болинджер, Э. Сэпир, а также Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, Е. М. Вольф, Ю. Л. Воротников, С. М. Колесникова, А. Н. Полянский, И. И. Туранский, И. И. Убин, Е. И. Шейгал и др.). В исследованиях А. В. Петрова и М. Д. Степановой вопросы интенсивности включаются в проблематику градуирования (градуальности), степеней качества. А. Н. Полянский рассмотрел категорию интенсивности в целом, в полном объёме способов её выражения. Такой подход к описанию даёт возможность показать всю совокупность средств выражения категории интенсивности в русском языке, установить семантические границы этой категории и выявить своеобразие каждого из выразителей значения интенсивности.

Представление о высокой степени признака предмета, явления связано как с рациональной, так и субъективной (эмоционально-психической) сферами сознания: с одной стороны, на уровне действительности высокая степень признака есть свойство реальных предметов, явлений; с другой – на когнитивном уровне любое представление о реальных предметах связано с субъективным, человеческим, фактором. По мнению В. И. Шаховского интенсивность не всегда экспрессивна, «поэтому неправомерно ставить знак равенства между экспрессивностью и любым усилением» [6].

Под понятие интенсивности были подведены и лексические выразители, которые подразделяются на две большие группы: 1) лексические единицы, служащие только для выражения интенсивности; 2) лексические единицы, которые совместно со значением интенсивности передают и другие значения. Лексические единицы, которые служат

только для выражения интенсивности, выступают в функции выразителя интенсивности в прямом значении. К таким семам-интенсификаторам относятся лексические выразители типа *крайне, очень, чересчур, чрезмерно*. Лексические единицы, которые совместно со значением интенсивности передают и другие значения, относятся к небольшой группе слов, которые могут выступать и в прямом, и в переносном значении [5].

Цель статьи – наметить типологию сем-интенсификаторов, которые выделяются в препозитивных основах адъективных композитов русского языка. Исследование проводится на материале различных словарей, справочных изданий, а также с использованием Интернет-ресурсов.

Объект исследования составила категория интенсивности признака в русском языке.

Предметом исследования являются препозитивные основы композитов, содержащие семы-интенсификаторы.

Методом исследования послужили компонентный анализ с опорой на словарные дефиниции и метод ступенчатой идентификации.

В качестве исследования было взято сорок девять препозитивных основ композитов, восемнадцать из которых являются многозначными, которые в своей семантической структуре содержит семы-интенсификаторы. Препозитивные основы композитов были разделены на несколько групп в зависимости от количества сем-интенсификаторов в структуре адъективов и от способы их представленности – ядерные, отражённые в словарных дефинициях, и периферийные, обнаруживаемые в результате метода ступенчатой идентификации.

Семы-интенсификаторы относятся к ядру словарной дефиниции:

а) по наличию конкретного интенсификатора:

1. Сема-интенсификатор ‘очень’ встречается в таких основах, как *беспросветно-2, комически-, оглушительно-, ослепительно-, роскошно-4, роскошно-5, уродливо-*.

2. Сему-интенсификатор ‘чрезвычайно’ включают такие основы, как *ангельски-*, *зверски-*, *взвинченно-2*, *исступлённо-2*, *фантастически-*.

3. Сему-интенсификатор ‘чрезмерно’ содержат такие основы, как *напыщенно-2*, *самонадеянно-*, *слащаво-1*, *слащаво-2*, *приторно-1*, *приторно-2*.

4. Сема-интенсификатор ‘значительный’ характерна для таких основ, как *какмонументально-*, *почтительно-*.

5. Семей-интенсификатором ‘сильно’ отличается основа *страстно-2*.

6. Сему-интенсификатор ‘крайне’ содержат такие основы, как *исступлённо-1*, *оголтело-*, *страстно-3*, *чудовищно-*.

7. Сема-интенсификатор ‘большой’ характерна для таких основ, как *невероятно-*, *поэтически-*.

8. В словарной дефиниции основ *виртуозно-*, *отъявленно-*, *утончённо-*, находим сему-интенсификатор ‘в высшей степени’.

9. Сему-интенсификатор ‘совершенно’ содержит основа *беспросветно-1*.

б) по наличию двух явных сем-интенсификаторов

1. Семей-интенсификаторы ‘чрезвычайный, чрезмерный’ включает основа *адски-*.

2. Семей-интенсификаторы ‘необычайно сильный (по степени проявления)’ содержат основы *дьявольски-* и *остервенело-*.

3. Семей-интенсификаторы ‘очень сильный’ включают такие основы, как *жестoko-*, *зверски-*, *нечеловечески-*, *пронзительно-3*.

4. Семей-интенсификаторы ‘очень большой, чрезвычайный’ содержит основа *невероятно-*.

5. Семей-интенсификаторы ‘чрезвычайно сильный’ содержат основа *неустово-* и *свирепо-*.

6. Семей ‘более сильный по степени проявления’ содержит основа *интенсивно-1*.

7. Семей ‘чрезвычайный по своей силе’ включает основа *исступлённо-2*.

8. Семы-интенсификаторы ‘излишне, чрезмерно’ содержит основа *приторно-3*.

9. В словарной дефиниции основы *возвышенно-* содержатся семы ‘полный высокого значения’.

в) по наличию нескольких интенсификаторов, которые выявляются в результате метода ступенчатой идентификации

Божественный 3. Разг. Прекрасный, дивный. Ср.: «прекрасный» 1. Отличающийся необыкновенной красотой, *очень* красивый.

Изоощрённый 3 в знач. прил. Превосходно развитый, тонкий, острый. Ср.: «острый» 7. *Очень* сильный, ясно, отчётливо ощущаемый. 9. *Крайне* напряжённый; критический.

Изумительный ‘вызывающий изумление, поражающий своей необычностью, превосходным качеством, красотой, удивительный’. Ср.: «необычайный» || *Очень* большой по силе степени проявления, *чрезвычайный*.

Сказочный || Такой, как в сказке; чудесный, необычайный. Ср.: «необычайный» || *Очень* большой по силе степени проявления, *чрезвычайный*.

Таким образом, степень проявления признака в сложных адъективах русского языка выражается с помощью препозитивных основ, количество которых постоянно расширяется. С помощью деривационного потенциала композитов компенсируется невозможность образования сравнительной и превосходной степени от тех или иных имён прилагательных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акуленко В. В. Типология прилагательных русского языка, выражающих интенсивность признака / В. В. Акуленко // Русское языкознание. – Вып. 14. – Киев, 1987. – С. 82-89.
2. Антипова А. А. Способы обозначения степени интенсивности эмоционального состояния в русском и итальянском языках : Автореф. дисс. ... на

соискание учёной степени канд. филол. наук / А. А. Антипова. – М., 2009. – 24 с.

3. Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / – Воронеж, 2004. – 23 с.

4. Годизова З. И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / З. И. Годизова. – Махачкала, 2014. – 38 с.

5. Полянский А. Н. Категория интенсивности признака в русском языке : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. Н. Полянский. – М., 1978. – 17 с.

6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский // Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. – 192 с.

В. С. Усанова

(научн. рук. – доц. А. В. Емельяненко)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМОВ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Явление синонимии имеет очень давние традиции лингвистического изучения. На сегодня в научной литературе существуют различные подходы к изучению синонимии и критерии ее определения. При этом чаще всего не учитывается семантическая близость слов. Однако эта близость трактуется по-разному, в зависимости от того, что является основанием для ее определения, – собственно языковые, системные / системно-функциональные или только функциональные отношения между словами.

Цель работы – проследить эволюцию взглядов лингвистов на синонимы.

Современное языкознание располагает несколькими концепциями, касающимися изучаемого явления. В современных лингвистических исследованиях проблема языковой синонимии освещалась достаточно

широко: в русском языкознании ею занимались Ю. Д. Апресян, К. С. Горбачевич, В. А. Гречко, А. П. Евгеньева; в украинском – А. Т. Бевзенко, Л. А. Булаховский, В. С. Ващенко, Т. А. Ивасишина, А. В. Лагутина, О. И. Нечитайло. Ученые склонны считать синонимию семантическим явлением, одной из важнейших языковых системообразующих категорий в лексике.

Различаются взгляды лингвистов XX века на синонимы как слова, имеющие тождественные или близкие значения. В последнее время среди языковедов приобретает вес мнение, что синонимами являются слова как с идентичной, так и с максимально сближенной семантикой. Большинство ученых, признавая синонимами слова, которые называют одно и то же понятие, являются одинаковыми или близкими по семантике, но различающиеся оттенками значений или эмоционально-экспрессивной окраской, не исключают возможности различения синонимов за смысловыми оттенками и эмоциональной окраской одновременно [5, с. 33]. При этом подходы к изучению определений синонимов соответствуют различным аспектам значения слова:

- семантическому: синонимы – слова одной части речи, лексические значения которых полностью или частично совпадают;
- структурному: синонимы – слова, которые могут заменять друг друга без изменения содержания высказывания;
- прагматическому: синонимы выступают как выразители экспрессивно- эмоциональной оценки обозначаемого.

Р. А. Будагов считает синонимами «близкие по значению, но разнозвучающие слова, выражающие оттенки одного понятия...» [6, с. 33].

По мнению З. Е. Александрова, «синонимами считаются слова, которые имеют одно и то же лексическое значение, различаясь лишь оттенками значения, экспрессивной окраской и принадлежностью к тому или иному стилистическому слою языка, и которые имеют хотя бы

частично совпадающую сочетаемость, так как только в этом случае они способны замещать друг друга в реальных контекстах» [1, с. 5].

Л. А. Булаховский понимает под синонимией «слова, идентичные или сходные по значению, способные заменить друг друга в том или ином контексте» [7, с. 93].

А. П. Евгеньева в «Словаре синонимов русского языка» говорит о том, что «синонимом в полном смысле слова следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно, занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка» [9, с. 4].

В. И. Кодухов констатирует: «Синонимия – это сам процесс установления смыслового подобия слов в речевой деятельности говорящих. Но не все сближения, которые допускает говорящий в своей речи, становятся синонимами языка, синонимикой» [7, с. 95].

В своем исследовании мы солидарны с трактовкой В. И. Кодухова и Л. А. Булаховского, которые определяют синонимы как слова близкие по значению; в то же время «во множестве слов, обычно признаваемых синонимами, следует различать синонимы в узком смысле этого слова и квазисинонимы: они ведут себя по-разному относительно системы перефразирования» [2, с. 220]. Принимая за основу это определение, можно говорить о различной степени синонимичности слов, объединенных одним понятием в семантическую подсистему.

Однако существуют и другие мнения по поводу синонимии. Некоторые ученые полагают, что синонимичность слов является фикцией [4, с. 85]. Отрицание существования синонимии происходит в случае

отождествления синонимии вообще и ее разновидности, абсолютной синонимии, в частности.

В современной лингвистике уже стало аксиомой, что абсолютной синонимии не существует. Подтверждением этого факта может стать высказывание Л. Блумфилда об абсолютных синонимах: «Каждая лингвистическая форма имеет постоянное и специфическое значение. Если формы фонетически различны, мы предполагаем, что их значения также различны... Мы предполагаем, короче говоря, что действительных синонимов нет» [3, с. 85]. С. Ульман отмечает, что абсолютная синонимия идет вразрез с нашим отношением к языку, очень мало слов полностью синонимичных в смысле взаимозаменяемости в любом контексте без малейшего изменения номинативного значения, эмоциональной окраски или эвкативного значения.

А. И. Ефимов допускает существование синонимически сходных слов, но не тождественных по своему значению фразеологических оборотов. «Тождественных по значению слов в языке не бывает. (...) Существование синонима оправдано его смысловой спецификой и стилистическим своеобразием» [10, с. 201].

А. А. Реформатский в работе «Введение в языковедение» пишет, что «...синонимы могут существовать в языке при соблюдении формулы: «то же, да не то же», т. е. два слова, совпадая в одном, расходятся в другом. Если бы синонимы были целиком «то же», то сосуществование их потеряло бы смысл, это было бы не обогащение словарного состава, а, наоборот, его засорение» [8, с. 205].

Таким образом, суммируя данные выше определения, можно сделать следующий вывод. Синонимия относится к достаточно сложным лингвистическим феноменам, имеющим разное толкование. Большинство ученых под синонимией понимают такой вид семантических отношений, складывающихся между словами, при котором слова, находящиеся в синонимических отношениях, выражают одно и то же значение

(совпадение может быть полным или частичным), но имеют при этом разный предмет обозначения. К таким лингвистам относятся М. И. Фомина, Р. А. Будагов, А. А. Брагина, А. П. Евгеньева, В. И. Кодухов, Л. А. Булаховский, Н. М. Шанский, Р. Н. Попов, Н. Г. Гольцова, Т. И. Вендина, З. Е. Александрова. Существует и другие точки зрения. Например, Г. О. Винокур считал, что синонимия является научной фикцией, так как синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре, в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором говорящему было бы все равно, как сказать: *ребенок* или *дитя*, *конь* или *лошадь*. А. А. Реформатский и А. И. Ефимов считают, тождественных по значению слов в языке не бывает. Такие определения не исключают, а взаимно дополняют друг друга, способствуя более глубокому пониманию сущности явления синонимии.

Однако, несмотря на значительные достижения в исследовании проблемы синонимии в современной лингвистике, все еще остается круг вопросов, связанных с природой этого явления.

Перспектива дальнейших исследований состоит в исследовании лингвокреативного потенциала синонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 600 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – 2-е испр. и доп. – М. : Школа «Языки русской культуры»; Издат. фирма «Восточная литература», 1995. – Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – 472 с.
3. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – М., 1939. – Т. V. – 354 с.

5. Гречко В. А. Лексическая синонимика современного русского языка / В. А. Гречко. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 153 с.
6. Будагов Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Просвещение, 1965. – 178 с.
7. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке / М. Ф. Палевская. – М. : Просвещение, 1964. – 128 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / А. А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 536 с.
9. Словарь синонимов русского языка в 2-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 1. – Л., 1971. – 302 с.
10. Шмелев Д. Н. Современный русский язык : Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 412 с.

К. С. Федотова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В. М. Калинин)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЙ «ПРОТОНИМ»
И «ПРОТОТИП» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ
ОНОМАСТИКЕ (ПОЭТОНИМОЛОГИИ)**

ГУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Греческая приставка *прото-* означает ‘самый первый’, слово *тип* – означает ‘изваяние’, ‘изображение’, ‘очертание’. Под *прототипом* традиционно понимают «реальную личность или литературный персонаж, послуживший основой для создания того или иного художественного образа» [7, с. 299]. Несмотря на то, что современные литературоведы редко делают однозначные выводы в вопросе определения прототипа того или иного персонажа, и само это понятие не всегда включается в словари литературоведческих терминов, продолжают появляться работы, посвященные поискам реальных личностей, с которых «списаны» литературные герои известных произведений. Мы рассмотрим вопрос

целесообразности использования понятий «прототип» и «протоним» в исследованиях по литературной ономастике (поэтонимологии).

Под *протонимом* (протоонимом – Г. Ф. Ковалев [4]) мы понимаем слово (собственное или нарицательное имя), которое стало основой для именованного персонажа. Прототип и протоним нельзя отождествлять, а к их поискам следует относиться осторожно. О том, что настоящий этимон имени может не совпадать формально со значением его корневой морфемы, писал Г. Ф. Ковалев [3]. Исследователь считает ошибочным традиционную теорию «речного» происхождения фамилий *Онегин* и *Ленский* и связывает выбор этих имен с реальными фамилиями времен Пушкина (семейство Онегиных, проживающее в Торжке (их фамилия в действительности происходит от названия города Онега), который поэт часто посещал, и сокращенный вариант известной дворянской фамилии Оболенский) [3, с. 284-286]. Факты, приведенные в работе Г. Ф. Ковалева, выглядят достаточно убедительно и дают основание считать, что фамилии *Онегин* и *Ленский* не созданы Пушкиным целенаправленно с намеком на их «географическую» противоположность, а связаны с реальным ономастиконем эпохи и окружением поэта, а их кажущиеся «речные» корни позволили Пушкину сопоставить (и противопоставить) обе фамилии в художественном пространстве. С другой стороны, фонетические совпадения имени героя и имени какого-нибудь исторического лица сами по себе не могут быть достаточным основанием для сопоставления. Так, например, не представляются целесообразным, вопреки мнениям некоторых исследователей, считать автора «Евгения Онегина» прототипом гоголевского *Плюшкина* (см. [5]).

Поэтонимы представляют собой особый корпус лексики художественного произведения. Каждая единица номинации отсылает к индивидуальному референту, именуется персонаж, местность или явление художественного мира. Писатель выбирает имя, опираясь на замысел произведения и характер своего персонажа, ономастическую систему

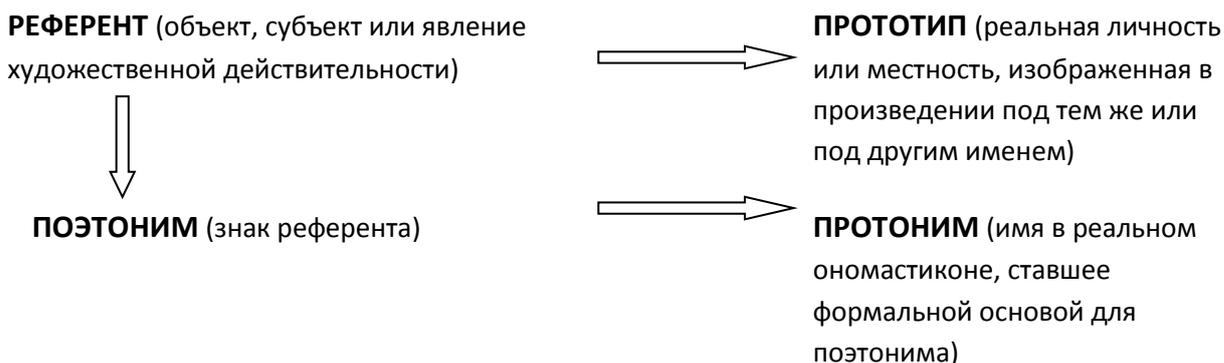
языка, существующие в нем законы именования, а также на семантический фон имени как он представляется писателю. Прототип, если он вообще существует у референта поэтонима, связан с каким-то реальным субъектом или объектом, форма имени которого может не иметь ничего общего с формой поэтонима. Совершенно прав В. А. Никонов, который утверждал, что «Швабрин (его отдаленный прототип – Шванович) не имел дел со шваброй и не похож на нее, но такая фамилия несла отрицательный оттенок, вызывая ощущение низменного, грязного» [6, с. 239]. Действительно, в словаре В. И. Даля к слову «швабра» дано диалектное значение «дрянной, презренный, низкий человек» [1, с. 607]. Можно сказать, что протонимом поэтонима *Швабрин* является слово «швабра», в семантику которого входит понятие о неприятном, некрасивом человеке, а прототипом этого персонажа является офицер М. А. Шванвич, принимавший участие в подавлении восстания Пугачева. При этом разумеется, что нельзя судить об отношении Пушкина к М. А. Шванвичу по созданному им образу *Швабрина* – персонажу «Капитанской дочки».

Не для каждого поэтонима можно с точностью определить протоним, хотя гипотетически можно предположить, что протонимом обладают все онимные единицы в художественном произведении. В роли протонима может выступать как собственное, так и нарицательное имя или даже фраза. Поэтонимы, протонимы которых трудно определить или они неоднозначны, можно называть *индивидуально-авторскими*. К индивидуально-авторским поэтонимам относятся и так называемые «говорящие имена», то есть поэтонимы с прозрачной внутренней формой. При этом мы согласны с Ю. Тыняновым в мнении о том, что «в художественном произведении нет “неговорящих” имен» [9, с. 269], но «говорить» имя может не только благодаря значению его этимона, но и благодаря качествам и сюжетной роли того объекта, который оно обозначает.

Понятие прототипа относится к референту имени, а понятие протонима – к форме поэтонима. Не каждый референт, то есть объект,

субъект или явление художественной действительности, обладает прототипом, как и не для каждого поэтонима можно точно определить протоним. Схематически отношение между поэтонимом, референтом, прототипом и протонимом можно представить следующим образом:

Отношения между поэтонимом, референтом, протонимом и прототипом

Разграничение прототипа и протонима чрезвычайно важно при проведении исследований по литературной ономастике (поэтонимологии), онимо- и поэтонимографии. В частности, при создании словаря онимной составляющей языка писателя информация о предполагаемом прототипе референта может быть отражена в энциклопедической справке, а информация о протониме – в историко-этимологических и историко-литературоведческих комментариях. Поясним это на некоторых примерах. В словаре поэтонимов мы можем прочесть, что «*Ваксом* ремонтнодышащим» О. Мандельштам назвал русского драматурга Б. А. Вакса [8]: прототипом лирического субъекта стихотворения Мандельштама является драматург, имя которого одновременно совпадает с формой поэтонима и является его протонимом. А в стихотворении Саши Черного «Переутомление» под *Ваксом* подразумевается совсем другой литературный деятель: «Иссяк. Что будет с моей популярностью? / Иссяк. Что будем с моим кошельком? / Назовет меня Пильский дешевой бездарностью, / А *Вакс Калошин* разбитым горшком...» [10, т. 1, с. 89–90]. Считается, что это насмешливое прозвище Максимилиан Волошин получил после дуэли с Н. Гумилевым,

на которую М. Волошин опоздал из-за того, что потерял по пути галошу и долго не мог ее отыскать [2]. Таким образом, прототипом лирического субъекта стихотворения Саши Черного является поэт Максимилиан Волошин, а протонимами поэтонима *Вакс Калошин* – нарицательные имена «калоша» и «вакса», звучание которых почти полностью совпадает с именем и фамилией прототипа (*Макс – Вакс; Волошин – Калошин*) и, к тому же, выбраны не случайно, в чем нужно отдать должное юмористическому таланту Саши Черного.

Итак, в исследованиях по литературной ономастике, а также при создании словарей онимной составляющей языка писателя, необходимо разграничивать понятия протонима и прототипа. Прототип – это реально существовавшая (существующая) личность или местность, которая стала предметом художественного изображения, «перевоплотилась» в объект, субъект или явление художественной действительности. Использовать понятие «прототип» необходимо с осторожностью и тогда, когда либо сам автор указывал на прототипы своих персонажей, либо изображенные в произведении персонаж или местность широко известны и историчны. Понятие прототипа относится к референту поэтонима, и далеко не всегда и даже, скорее, крайне редко, целесообразно говорить о нем. Но протонимами гипотетически обладают все поэтонимы. Протоним – это собственное имя, форма и / или значение которого стали причиной выбора писателем той или иной формы именованного персонажа или любого другого объекта художественной действительности. К определению протонима приводит анализ формы и семантики поэтонима. При этом протоним может не иметь никакой смысловой связи с предполагаемым для персонажа прототипом, что видно в приведенных примерах поэтонимов *Швабрин* (прототип – Шванвич, протоним – «швабра» – пример В. А. Никонова) и *Вакс Калошин* (прототип – Максимилиан Волошин, протонимы – «калоша» и «вакса»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. – Т. 4: Р – Я. – М.: Рипол Классик, 2006. – 672 с.
2. Шубинский В. Гумилев : История одной дуэли (фрагмент кн. В. Шубинского «Николай Гумилев. Жизнь поэта») [Электронный ресурс] // Газета «Частный корреспондент». – Режим доступа : [http : // www.chaskor.ru/article/gumilev_istoriya_odnoj_dueli_27708](http://www.chaskor.ru/article/gumilev_istoriya_odnoj_dueli_27708) (Дата обращения : 02.01.2017).
3. Ковалев Г. Ф. О чем говорят имена в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Г. Ф. Ковалев // Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и X Международных Михайловских литературно-ономастических чтений. – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 281–290.
4. Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях / Г. Ф. Ковалев // Региональная ономастика : проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей международной научной конференции, 2016. – С. 19–23.
5. Кораблев А. А. История литературы в «Мертвых душах» : портреты и оригиналы [Электронный ресурс] / А. А. Кораблев // Мемориальный музей «Дом Гоголя». – Режим доступа : [http : // domgogolya.ru/science/researches/911/](http://domgogolya.ru/science/researches/911/) (Дата обращения : 02.01.2017).
6. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
7. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
8. Собственное имя в русской поэзии XX века : Словарь личных имен [Электронный ресурс] / Сост. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. – Режим доступа : [http : // www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html](http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html) (Дата обращения : 02.01.2017).

9. Тынтянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынтянов. – М. : Наука, 1977. – 576 с.

10. Черный Саша. Собрание сочинений : в 5 т. – Т. 1 : Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905–1916 / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М. : Эллис Лак, 1996. – 464 с.

В. Ю. Хайтул

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. А. В. Емельяненко)

СУГЕСТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ АБІЗАЯ ЯК НОВОГО ТИПУ КРЕОЛІЗОВАНОГО ТЕКСТУ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Останнім часом комікс (т. з. *абізаї*) на науковому рівні розглядають не лише філологи, але й інші фахівці: починаючи з журналістів та закінчуючи такими спеціальностями, на перший погляд, ніяк не пов'язаними з графічними романами, як економісти, юристи. Приводів зацікавлення цим жанром багато. Це і акцентуація, і часопросторове сприйняття, та більше того – сугестивний потенціал такого простого і, як вважають деякі дослідники, низького жанру.

Слід зазначити, що цей вияв багатоплановий і розглядати його потрібно поділяючи на декілька пластів. У такий спосіб ми можемо уникнути розмов про дитячий потенціал абізаї та дещо помилкової думки В. Єрофеева: «Жодне мистецтво так точно не передає деградацію і дебілізацію людства, як комікс» [4, с. 447].

В такому разі на перший план одразу виходять повчальні мотиви, як приклад, популярні манга «Fairy Tail» з мотивами відданості у дружбі, довіри, важливості сім'ї; «Skip Beat!» – ідея цілеспрямованості; «Noblesse» – допомога слабким тощо.

Гарним прикладом сугестивного потенціалу є американський комікс, автор якого, як здається на перший погляд, постійно працює на аудиторію,

випускаючи історії про супергероїв. Однак не слід забувати, що й такі нехитрі оповіді з бійками й неоднозначними жартами мають свій вплив – пропагується любов до США. Героєм таких сюжетів стає або американець, що бажає ціною свого життя захистити Америку, або істота з іншого світу, яка приходить на американські землі для захисту США. Після змалювання такого сильного захисника країни залишається лише зробити його улюбленцем читача, тут бувають доречними жарти та пафос героя. Це й стає основною роллю коміксу. У такому випадку вислів про деградацію абізає В. Єрофеева є доцільним [4, с. 447], тому що на виході ми матимемо особистість, що розглядає примітивні картинки з вульгарними жартами, але не слід забувати, що такий читач стає фанатом не лише мальованих історій, але і своєї країни.

Ще один приклад, що знайомий усім: ненависть до Росії. Ця нав'язлива думка також передається у коміксах. Наприклад, персонажі Наталя Романова та Єлена Білова, Чорні вдови всесвіту Marvel Comics. За сюжетом ці дві жінки були народжені у СРСР. Але пізніше героїні розуміють, що США їм не ворог, вони йдуть з російської розвідки та долучаються до американської організації S.H.I.E.L.D.

Однак ворогом Росія постає не лише в американських коміксах. У манга «Secret Diplomacy of a Minister Excellency» дипломат Йосінагі Косі провів своє дитинство в СРСР, де за сюжетом отримав тяжку психологічну травму й став маріонеткою Росії. А російські багатії згадуються в абізаї як розбещені грошима насильники, які таємно керують країною.

Іноді більш завуальовано, в деяких випадках майже відкрито, йде пропаганда якихсь ідей, і читач поступово, сам того не помічаючи, підпадає під вплив цих закликів.

Однак російська публіка продовжує традиційно сприймати абізаї як щось несерйозне. Хоча їй слід нагадати, що саме цей жанр був найпотужнішим інструментом у роки Першої і Другої світової війн, під час Холодної війни [3, с. 233-234].

Цьому сприяє двоїстість абізає: єднання вербального і візуального компонентів з переважанням останнього. Дослідження П. К. Анохіна та Д. О. Поспелова в області фізіології доводять, що більший ефект в засвоєнні інформації можливий в поєднанні вербальної і невербальної частин. Тобто, використання піктограм, символів, колірною оформлення краще сприяє запам'ятовуванню, ніж виклад тексту з нульовою креолізацією. П. М. Ерднієв вважав, що кращому засвоєнню сприяє одночасна подача інформації у чотирьох кодах: малюнку, числовому, символічному і словесному форматі [6].

Абізає традиційно сприймається як стислий, спрощений текст, а значить, примітивний, позбавлений внутрішнього змісту. Але і тут постає багатоплановість цього жанру. Абізає – лише форма. Чим наповнити – вирішує лише автор, як тлумачити – вирішує читач. Тому можемо впевнено казати, що абізає є унікальним джерелом інформації. А вплив на свідомість читача може бути ще більшим, ніж вплив класичної літератури. Тобто цей жанр не лише зручна форма передачі інформації і засіб впливу, але й взагалі новий підхід до засвоєння.

Спрощений вигляд тексту в абізаї, окрім відкритої пропаганди якихсь думок, може використовуватись у спосіб умовчання: читач має додумувати. З одного боку, це стає гарним засобом навчання й засвоєння інформації, а з іншого, гарний метод маніпуляції, бо людина сама дійде до ідеї автора й потрапить у його пастку.

Деякою мірою жартуючи, І. Арзамасцева зазначала, що помилкова зневага до абізає може трактуватись через саму назву *комікс*, що означає *смішний, веселий* [7]. Водночас жанр вже давно відійшов від свого першочергового значення. Виникли нові серйозні напрямки: трагедії, документальні, історичні, біографічні сюжети.

Отже, абізає може використовуватись не лише як розважальна література, але й у публіцистичному стилі, в науково-популярному тощо. Крім того, іноді абізає використовується у текстах-інструкціях.

Останнім часом абізаї стає доволі популярним, адже є зрозумілим і дітям, і дорослим. Тому ми вважаємо доцільним на нинішньому етапі дослідження простежити можливості абізаї та навчитись використовувати його потенціал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Анищенко А. В. Комикс как тип видеовербального дискурса / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – Выпуск № 559. – С. 116–122.
3. Емельяненко А. В. Развитие «нового» комикса в славянских странах / А. В. Емельяненко, В. Ю. Хайтул // Наука и мир в языковом пространстве : (сб. науч. тр.) – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – Вып. 2. – С. 233–238.
4. Ерофеев В. Комиксы и комиксовая болезнь / В. Ерофеев // В лабиринте проклятых вопросов. Эссе. – Тверь : СФР, 1996. – С. 430–447.
5. Колшанский Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1974. – 81 с.
6. Лузина О. И. Анализ специфики визуального кодирования учебной информации гуманитарных дисциплин / О. И. Лузина // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 1. – С. 73–75.
7. Максимова С. Комикс в образовании : есть ли польза от дела? / С. Максимова // Народное образование. – 2002. – № 9. – С. 131–142.
8. Столярова Л. Г. Комикс как тип дискурса / Л. Г. Столярова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 278–284.

Ю. В. Харитonenko

(научн. рук – доктор филол. наук, доцент И. А. Герасименко)

КОЛОРАТИВЫ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «КФУ им. Вернадского» в г. Ялте

Введение. Мир поэзии Марины Цветаевой привлекает лингвистов своей таинственностью и необъятностью поэтического слова. Особым объектом исследований служат колоративы, которые являются специфическими представителями языковой картины мира поэта. Многообразие работ по творчеству М. Цветаевой представлено и широким списком исследований в области лексической семантики используемых поэтом колоративов. Р. Г. Почхуа, Н. А. Козина, Е. Фарыно, В. А. Маслова детально рассмотрели колоративы М. Цветаевой; Л. В. Зубова подробно описала эксцерпции этой группы слов; И. А. Герасименко уделила внимание колоративам в текстах рассматриваемого поэта. Однако попыток изучить структурную организацию всего массива колоративов, задействованных в идиостиле М. Цветаевой, не было предпринято.

Цель исследования – систематизация колоративов поэтического слова М. Цветаевой и описание их структурно-семантической организации, в том числе, колоративов как сложных слов и компонентов словосочетаний.

Типология колоративов представлена следующими группами: 1) с основным спектральным значением и производной колоративной номинацией (по типологии, предложенной И. А. Герасименко); 2) по семантическим особенностям – колоративы, вербализующие цвета и оттенки; 3) основные и производные колоративы, простые и составные по структуре; 4) по значению – основное и коннотативное значение

с констатацией оценки (позитивной, негативной, оценочной); 5) структурирование и семантизация оттенков.

Материалом тезисов выступила часть функционирующих в поэзии М. Цветаевой колоративов – 43 языковых единицы с основным спектральным значением и 17 слов с производной колоративной номинацией. Основные цвета актуализованы адъективами *черный, белый, красный, зеленый, синий, желтый, серый*. Ряд лексем являются композитными образованиями, например, *белокаменный, зеленоводный, желтоглазый, чернобровый, златокрылый* и др.

С позиции семантики данные колоративы передают, помимо основных «цветовых» или «оттеночных» значений, коннотативные смыслы позитивной и негативной оценочности. Например, «цветовая» семантика колоратива *красный* осложнена дополнительными позитивными смыслами (...*Слышу страстные голоса – / И один, что молчит упорно. / Вижу красные паруса – / И один – между ними – черный...*); лексема *белый* – как с положительной (...*А впрочем – что ж, коли не лень! / Но всех перелюбя, / Быть может, я в тот черный день / Очнусь – белей тебя!*), так и с отрицательной коннотацией (...*Ненависть, ниц: / Сын – раз в крови! / Собственным телом / Отдал за всех... Дай же им белыми / Быть во гробех*). Колоративы с производной «цветовой» номинацией представлены в идиостиле М. Цветаевой лексемами *золотой, серебряный, темный, розовый, малиновый, вишенный, румяный, пурпурный*, семантика которых дополнена позитивными оценочными смыслами (*Мечтать о замке золотом / Качать, кружить, трясти / Сначала куклу, а потом / Не куклу, а почти*).

Оттеночные значения передают слова *исчерна-синий, иссиня-черный*, которые осложнены оценочностью. Например, у М. Цветаевой композит *иссиня-чёрный* участвует в актуализации верхнего мира, неба, вознесение. Ср.: *Иссиня-черное, исчерна- / Синее твоё оперение. / Жесткая, жадная, жаркая / Мать*.

Выводы. Анализ семантики расструктурированных по группам колоративов поэтики М. Цветаевой позволяет убедиться в том, что данные лексемы в контексте повествования приобретают дополнительные семантические оттенки, для них характерен символизм, создающий особый, присущий только цветаевскому слову, психологизм и духовное познание личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений / И. А. Герасименко. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 440 с.
2. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л. : ЛГУ, 1989. – 264 с.
3. Козина Н. А. Антонимия в очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» / Н. А. Козина // Проблемы семантики : Сб. науч. тр. Латв. ун-та им. П. Стучки / Отв. ред. Я. Карклиньш. – Рига : ЛГУ, 1981. – С. 106–112.
4. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : Учеб. пособ. / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 256 с.
5. Почхуа Р. Г. Лингвоспектр русской поэзии XVIII–XX вв.: Состав и частотность / Р. Г. Почхуа. – Тбилиси : ИТУ, 1977. – 152 с.
6. Фарыно Е. Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» – «Царь-Девица» – «Переулочки») / Е. Фарыно // Wiener Slawistischer Almanach. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985. – 415 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Ярошенко Н. А. Памяти учителя: к 85-летию со дня рождения профессора Е. С. Отина	4
Агафонова О. В. Выражение категории диалогичности в комментариях к блогам политиков	10
Анисимова Е. И. Особенности собственных имен в повести В. С. Забирко «Вариант Пата»	15
Анушкина Н. А. Лексико-стилистические средства идиостиля В. Платовой	24
Баранов А. В. Семантическая структура лексемы «луна» в украинском языке	28
Барнет О. И. Лингвистические эксперименты раннего В. Маяковского и русский футуризм	34
Борозенец Д. И. Из наблюдений над языком «Слова о полку Игореве»: опыт моего первого лингвистического анализа древнерусского текста	41
Вишнякова Н. М. Лексические средства выражения категории пространства в текстах восточнославянских лечебных заговоров	48
Галкина А. В. Билингвизм как явление международное и региональное. Особенности языковой ситуации Донбасса	54
Гулая М. В. Типология заданий при изучении суффикса на уроках русского языка в 5 классе общеобразовательной школы	59
Давыдкина А. С. Зоны семантической структуры <i>путь</i> (на материале «Словаря русского языка X-XVIII вв.» Е. С. Отина)	66
Дёмина О. Д. Эргонимы города Алушты	72
Емельяненко А. В., Жуков А. Е. Креолизованные тексты как реализаторы суггестии	77
Ковычка А. В. История исследования креолизованных текстов	85
Кособродова А. В. Кроссворд в системе активных методов обучения русскому языку студентов нефилологических специальностей	90

К о ю д а Л . В . Типы языковой игры в структуре заголовков современных сми (на материале сайта www.zagolovki.ru)	95
К р и в ц у н Е . А . Языковая норма и её реализация в языке Интернета (на материале русскоязычных чатов и форумов)	102
К у ш н і р Н . В . , А . Є . Ж у к о в А . Є . Методика проведения уроку з української мови в 5 класі з теми «Лексикологія»	111
Л о г в и н о в а И . В . Поэтическая кузница и особенности словесной игры в пьесе Л. Тика «Принц Цербино»	125
М а д а н о в а И . Ф . Особенности реализации концепта «жизнь» в поэме М. Цветаевой «Крысолов»	130
Н а з а р о в а Е . В . Глаголы межличностных отношений в «Повести временных лет»	147
Н е м ч е н к о В . И . Сопоставительный анализ семантической структуры глаголов чувств в русском и украинском языках (на материале глаголов <i>гневаться-гніватися, злиться-злитися</i>)	151
П а н ч е н к о А . Д . Приёмы языковой игры в рекламном тексте как способ воздействия на потенциального потребителя	158
П а п и ш И . В . Оценочная лексика в современных мультипликационных текстах	164
Р е в ч у к Н . Н . Термины родства в «Национальном корпусе русского языка»	168
С о в а Ю . А . Язык города Москвы второй половины XIX – начала XX столетия (по материалам книги В. А. Гиляровского «Москва и москвичи»)	176
Т о р и ч н а я Е . В . Типология сем-интенсфикаторов (на материале препозитивных основ композитов русского языка)	183
У с а н о в а В . С . История исследования синонимов	188
Ф е д о т о в а К . С . К вопросу об использовании понятий «протоним» и «прототип» в исследованиях по литературной ономастике (поэтонимологии)	193

- Хайтул В. Ю. Сугестивний потенціал абізя як нового типу
креолізованого тексту 199
- Харитоненко Ю. В. Колоративы в структуре поэтических
текстов М. И. Цветаевой 203

Научное издание

Актуальные проблемы изучения славянских языков : Материалы
II Международной научной конференции студентов и молодых учёных
памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 25 января 2017 г.)

Выпуск 2